S 77/557

17778
95 4/6
911 § 77/557
1199

ОГНИЩАНИНЪ И КНЯЖЬ МУЖЪ,

или

СЛѢДЫ БЫТА ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНСКИХЪ КНЯЗЕЙ

въ

РУССКОЙ ПРАВДѢ.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

СОЧИНЕНІЕ

В. Мстиславскаго.

Публ. библ. СССР имени В. И. Ленина
ф-32-4241

Библ. кн. П. П. Вяземского.
60 г. г. 196.

№ 199

113 IV/25

2007043301

S 77/557

НѢКОТОРЫЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ПОНЯТІЯ.

Какъ, по видимому, ни спеціаленъ вопросъ, служащій предметомъ предлагаемаго очерка, и хотя онъ относится къ отрицательной сторонѣ жизни, тѣмъ не менѣе рѣшеніе его, по связи этого вопроса со многими другими, относящимися къ глубокой древности, не можетъ не пролить яркій свѣтъ на состояніе страны въ эпоху передъ призваніемъ князей Варяго-Руссовъ. Скоро исторія наша совершитъ тысячелѣтній кругъ свой, и кто будетъ отрицать въ ней связь предыдущаго съ послѣдующимъ, настоящаго съ давноминувшимъ? Кто также не согласится, какое неослабное вліяніе на всю послѣдующую исторію оказываетъ ея начало, точка отбытія? Стóитъ, впрочемъ, замѣтить, что въ эпоху призванія Руси, этому событію, которымъ такъ безпримѣрно начинается исторія наша, предшествовала значительная катастрофа въ землѣ Русскихъ Славянъ, засвидѣтельствованная отчасти лѣтописцемъ, и живыми памятниками которой въ позднѣйшую эпоху были, по всей вѣроятности, огнищане, княжи мужи Русской Правды. Не менѣе замѣчательно и то, что самая исторія наша началась путемъ отрицанія, и какъ оно было полно и всецѣло, то уже въ самомъ актѣ свободнаго призванія заключалось торжество положительнаго начала, начала нашей исторической жизни. Это случилось, по свидѣтельству Нестора, ровно въ 862 году, когда предки наши рѣшились торжественно сказать князьямъ Варяго-

Руссамъ: «Вся земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжитъ и володѣтъ нами.» Кто не согласится, что этимъ актомъ свободнаго призванія Князя предки наши торжественно отрѣшились отъ всѣхъ насильственныхъ мѣръ, отъ тѣхъ потрясеній, которыя когда либо волновали миръ Славянскихъ общинъ и имѣли источникомъ своимъ отсутствіе чувства законности и права, сперва, разумѣется, въ ихъ представителяхъ — родахъ, а затѣмъ уже и въ самыхъ массахъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, говоря: «И не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ; бяшя въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву:» или, какъ въ другихъ спискахъ: «рядилъ по ряду, по праву.» Какъ ярко рисуется въ послѣднихъ словахъ приведеннаго мѣста идеалъ князя по понятіямъ нашихъ предковъ, идеалъ, исканіе котораго составляетъ содержаніе внутренней исторіи Новгорода, а главныя черты его обозначены въ такъ называемой Правдѣ Новгородской, имѣвшей выраженіемъ своимъ грамоты Ярославовы, на которыхъ князья цѣловали крестъ къ Новгороду. Но безъ предварительныхъ изслѣдованій, безъ монографій и критическихъ изысканій, не только нельзя прослѣдить безостановочно нить Русской исторіи, или воспроизвести судьбы, положимъ, древняго Новгорода, но часто рѣшительно бываетъ невозможно отдѣлить истинный смыслъ событія отъ кажущагося мнѣа. А сколько такихъ мнѣовъ, сколько самыхъ полныхъ и цѣльныхъ идей представляетъ одна Русская Правда, изученіе которой вообще нелишне для успѣховъ исторіи, потому что то была пора перваго, свободнаго, самостоятельнаго развитія Русской жизни и Русскаго духа во всѣхъ отношеніяхъ и преимущественно — общественномъ. — Въ статьѣ о поклепной вирѣ, помѣщенной въ одной изъ книгъ «Русской Бесѣды» за 1858 годъ, я имѣлъ случай объяснить, на сколько позволяли средства, что подъ этимъ названіемъ

въ Русской Правдѣ скрывается учрежденіе нашего древняго публичнаго права или, такъ называемаго, обвинительнаго процесса (jus publicum), коренныя начала котораго по Русской Правдѣ и были показаны въ означенной статьѣ. Предлагаемый теперь очеркъ имѣетъ предметомъ своимъ указать слѣды быта древнихъ Славянскихъ князей, сохранившихся въ Русской Правдѣ подъ именемъ княжихъ мужей, огнищанъ. Какъ, повторяю, ни спеціаленъ вопросъ, выводимый въ этой статьѣ, но обойти его невозможно. Напротивъ того, возстановляя, хотя приблизительно, бытъ древнихъ Славянскихъ князей — княжихъ родовъ Славянскихъ—по тѣмъ чертамъ, которыя сохранила о нихъ—въ лицѣ огнищанъ—Русская Правда, мы, во первыхъ, получаемъ возможность видѣть всю несостоятельность ихъ въ эпоху, предшествовавшую призванію князей Варяго-Руссовъ, и такимъ образомъ получаемъ возможность оцѣнить внутренній смыслъ и самого этого событія, съ котораго собственно начинается исторія наша. А во вторыхъ, какъ ни высоко было положеніе огнищанъ въ гражданскомъ быту въ періодъ Русской Правды, тѣмъ не менѣе это были развалины отжившаго свое время кастическаго быта древнихъ родовъ Славянскихъ, и потому не только не удивительно, если среди этой, распавшейся по своимъ историческимъ причинамъ, касты могли имѣть мѣсто явленія, свидѣтельствующія о внутреннемъ разложеніи ея и вызвавшія за тѣмъ особое, исключительное постановленіе Правды объ огнищанахъ съ ихъ тіунами, которое будетъ приведено нами въ ряду прочихъ; но также понятно и то, почему изъ среды этого исключительно высшаго сословія, какимъ представляетъ Русская Правда огнищанъ, какъ потомковъ древнихъ владѣтельныхъ родовъ Славянскихъ, не могло и въ послѣдствіи образоваться одно плотное, органическое тѣло, какимъ, на пр., было подобное сословіе въ другихъ странахъ. Исторія пошла своею дорогой и вызвала къ дѣятельности другія, свѣжія силы.

Такою силой въ Новгородѣ было сословіе людиновъ (въ послѣдствіи Людинъ конецъ). Имъ, собственно говоря, принадлежало главное участіе въ призваніи Князей Варяго-Руссовъ и въ установленіи Правды Новгородской. Но какъ ключемъ къ разрѣшенію этихъ и многихъ другихъ подобныхъ вопросовъ служитъ вопросъ объ огнищанахъ, стоявшій нѣкогда, подобно нашему крѣпостному вопросу, на порогѣ древней гражданственности нашей, то на этомъ основаніи я и позволилъ себѣ въ этомъ слабомъ очеркѣ представить нѣкоторыя соображенія по означенному вопросу, съ цѣлію воспользоваться выводами этого изслѣдованія для объясненія внутреннихъ причинъ призванія Руси и тѣхъ началъ, которыя легли въ основаніе Правды Новгородской и вообще Русской Правды. Я увѣренъ, что теперь болѣе нежели когда либо изслѣдователь обязанъ съ найстрожайшею критикой относиться ко многимъ, хотя бы, по видимому, самымъ микроскопическимъ явленіямъ, но въ которыхъ, если внимательно всмотрѣться въ нихъ, могутъ открыться слѣды быта, имѣвшаго въ свое время то или другое значеніе, и также надѣюсь, что никто не взыщетъ за возможное увлеченіе тамъ, гдѣ дѣло идетъ о такомъ темномъ вопросѣ, какъ этотъ вопросъ объ огнищанахъ въ такой отдаленной, языческой древности. При всемъ томъ считаю долгомъ предупредить читателя, что онъ напрасно сталъ бы искать здѣсь полнаго разрѣшенія вопроса. Трудъ будетъ не потерянъ и цѣль статьи достигнута, если вопросъ по возможности будетъ освѣщенъ съ различныхъ сторонъ. Ars longa, vita brevis — такъ обыкновенно учивали въ школахъ, или, какъ говоритъ наша мудрая Русская пословица: «Все минется, одна правда останется.»

ОГНИЩАНИНЪ И КНЯЖЬ МУЖЪ,

ИЛИ

СЛѢДЫ БЫТА ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНСКИХЪ КНЯЗЕЙ

ВЪ

РУССКОЙ ПРАВДѢ.

«Критикъ никакъ не долженъ стѣсняться тѣмъ, что его мнѣніе окажется, можетъ быть, неблагопріятнымъ для нашего памятника, или будетъ противорѣчить выводамъ какого нибудь знаменитаго комментатора Русской Правды: для него да будетъ важнѣе всего на свѣтѣ добросовѣстное изслѣдованіе своего предмета, и всего драгоцѣннѣе святая истина, къ которой онъ долженъ стремиться сквозь мракъ сомнѣній, противорѣчій и всѣхъ другихъ препятствій.»

И. Калачевъ.

Извѣстно, что какъ цѣлыя племена, расы, такъ и отдѣльныя сословія или корпораціи, не вдругъ исчезаютъ въ исторіи, но, вмѣстѣ съ измѣненіемъ общаго хода судебъ, они перемѣняютъ роль свою, которую потомъ и продолжаютъ играть до позднѣйшей эпохи, когда находятъ ихъ подъ другими именами и подъ другими историческими опредѣленіями. Этотъ общій законъ исторіи прилагается въ частности и къ роду-племени нашихъ древнихъ Славянскихъ князей, жившихъ и владѣвшихъ, какъ извѣстно, едва ли не въ каждомъ Славянскомъ племени. Они долго еще существовали на Руси и послѣ прибытія князей Варяго-Руссовъ, скрываясь отъ взо-

ровъ исторіи тамъ и здѣсь подъ разными мѣстными, или случайными, названіями, пока, наконецъ, не сложились въ одно болѣе или менѣе опредѣленное юридическое тѣло или сословіе государственное, извѣстное въ Русской Правдѣ подъ именемъ огнищанъ и княжихъ мужей.

Сколько извѣстно, до сихъ поръ никто изъ изслѣдователей Русской Правды не обращалъ надлежащаго вниманія на это выраженіе ея: княжь мужъ, можетъ быть, по той простой причинѣ, что слово это казалось совершенно понятнымъ всѣмъ и каждому безъ всякихъ дальнихъ справокъ и объясненій. Княжи мужи? Да это просто на просто чиновники княжескіе, придворные князя, его ближняя дружина, вообще классъ почетныхъ, приближенныхъ мужей, состоявшихъ при князѣ — вотъ отвѣтъ, который найдете въ любомъ сочиненіи, болѣе или менѣе касающемся сказаннаго вопроса. И если бы кто пожелалъ узнать, на чемъ основано такое объясненіе, то онъ, конечно, получилъ бы въ отвѣтъ, что въ Русской Правдѣ, равно какъ и въ другихъ памятникахъ старинной письменности нашей, вчастую при словѣ князь встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующихъ: свой мужъ, его мужъ, мужи Ярославли, Всеволожи, Изяславли и т. под., каковыя, де, выраженія и объясняютъ смыслъ къ этой же категоріи относящагося слова: княжь мужъ. Признаемся, намъ и самимъ всегда казалось такое объясненіе совершенно удовлетворительнымъ; но, всматриваясь ближе, замѣчаемъ, что между княжими или своими мужами и собственно, такъ называемыми, княжими мужами Русской Правды не было и не могло быть никакого соотношенія.

Равнымъ образомъ и названіе огнищанинъ до сихъ поръ остается непонятымъ въ Русской Правдѣ. Правда, въ свое время изслѣдователи Русской исторіи попали было на прямую дорогу въ объясненіи этого имени, замѣтивъ, что въ Русской Правдѣ, въ различныхъ статьяхъ ея, тамъ, гдѣ по однимъ спискамъ значится огнищанинъ, въ другихъ на мѣстѣ его стоитъ княжь мужъ. Но вмѣсто того, чтобъ, основавшись на этомъ, итти впередъ въ объясненіи имени княжь мужъ, они остались при прежнемъ понятіи о княжихъ мужахъ, которое распространили и на огнищанъ, признавъ послѣднихъ за какихъ-то придворныхъ князя, которыми они никогда не были; на томъ и остановилось все дѣло. А между тѣмъ отъ сближенія между собою этихъ двухъ словъ многое могло бы уясниться

въ Исторіи нашей, и прежде всего можно дойти этимъ путемъ до разрѣшенія вопроса о княжихъ мужахъ, о служебномъ значеніи которыхъ Русская Правда рѣшительно не имѣетъ никакого понятія. Какъ прямое противоположеніе такому понятію о княжихъ мужахъ, является образъ древнихъ Славянскихъ князей, потомки которыхъ жили какъ прежде и послѣ, такъ и въ періодъ Русской Правды, и потому не могли не получить въ ней своего опредѣленія, наряду съ прочими сословіями того времени. Это, по нашему мнѣнію, доказывается: во 1-хъ, особеннымъ, исключительнымъ, но отнюдь не служебнымъ значеніемъ княжихъ мужей въ Русской Правдѣ; во 2-хъ, таковымъ же значеніемъ огнищанъ, упоминаемыхъ въ Правдѣ сыновей Ярославовыхъ; и, наконецъ, въ 3-хъ, соотношеніемъ этихъ обоихъ словъ съ названіемъ житьи люди, въ которомъ еще Карамзинъ видѣлъ огнищанъ XI вѣка, слѣдовательно, прибавимъ мы, и княжихъ мужей Ярославовой Правды, потому что выраженія: огнищанинъ и князь мужъ суть тождесловы въ Русской Правдѣ.

Опредѣливъ такимъ образомъ точку зрѣнія, съ которой, по нашему мнѣнію, надлежитъ смотрѣть на огнищанъ и княжихъ мужей, мы, однако жь, не беремъ на себя рѣшить этотъ вопросъ во всей его полнотѣ. Извѣстно, что въ историческихъ изслѣдованіяхъ успѣхъ нерѣдко зависитъ отъ того, какъ постановленъ вопросъ. Относительно вопроса объ огнищанахъ и княжихъ мужахъ наша цѣль будетъ достигнута, если мы успѣемъ доказать, что подъ этими именами скрывается въ Русской Правдѣ особый бытъ какихъ-то княжилыхъ или княживщихъ мужей, по всей вѣроятности, потомковъ древнихъ Славянскихъ князей, а отнюдь не чиновниковъ или какихъ либо мужей-бояръ княжескихъ, что даже и немыслимо по Русской Правдѣ, хотя это мнѣніе до сихъ поръ и остается господствующимъ въ литературѣ этого памятника.

Всякому, знакомому съ языкомъ Русской Правды, извѣстно, что послѣдняя, для выраженія идей своихъ, употребляетъ слова и выраженія вполнѣ опредѣленныя, такъ сказать, типическія, разомъ очерчивающія весь предметъ и не подающія повода къ уклоненію мысли въ произвольныя о немъ сужденія или предположенія. На этомъ основаніи мы имѣемъ полное право всѣ эти качества приписать и выраженію князь мужъ, находящемуся притомъ въ такихъ постановленіяхъ, которыя, какъ статьи объ убійствѣ, имѣютъ предметомъ своимъ назначеніе двойной виры — 80 гривенъ — за убійство

лица, означеннаго сказаннымъ именемъ. Но, принимая княжихъ мужей въ значеніи служебныхъ лицъ, состоявшихъ при князѣ, мы, очевидно, ничего не рѣшаемъ относительно сказаннаго слова въ самомъ памятникѣ, потому что не рѣшаемъ: какіе именно чины или должности, въ періодъ Русской Правды, входили въ разрядъ тѣхъ, которые сообщали лицамъ, занимавшимъ ихъ, названіе княжь мужъ, или же самое имя это было опредѣленнымъ юридическимъ терминомъ для означенія извѣстнаго какого либо сана, титула или достоинства, сообщаемаго знатнѣйшимъ чиновникамъ княжескимъ по волѣ князя? Для того, чтобъ освободить Русскую Правду отъ незаслуженнаго ею упрека въ неточномъ употребленіи словъ и выраженій, разумѣется, всего скорѣе слѣдовало бы принять здѣсь сказанное имя въ этомъ послѣднемъ значеніи. Но тогда, нельзя не сознаться въ этомъ, мы поставили бы себя въ противорѣчіе со всею древностію нашею, не сохранившею въ памятникахъ своихъ ни малѣйшаго слѣда существованія княжихъ мужей въ качествѣ лицъ, отличенныхъ отъ всѣхъ прочихъ этимъ титуломъ или саномъ своимъ, полученнымъ отъ князя. Такое молчаніе о княжихъ мужахъ, замѣчаемое во всѣхъ послѣдующихъ юридическихъ памятникахъ нашихъ, конечно, имѣетъ свой вѣсъ на вѣсахъ исторической критики, особенно когда извѣстно, что всѣ прочія подобныя имена, или юридическіе термины, не только сохранились въ этихъ послѣдующихъ памятникахъ, но даже получили въ нихъ дальнѣйшее развитіе свое, словомъ, имѣютъ свою исторію. Наконецъ, такое невѣдѣніе о княжихъ мужахъ послѣдующей исторіи нашей, по истинѣ, было бы ни чѣмъ не объяснимымъ явленіемъ, если допустить, что съ этимъ названіемъ соединялось въ Русской Правдѣ понятіе о какихъ либо верховныхъ, исключительныхъ сановникахъ княжескихъ,—установленіи собственно княжескомъ,—которое, по этому, долженствовало бъ имѣть всѣ условія, необходимыя для дальнѣйшаго его развитія. Такимъ образомъ, волей, неволей, мы должны отказаться отъ такого предположенія и поискать основаній для объясненія княжихъ мужей въ болѣе обширномъ, собирательномъ значеніи этого слова, на пр., въ значеніи думы, или двора, вообще дружины княжеской. Но здѣсь-то и представляется во всей силѣ вопросъ: на какіе же чины или должности въ составѣ двора или дружины княжеской распространялось это родовое или собирательное имя княжь мужъ? Конечно, ближе всего было бы указать здѣсь на членовъ, такъ называемой, большей или первой

дружины княжеской, которые, какъ извѣстно изъ лѣтописей, дѣйствительно назывались то мужами, то боярами, въ противоположность членамъ младшей дружины, называвшимся отроками, дѣтскими. Но въ томъ-то и дѣло, что между мужами, или боярами, лѣтописей и княжими мужами Русской Правды не было и не могло быть никакого соотношенія; и это утверждаемъ мы, основываясь на свидѣтельствѣ краткаго Новгородскаго, иначе Академическаго, списка, въ которомъ, на мѣстѣ выраженія княжь мужъ, стоитъ огнищанинъ. Не скроемъ, что есть изслѣдователи Русской Правды, которые, затрудняясь согласить значеніе княжа мужа съ значеніемъ огнищанина, выражаютъ сильное сомнѣніе на счетъ достоинства тѣхъ списковъ ея, въ которыхъ первое названіе замѣнено послѣднимъ. Но это доказываетъ только отсутствіе твердыхъ началъ въ исторической критикѣ нашей и убѣждаетъ въ необходимости всесторонняго, спеціальнаго изученія каждой статьи памятника по спискамъ разныхъ редакцій. Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г-на Дубенскаго, что огнищанинъ не могъ быть княжимъ мужемъ въ смыслѣ боярина, или другаго какого либо чиновника княжескаго; [1] но, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуя Шлецеру, Еверсу, Карамзину, Погодину, Тобину и Калачеву, не видимъ достаточнаго основанія отрицать несомнѣнное достоинство краткаго Новгородскаго списка, замѣняющаго послѣднее названіе первымъ, и полагаемъ, что дѣло объяснится само собою, какъ скоро возстановлено будетъ настоящее значеніе княжихъ мужей, о служебномъ значеніи которыхъ, равно какъ и огнищанъ, Русская Правда, повторимъ еще разъ, рѣшительно не имѣетъ никакого понятія.

Кромѣ княжа мужа и огнищанина въ Русской Правдѣ упоминаются слѣдующія лица, за которыя взималась вира 80 гривенъ: тіунъ княжь, подъѣздный княжь и конюшій. Вотъ это служебныя лица, и исчисленіе ихъ по должностямъ показываетъ, что Русская Правда послѣдовала бы этой системѣ и относительно другихъ чиновниковъ княжескихъ, если бы надлежало распространить на нихъ постановленіе о 80-ти гривенной вирѣ, тѣмъ болѣе, что система эта есть господствующая въ Правдѣ.

Наконецъ, нельзя не обратить особеннаго вниманія на то обстоятельство, что въ Русской Правдѣ, по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ

[1] См. «Объ Ярославовой Правдѣ» въ кн. 2 «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ,» 1846.

ея, о княжихъ мужахъ упоминается исключительно въ однихъ только статьяхъ объ убійствѣ и вирахъ, т. е., въ статьяхъ, имѣющихъ предметомъ своимъ законы уголовные, государственные: а это, послѣ всего сказаннаго, естественно приводитъ къ вопросу: не означали ль княжи мужи особое какое либо исключительное сословіе въ смыслѣ государственномъ? Дѣло весьма вѣроятное и, смотря на княжихъ мужей съ этой точки зрѣнія, мы получаемъ возможность не только пріурочить къ нимъ огнищанъ, принимаемыхъ всѣми лучшими писателями нашими за именитыхъ, почетнѣйшихъ гражданъ, и отъ которыхъ, по ученію Карамзина, произошли извѣстные въ послѣдствіи житьи люди, но также объяснить и самое раздѣленіе древняго народонаселенія Руси на три главныя сословія: высшее (княжихъ мужей), среднее (людиновъ-мужей) и низшее или классъ не полноправныхъ, по различію виръ, вообще платы за убійство.

Читаемъ съ этою цѣлью статью объ убійствѣ по Троицкому списку, предшествуемую извѣстіемъ объ отмѣнѣ кровавой мести сыновьями Ярославовыми:

«По Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячько, Перенѣгъ, Никифоръ, і отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати; а іно все, яко же Ярославъ судилъ, тако же і сынове его уставиша:

О убійствѣ.

«Аже кто убиеть княжа мужа въ разбои, а головника не ищють, то виревную платити, въ чьей же верви голова лежить, то 80 гривенъ; паки ль людина, то 40 гривенъ.» [1]

Изъ этой, равно какъ и другихъ, относящихся сюда, статей по спискамъ разныхъ редакцій, узнаемъ, что виръ у насъ было два главныхъ вида: 80 гривенъ и 40 гривенъ, соотвѣтственно чему и самыя лица, за убійство которыхъ взималась та, или другая, вира, принадлежали къ двумъ главнымъ и совершенно различнымъ разрядамъ, княжимъ мужамъ и людинамъ, изъ коихъ первые составляли прямую противоположность послѣднимъ, такъ какъ за убійство людина взималось виревнаго 40 гривенъ, а за княжа мужа вдвое— 80 гривенъ.

---

[1] См. «Текстъ Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій,» изд. И. Калачова, 1846, стр. 5, ст. 3.

Дѣло объяснится, какъ скоро обратимся къ значенію людиновъ (не-княжихъ мужей) въ Русской Правдѣ, для чего напередъ должно объяснить значеніе простой 40-гривенной виры.

Изъ сейчасъ приведенной статьи Троицкаго списка мы видѣли, что вира въ 40 гривенъ взималась за убійство людина; но по другой статьѣ того же списка, состоящей въ непосредственной связи съ вышеприведенною и отдѣленной отъ нея однимъ, извѣстнымъ уже намъ, сказаніемъ объ отмѣнѣ мести сыновьями Ярославовыми, эта вира, 40 гривенъ, была взимаема за убійство, такъ называемаго, мужа, къ каковому разряду, за исключеніемъ княжихъ мужей, составлявшихъ, какъ сказали мы, свой особый разрядъ, принадлежали всѣ полноправные Руссы и Славяне, всѣ гридины, купцы и мечники, а изъ неполноправныхъ одни только тіуны боярскіе и изгои. Статья эта, на которую въ послѣдствіи мы обратимъ особое вниманіе, въ нѣкоторыхъ спискахъ носитъ названіе: «Судъ Ярославль Володимеричь о душегубствѣ.»

«Аже убиеть мужъ мужа, то мьстити брату брата, либо отцю, ли сыну, либо братучаду, ли братню сынови; аще ли не будеть кто его мьстя, то положити за голову 80 гривенъ, аче будеть княжь мужъ или тиуна княжа; аще ли будеть Русинъ, или гридь, любо купець, любо тивунъ боярескъ, любо мечникъ, любо ізгой, ли Словѣнинъ, то 40 гривенъ положити за нь,» [1]—или, какъ яснѣе, въ подобной же, но, суля по содержанію и формамъ, древнѣйшей статьѣ краткаго Новгородскаго списка, отличающагося особенностію редакціи своей какъ отъ Троицкаго, такъ и отъ всѣхъ другихъ подобныхъ списковъ:

«Убьеть мужъ мужа, то мьстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучаду, любо сестрину сынови; аще не будеть кто мьстя, то 40 гривенъ за голову, аще будеть русинъ, любо гридинъ, любо купчина, любо ябедникъ (въ прочихъ спискахъ: тиунъ боярски), любо мечникъ; аще изьгой будеть, любо Словенинъ, то 40 гривенъ положити за нь». [2]

Если вся разница между приведенными статьями, относящимися къ одному и тому же предмету, и изъ коихъ двѣ послѣднія, по общему признаку ихъ мести, должны быть отнесены къ пері-

[1] Тамъ же, ст. 1.

[2] Тамъ же, стр. 1, ст. 1.

оду Ярославовой Правды, состоитъ въ томъ, что статья краткаго Новгородскаго или Академическаго списка, какъ незнакомая еще съ понятіемъ о двойной вирѣ, очевидно, по времени происхожденія своего, принадлежала къ найдревнѣйшей эпохѣ; статьи же Троицкаго списка, различаясь между собою въ способѣ взиманія виръ, или съ самаго головника, если онъ находился на лицѣ, или же, въ случаѣ не отысканія его, съ цѣлаго округа, верви, въ другихъ отношеніяхъ никакой особенной разницы не представляютъ, будучи при томъ совершенно согласны между собою, какъ относительно существа виръ, такъ и ихъ раздѣленія на два противоположные вида, почему и должны быть разсматриваемы, какъ принадлежащія къ одному и тому же законодательному циклу, состоя въ непосредственной, взаимной связи одна съ другою, то на этомъ основаніи объ онѣ и должны быть приняты въ соображеніе при опредѣленіи значенія 40-гривенной виры, равно какъ и древнѣйшая статья Академическаго списка, такъ какъ понятіе о 40 гривнахъ присуще всѣмъ имъ въ одинаковой степени. Что же открывается изъ сличенія статей этихъ? То, что вира — 40 гривенъ, т. е., обыкновенная, простая вира, взимаемая по одной изъ нихъ за убійство людина, а по другой за убійство мужа, къ каковому разряду, по статьямъ обѣихъ разновременныхъ редакцій, принадлежали всѣ полноправные граждане, во 1-хъ, безъ всякаго различія въ племенномъ происхожденіи: «аще ли будеть Русинъ,... ли Словѣнинъ;» во 2-хъ, безъ всякаго отношенія къ роду занятій или службы: «или гридь, любо купець, любо мечникъ,» была установлена собственно для огражденія этого полноправнаго сословія, къ которому изъ неполноправныхъ пріурочены были, относительно виры, одни только тіуны боярскіе и изгои, безъ всякаго сомнѣнія, по особенному, исключительному положенію или значенію этихъ лицъ въ государствѣ и обществѣ, подобно тому, какъ въ послѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи Правды, подведены были подъ виру 40 гривенъ отрокъ княжь, поваръ княжь и конюхъ княжь, очевидно, по уваженію къ этимъ служительскимъ должностямъ ихъ при князѣ. Почему, если мы, слѣдуя тѣмъ же путемъ, отдѣлимъ эти частные случаи, какъ исключенія изъ общаго правила о людинѣ и мужѣ, то послѣднее опредѣлится само собою, и мы увидимъ, что людины и мужи, или, выражаясь точнѣе, людины-мужи и означали именно этотъ полноправный классъ гражданъ, мужей въ полномъ значеніи этого

слова, какъ огражденныхъ общею и для всѣхъ равною 40-гривенною вирой, и внѣ круга которыхъ стояли ремесленники, тіуны княжи, сельскіе и ратайные, такъ какъ за убійство того или другаго изъ этихъ послѣднихъ взимались не вира, а 12 гривенъ. [1] Послѣднее обстоятельство, это исключеніе ремесленниковъ, тіуновъ сельскихъ и ратайныхъ изъ постановленій о 40-гривнахъ, возможное только подъ условіемъ полнаго различія между ними и людинами-мужами, окончательно убѣждаетъ, что названіе людинъ не только было равносильно имени мужъ, означая, вмѣстѣ съ нимъ, всѣхъ полноправныхъ гражданъ, огражденныхъ 40-гривенною вирой, но, какъ прямое противоположеніе имени княжь мужъ, обнимало собою сословіе, отличное отъ этихъ послѣднихъ и всѣхъ не-мужей, каковыми были ремесленники, тіуны сельскіе и т. п; другими словами, оно было опредѣленнымъ юридическимъ терминомъ для означенія извѣстнаго средняго состоянія или быта, выше котораго стояли, такъ называемые, княжи мужи, огражденные двойною 80-гривенною вирой, а подъ нимъ сословіе не-мужей, обнимавшее всѣхъ остальныхъ свободныхъ людей, за которыхъ, какъ то: за ремесленниковъ, тіуновъ сельскихъ и ратайныхъ, взималось не болѣе 12 гривенъ. Но число 12 гривенъ означало, какъ извѣстно, высшую степень продажи,— пени, установленной собственно за нарушеніе вещнаго права и также взимаемой за убійство холопа въ томъ случаѣ, если онъ убитъ «безъ вины.» [2] Откуда легко усмотрѣть, что лица, огражденныя не вирою, а 12 гривнами, не могли принадлежать къ полноправнымъ гражданамъ и составляли послѣднюю, низшую ступень въ свободномъ народонаселеніи Руси, такъ какъ плата ниже 12 гривенъ, на пр., 5 гривенъ, была взимаема уже за рядовича, составлявшаго переходъ къ несвободнымъ, холопамъ. [3]

Такимъ образомъ, слѣдуя точному смыслу статей объ убійствѣ и врахъ, видимъ, что все свободное народонаселеніе Руси въ пері-

---

[1] «А въ сельскомъ тивунѣ княжѣ, іли въ ратайнѣмъ, то 12 гривенъ.... а за ремественика и за ремественицю, то 12 гривенъ.» Троицк. сп. стт. 11 и 12.

[2] «А въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть; но оже будеть безъ вины убиенъ, то за холопъ урокъ платити, или за робу, а князю 12 гривенъ продажѣ.» Тамъ же, ст. 84.

[3] «А въ сельскомъ тивунѣ княжѣ, іли въ ратайнѣмъ, то 12 гривенъ; а за рядовича 5 гривенъ, тако же и за болрескъ. А за смердій холопъ 5 гривенъ; а за робу 6 гривенъ.» Тамъ же, стт. 11 и 13.

одъ Русской Правды дѣйствительно раздѣлялось на три главныя сословія: княжихъ мужей, людиновъ мужей и классъ не полноправныхъ, къ которому принадлежали ремесленники, тіуны княжи сельскіе и ратайные, а въ лицѣ сихъ послѣднихъ и все сельское или земледѣльческое народонаселеніе—смерды, такъ какъ для нихъ особой виры не было, да и вообще не было другой средней виры между 40 и 12 гривнами, кромѣ полувирія—20 гривенъ, взимаемыхъ собственно за убійство жены. [1] И какъ мы видѣли, что вира въ 40 гривенъ, установленная собственно въ огражденіе людиновъ-мужей, была распространена также на тіуновъ боярскихъ и изгоевъ по особенному, исключительному, какъ мы сказали, значенію этихъ лицъ въ государствѣ и обществѣ, такъ точно вира 80 гривенъ, ограждавшая сословіе княжихъ мужей, распространена сначала на тіуна княжа, а въ послѣдствіи и на нѣкоторыхъ другихъ чиновниковъ княжескихъ: подъѣзднаго княжа и конюшаго; такъ, наконецъ, и самая плата 12 гривенъ, установленная для низшаго свободнаго народонаселенія, была распространена на воспитателей и воспитательницъ, хотя бы они были даже рабскаго происхожденія: «А за кормилця 12, такоже и за кормилицю, хотя си буди холопъ, хотя си раба,» [2] что ясно показываетъ, что прежде всего опредѣлены были преимущества (prérogatives) сословій, а за тѣмъ уже и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ и должностей.

Объяснивъ, такимъ образомъ, существованіе трехъ главныхъ сословій въ древней Россіи, спросимъ ли: кто были княжи мужи Русской Правды? Очевидно, это была древняя аристократія наша,

---

[1] «Оже кто убіеть жену, то тѣмъ же судомъ судити, яко же и мужа: оже будеть виновата, то полвиры, 20 гривенъ.» Карамз. сп. ст. 101. Представляемъ здѣсь слѣдующее соображеніе наше, что объ убійствѣ смерда не было особаго постановленія въ Русской Правдѣ по той же причинѣ, по которой не было особаго постановленія и о бояринѣ, хотя въ статьѣ о убійствѣ мужа и упомянуты тіуны боярскіе, что, по нашему мнѣнію, показываетъ, что тіуны, относительно виры, раздѣляли права или преимущества того состоянія или класса, которому они служили и носили его названіе; почему за обозначеніемъ тіуновъ сельскихъ и ратайныхъ и не было никакой надобности говорить особо о смердахъ, подобно какъ за обозначеніемъ тіуновъ боярскихъ не было надобности упоминать о боярахъ. Впрочемъ, на исключеніе имени боярина изъ статьи о убійствѣ мужа были и другія причины, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

[2] Троицк. сп. ст. 14.

мужи княжескаго происхожденія или рода, то, что у Сербовъ были Кнезы, у Чеховъ Владыки, Дѣдичники, [1] у насъ Княжичи или Княжанцы, вообще княжи мужи въ томъ значеніи слова князь, какое принадлежало ему въ старину, какъ отечественному опредѣленію имени лица княжескаго происхожденія или рода, на пр.: «Князь Дмитрей князь Михайловъ сынъ Пожарской».... или: «Во князь Дмитріевѣ жъ памяти Пожарского написано, что ему, князю Дмитрію, меньши быти князь Борисова отца князя Михайла Лыкова не вмѣстно» и т. п. [2]

Таковъ непосредственный выводъ изъ разсмотрѣнныхъ нами статей Русской Правды. Для повѣрки его обратимся къ исторіи.

Но прежде нежели раскроемъ лѣтописи, позволимъ себѣ отвѣтить на слѣдующій вопросъ, могущій представиться въ настоящемъ случаѣ. Если подъ княжими мужами Русской Правды надлежитъ разумѣть мужей княжескаго происхожденія или рода, то не будетъ ли противорѣчить такому понятію о нихъ понятіе о княжихъ отрокахъ, упоминаемыхъ также въ Русской Правдѣ, и которые, однако жь, означаютъ собственно служителей княжескихъ? Вопросъ этотъ, если только онъ возможенъ, разрѣшается весьма просто. Княжи отроки означаютъ служителей княжескихъ, потому что самое слово отрокъ, какъ въ лѣтописяхъ, такъ и въ Русской Правдѣ, употребляется именно въ этомъ относительномъ, служебномъ значеніи. Напротивъ, что касается до слова мужъ, то оно прежде всего имѣло значеніе самостоятельное, означая, какъ мы уже видѣли, всѣхъ полноправныхъ людей въ государствѣ, людиновъ Русской Правды, и, что особенно замѣчательно, принимало нерѣдко такія опредѣленія или эпитеты, которые самыми рѣзкими чертами изображаютъ превосходственное значеніе людей этого разряда передъ всѣми прочими, помимо всякихъ служебныхъ отношеній, какъ на пр., нарочитые, лучшіе, вячшіе, житьи или житейскіе мужи (старцы людьскые, старѣйшины по всѣмъ градомъ) и т. п. [3] Почему же не

---

[1] Ср. Судъ Любуши и Законникъ Стефана Душана. О послѣднемъ въ «Чтеніяхъ Общества исторіи и древн. Россійскихъ», годъ I, кн. 2.

[2] См. «Дѣло князя Бориса Михайловича Лыкова съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ» во II томѣ Русскаго Историческаго сборника 1838 г.

[3] Названіе житейскіе мужи находимъ въ слѣдующемъ мѣстѣ Никоновской лѣтописи, въ которомъ разсказывается объ отъѣздѣ Тверскаго князя Александра Михайловича въ Орду, по требованію Хана Узбека: «Мати же его (Александра, и

къ этому разряду должны быть отнесены и самые княжи мужи, тѣмъ болѣе, что въ Русской Правдѣ они прямо противопоставлены людинамъ-мужамъ, а не княжимъ отрокамъ, т. е., какъ сословіе, они противопоставлены сословію. Но обратимся къ исторіи.

Какъ извѣстно, лѣтописи наши преисполнены извѣстіями о древнихъ князьяхъ Славянскихъ, о цѣлыхъ родахъ княжескихъ. Вотъ классическое мѣсто, свидѣтельствующее о существованіи своихъ княжескихъ родовъ у различныхъ племенъ Славянскихъ: «И по сихъ братьи (Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ) держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ, въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ»; [1] и далѣе: «Бяста два брата въ Лясѣхъ, Радимъ, а другій Вятко, и пришедше сѣдоста, Радимъ на Съжю, прозвашася Радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи;» [2] или въ другомъ мѣстѣ: «Поляномъ же, живущемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху Поляне и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ»; [3] или подъ годомъ 945: «Рѣша же Древляне (Ольгѣ): посла ны Деревьска земля, рькуще сице: мужа твоего убихомъ, бяше бо мужъ твой яки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю; да поиди за князь нашъ за Малъ; бѣ бо имя ему Малъ князю Деревьску.» [4] И такъ если у Славянъ жили и владѣли свои князи; если, по точному свидѣтельству лѣтописей, были цѣлыя генераціи, роды княжи (какъ, напр., говоритъ Олегъ Аскольду и Диру: «вы нѣста князя, ни рода княжа»....), то спрашивается: куда же дѣвалось потомство ихъ? Ужели эти, конечно, не малочисленные роды княжи, до того перевелись въ какія нибудь сто, двѣсти лѣтъ послѣ Рюрика, что рѣшительно не оставили никакихъ, сколько нибудь замѣтныхъ, слѣдовъ по себѣ въ быту народномъ? Если это невѣроятно, и притомъ источники

бояре, и гости, и житейскіе мужи уимаша его много».... (см. П. Г. Р., т. IV, прим. 306. «Имя житейскіе, говоритъ Карамзинъ въ этомъ примѣчаніи своемъ, означало то же, что люди житьи или, прежде, огнищане въ Новѣгородѣ»).

[1] П. С. Р. Л. Т. I, стр. 5.

[2] Тамъ же.

[3] Тамъ же стр. 4.

[4] П. С. Р. Л. Т. I, стр. 24.

показываютъ противное, свидѣтельствуя о существованіи князей, на пр., у Древлянъ и Вятичей, при Игорѣ, Ольгѣ, Мономахѣ, т. е., прежде и послѣ Русской Правды (разумѣемъ первыя двѣ редакціи ея—при Ярославѣ и сыновьяхъ его), то возможно ли, чтобы послѣдняя, т. е., Русская Правда, забыла упомянуть о нихъ въ статьяхъ своихъ, когда не забыты ею ни гридины, ни мечники, ни купцы, ни ремесленники, ни изгои, словомъ, не забыто ни одно изъ сословій тогдашняго времени?

Пойдемъ далѣе. Извѣстно, что одни племена были покорены князьями Варягами, другія добровольно признали надъ собою власть ихъ; иныя, какъ, на пр., Новгородцы, Кривичи, сами призвали къ себѣ Рюрика, Синеуса и Трувора; и если какъ тѣ, такъ другія и третьи имѣли своихъ князей, свои роды княжескіе («въста родъ на родъ»—явленіе, предшествовавшее призванію князей Варяговъ Новгородцами), то ужели эти послѣдніе, по крайней мѣрѣ, у племенъ, добровольно признавшихъ надъ собою власть Князей Варяжскихъ, были столь ничтожны, что не удержали за собою ни одного изъ прежнихъ преимуществъ своихъ, и, ставъ въ ряды народа, смѣшались съ нимъ до безразличія? Такое явленіе, по истинѣ, было бы безпримѣрнымъ въ исторіи и противорѣчило бы понятію о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ приняты Князья Варяги призвавшими ихъ племенами: «судить по праву и рядить по ряду». И такъ, вмѣсто того, чтобы теряться въ произвольныхъ гаданіяхъ и ни чемъ не оправдываемыхъ предположеніяхъ о какомъ-то неопредѣленномъ, родовомъ бытѣ Славянъ, или стараться, во что бы ни стало, уничтожить самое слово родъ, роды, отрицая коренное, типическое значеніе его въ лѣтописи, не лучше ли обратиться къ этой послѣдней и въ ней поискать слѣдовъ дѣйствительнаго существованія княжихъ родовъ Славянскихъ и тѣхъ правъ, которыми пользовались они при Рюриковичахъ?

Въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками упоминаются свѣтлые и великіе князи, сущіе подъ рукой Великаго Князя Русскаго. Тамъ же находимъ извѣстіе, что послы, отправленные къ Грекамъ, были не отъ одного Олега, или Игоря, но также и отъ всякое княжья, отъ всѣхъ князей земли Русской. На какомъ основаніи мы должны вѣрить, что все это относится къ пришлымъ князьямъ Варяжскимъ, а не къ тѣмъ родамъ Славянскимъ, которые, какъ читали мы, жили и владѣли въ томъ или другомъ племени? И если мы видимъ, что въ числѣ князей, участвовавшихъ въ

отправленіи пословъ Русскихъ, нѣкоторые носили чисто Славянскія названія (на пр., Володиславъ, Тудко, Вопкъ [1]), то не въ правѣ ли заключить, что, по крайней мѣрѣ, эти названія принадлежали князьямъ Славянскимъ, которымъ, слѣдовательно, принадлежало право «имѣть участіе въ заключеніи договоровъ и въ дани», — судя по содержанію означенныхъ памятниковъ? [2] И такъ, вотъ ихъ значеніе политическое! Въ чемъ же могло состоять ихъ преимущество гражданское? Очевидно въ томъ, что они, стоявъ нѣкогда въ главѣ народа и уступившись потомъ этого права своего въ пользу князей Варяговъ, должны были образовать собою высшее, исключительно преимущественное сословіе гражданъ, отдѣлившись отъ всѣхъ прочихъ сословій этимъ родословнымъ, княжескимъ значеніемъ,—княжимъ родомъ своимъ,—на что, видно, и въ то время обращали вниманіе, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ слова Олеговы, сказанныя Аскольду и Диру: «Вы нѣста князя, ни рода княжа.» И какъ разъ такимъ-то сословіемъ въ Русской Правдѣ являются княжи мужи, возвеличенные надъ всѣми людинами и о преимущественнѣйшемъ значеніи которыхъ свидѣтельствуетъ впра 80 гривенъ, установленная собственно въ отличіе этого сословія отъ всѣхъ прочихъ.

Все это такъ естественно и, притомъ, согласно съ свидѣтельствомъ источниковъ, что вся трудность задачи, по нашему мнѣнію, состоитъ собственно въ томъ, чтобы прослѣдить дальнѣйшую судьбу этихъ князей-мужей въ нашей исторіи. Впрочемъ, должно согласиться, что трудность эта зависитъ, большею частію, отъ того, что исторія наша недостаточно освѣщена критикой, отъ чего и происходитъ, что нѣкоторыя изъ явленій ея представляются какъ бы лишенными начала и конца своего. Откуда, на пр., ведутъ начало свое эти княжата, приходившіе въ 1332 году изъ Кіева съ «благоплеменнымъ» воеводою Кіевскимъ Родіономъ Несторовичемъ служить къ В. К. Московскому Ивану Даниловичу? [3] Отъ какихъ первоначальныхъ княжанцевъ получилъ названіе свое княжанскій берегъ въ Новгородѣ, по имени котораго въ XV вѣкѣ безразлично называли княжанцами всѣхъ тѣхъ, которые жили на немъ? [4] Кто были эти мужи мудри и смыслени, нарицавшіеся Полянами, и потомки коихъ

---

[1] Временникъ Общества исторіи и древн. Росс. кн. 13, 1852 г., стр. 100.

[2] Погодина «Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русск. Истор.», т. III, стр. 399.

[3] И. Г. Р., т. IV, прим. 324.

[4] П. С. Р. Л., т. III, стр. 102, 240.

жили въ Кіевѣ еще во дни Нестора, о чемъ свидѣтельствуетъ онъ, говоря: «Поляномъ же живущемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху Поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ. Быша три братья, единому имя Кій, а другому Щекъ, а третьему Хоривь, сестра ихъ Лыбедь.... и сотвориша градъ во имя брата своего старѣйшаго и нарѣкоша имя ему Кіевъ. Бяше около града боръ и лѣсъ великъ, и бяху ловяща звѣрь; бяша мужи мудри и смыслени, нарицахуся Поляне, отъ нихъ же есть Поляне въ Кіевѣ и до сего дне?» [1] Какъ по всему видно, здѣсь рѣчь идетъ не о Полянахъ въ смыслѣ племени или народа, названнаго такъ—«зане въ полѣ сѣдяху,»—а о какихъ-то владѣтельныхъ родахъ этого племени, о Полянахъ-мужахъ, — какъ именно значится въ лѣтописи, потомки коихъ могли жить въ Кіевѣ какъ при Несторѣ, такъ и послѣ него, и которыхъ онъ называетъ мудрыми и смысленими, подобно тому, какъ въ другомъ мѣстѣ его лѣтописи Древляне называютъ добрыми князей своихъ, «иже распасли суть Деревьску землю.» [2] Таковъ смыслъ вышеприведеннаго мѣста лѣтописи по изданію Археографической Коммисіи. А вотъ что говоритъ объ этихъ Полянахъ «въ Кіевѣ» или Полянахъ «Кіянахъ,» Поляне «Кыевъ» (какъ значится въ варіантахъ означеннаго изданія), Бутковъ въ своей «Оборонѣ лѣтописи Русской отъ навѣта скептиковъ»: «Посредствомъ тщательной повѣрки, мы, на обличеніе просмотра скептиковъ, открыли, что Несторъ говоритъ о Полянахъ своего времени: «и суть Поляне Кыевы (т. е., принадлежащіе къ потомкамъ Кія) и до сего дне». [3] Ясно ли, что потомки древнихъ князей Славянскихъ еще велись на Руси въ XI, XII, XIII и XIV столѣтіяхъ? Но не останавливаясь на этихъ извѣстіяхъ, спросимъ, наконецъ: откуда ведутъ начало свое извѣстные съ XIV вѣка житьи или житые люди, — этотъ почетный классъ гражданъ какъ въ Новгородѣ, такъ и въ другихъ областяхъ Руси? Какъ сказалъ Карамзинъ, такъ остается и до сихъ поръ, что житьи люди есть то же, что огнищане XI вѣка. [4] Если

---

[1] П. С. Р. Л., т. I, стр. 4.

[2] Тамъ же, стр. 24.

[3] См. означенной книги стр. 56.

[4] «Имя огнищанинъ, которое встрѣчается только въ лѣтописяхъ Новгородскихъ, произошло въ глубокой древности отъ слова огнище, или очагъ, знаменовало

справедливо такое предположеніе Исторіографа, въ чемъ, какъ кажется, нѣтъ никакого сомнѣнія, то вотъ готовое основаніе для того, чтобы связать бытъ житыхъ съ бытомъ княжихъ мужей, потому что названія огнищанинъ и князь мужъ суть тождесловы въ Русской Правдѣ.

До сихъ поръ мы говорили о княжихъ мужахъ. Переходимъ къ огнищанамъ, чтобы видѣть, въ какой степени оправдывается ими, или на нихъ, сказанное о княжихъ мужахъ, и дѣйствительно ли этому послѣднему названію соотвѣтствуетъ въ краткомъ Новгородскомъ спискѣ названіе огнищанинъ.

Выше упомянули мы, что есть писатели, отрицающіе достоинство краткаго Новгородскаго списка, находя невозможнымъ, между прочимъ, согласить значеніе огнищанъ съ значеніемъ княжихъ мужей, о которыхъ какъ-то само собою составилось и утвердилось въ литературѣ Русской Правды понятіе, вовсе несовмѣстное съ тѣмъ, какое принадлежитъ этому слову въ самомъ памятникѣ. Но если, съ помощію доселѣ сказаннаго, намъ удалось снять вѣковой наростъ съ этого имени, искажавшій дотолѣ физіономію княжихъ мужей, то полагаемъ, что этимъ самымъ мы уничтожили преграду, затруднявшую видѣть въ нихъ огнищанъ, а въ этихъ послѣднихъ— княжихъ мужей. Послѣ чего и самые списки, знакомящіе насъ съ огнищанами въ качествѣ княжихъ мужей, пріобрѣтаютъ въ понятіи нашемъ особенную важность: благодаря имъ, мы уже имѣемъ дѣло не съ однимъ именемъ, которое иногда ничего, кромѣ звука, не выражаетъ, но съ живымъ фактомъ, съ людьми историческими, жившими и дѣйствовавшими въ продолженіе XI, XII и XIII столѣтій подъ собственнымъ своимъ именемъ. Впрочемъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, всѣ извѣстные писатели о Русской Правдѣ были высокаго мнѣнія объ источникѣ права этихъ немногихъ списковъ ея, принадлежащихъ къ фамиліи краткаго Новгородскаго. Приводимъ отзывъ о немъ автора «Изслѣдованій о Русской Правдѣ», буквально изучившаго текстъ ея по 50 спискамъ: «Общія постановленія верховной власти, частныя опредѣленія, или мѣры, и даже отдѣльные факты сохраняютъ здѣсь всю свѣжесть современности и этими рѣзкими чертами невольно убѣждаютъ въ ихъ несомнѣнной

граждан домовитыхъ, и наконецъ обратилось въ названіе житыхъ людей.» Ист. Гос. Рос., т. II, пр. 67.

древности и подлинности цѣлаго памятника.» [1] Послѣ такого отзыва столь опытнаго судьи въ этомъ дѣлѣ, нетрудно уже объяснить подлинность и тѣхъ немногихъ статей этого памятника, въ которыхъ говорится объ огнищанахъ и которыя намъ должно разсмотрѣть здѣсь, чтобъ удостовѣриться въ современности этихъ послѣднихъ съ княжими мужами.

Можно принять за несомнѣнное, что статьи объ огнищанахъ или вообще о 80-гривенной вирѣ, содержащіяся въ краткомъ Новгородскомъ спискѣ, составляли начало особеннаго законодательнаго кодекса или сборника, такъ называемой, Правды сыновей Ярославовыхъ, что видно какъ изъ предпосланнаго имъ лѣтописнаго сказанія: «Правда уставлена Руською земли, егда ся съвокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ» и т. д., такъ и изъ самаго содержанія сказанныхъ статей, какъ объяснится это само собою въ послѣдствіи. Съ другой стороны не подлежитъ также сомнѣнію, что объ извѣстныя уже намъ изъ Троицкаго списка статьи, упоминающія о княжѣ мужѣ и раздѣленныя между собою сказаніемъ: «Но Ярославлѣ же паки совокупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ.... і отложиша убиение за голову, но купами ся выкупати, а іно все, яко же Ярославъ судилъ, тако же и сынове его уставиша,» должны быть отнесены, по времени происхожденія ихъ, къ эпохѣ, предшествовавшей Правдѣ этихъ послѣднихъ. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ: во 1-хъ, содержащееся въ статьѣ о душегубствѣ постановленіе о правѣ мести, предоставленномъ родственникамъ убитаго и отмѣненномъ, какъ значится въ сказаніи, сыновьями Ярославовыми, а во 2-хъ, то обстоятельство, что объ эти статьи, по внутренней, логической связи содержащихся въ нихъ постановленій о мести и вирѣ, такъ тѣсно соединены между собою, что ихъ нельзя разнять, не разрушивъ въ то же время единства и полноты связующаго ихъ содержанія; ибо статья о убійствѣ въ разбоѣ есть непосредственное продолженіе или дополненіе статьи объ убійствѣ въ обиду, искупаемомъ местію, если убійца былъ на лицо, или же, въ случаѣ неотысканія его, вирою, взимаемою съ цѣлаго округа, съ верви, подобно какъ и при убійствѣ въ разбоѣ. Почему слова сказанія: «а іно все, яко же Ярославъ судилъ, тако же и сынове его уставиша»—по необходимости должны быть распространены на эту

[1] «Изслѣд. о Русск. Правдѣ» И. Калачева, ч. 1, стр. 48.

слѣдующую за ними статью объ убійствѣ въ разбоѣ, одинаково какъ и на предыдущую статью о душегубствѣ, за исключеніемъ содержащагося въ сей послѣдней постановленія о правѣ мести, отмѣненномъ, какъ значится, Ярославичами. Отсюда понятно, что отношеніе между названіями ОГНИЩАНИНЪ и КНЯЖЬ МУЖЪ, находящимися въ спискахъ этихъ двухъ разновременныхъ редакцій, опредѣлится само собою, какъ скоро опредѣлено будетъ отношеніе между сказанными статьями, для чего стоитъ только сличить ихъ между собою.

Отлагаемъ окончательное сличеніе статей этихъ подъ конецъ нашего очерка, а теперь, по порядку, разсмотримъ статьи объ огнищанахъ краткаго Новгородскаго списка, съ цѣлію оправдать ими или на нихъ сказанное о княжихъ мужахъ.

«Правда уставлена Руською земли, егда ея съвокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячько, Перенегъ, Никифоръ Киянинъ, Чудинъ, Микула:

а. Аще убьють огнищанина въ обиду, платити за нь 80 гривенъ убійци, а людемъ не надобѣ, а въ подъѣздномъ княжи 80 гривенъ.

б. А иже убіють огнищанина въ разбои, или убийца не ищуть, то вирное платити въ неи же вн. р. и (верви) голова начнеть лежати.

в. Аже убіють огнищанина у клѣти, или у коня, или у говяда, или у коровьѣ татьбы, то убити въ пса мѣсто; а то же поконъ и тивуницу.

г. А въ княжи тивунѣ 80 гривенъ; а конюхъ старыи у стада 80 гривенъ, яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убилѣ Дорогобудьци. [1]

(— или какъ въ другомъ, на пр., Троицкомъ спискѣ: «А за тивунъ за огнищныи (выше: тивуницу), і за конюшии (выше: конюхъ старыи у стада), то 80 гривенъ.» [2]

Изъ непосредственнаго содержанія статей этихъ, составляющихъ, какъ сказали мы, начало особаго, самостоятельнаго труда,— Правды сыновей Ярославовыхъ,—оказывается:

1) Что всѣ онѣ главнѣйше содержатъ въ себѣ постановленія о двойной вирѣ—въ 80 гривенъ;

2. Что такъ какъ о вирѣ въ 40 гривенъ, платимой по Ярославовой Правдѣ, за убійство людина, иначе мужа (людина-мужа), не

[1] «Текстъ Русской Правды,» стр. 3.

[2] Тамъ же, стр. 6.

упоминается ни въ этихъ, ни въ слѣдующихъ за ними, статьяхъ Правды сыновей Ярославовыхъ (говоримъ о краткомъ Новгородскомъ спискѣ, какъ содержащемъ въ себѣ прямое указаніе на Правду, уставленную этими послѣдними), то предполагается, что постановленія о ней Ярослава признаны дѣйствительными и его сыновьями: «.... а іно все (кромѣ убіенія за голову, отмѣненнаго сыновьями Ярославовыми), яко же Ярославъ судилъ, тако же і сынове его уставиша.»

3. Что о тіунѣ княжѣ, упоминаемомъ въ Ярославовой Правдѣ, упоминается также и въ Правдѣ сыновей его; а какъ послѣднею постановляется сверхъ того двойная вира—80 гривенъ и за другихъ чиновниковъ княжескихъ, какъ то подъѣзднаго княжа, и конюшаго, то ясно, что это дальнѣйшій шагъ на пути законодательства Русской Правды.

4. Что о княжѣ мужѣ, упоминаемомъ въ Ярославовой Правдѣ, на ряду съ тіуномъ княжимъ, не упоминается въ Правдѣ сыновей Ярославовыхъ; а какъ послѣдняя, содержа въ себѣ, по крайней мѣрѣ, въ первыхъ вышеприведенныхъ нами статьяхъ своихъ постановленія объ одной двойной вирѣ, показываетъ тѣмъ самымъ, что она имѣла въ виду опредѣлить прежде всего: въ какихъ случаяхъ, кѣмъ и за кого именно должны быть платимы 80 гривенъ, и съ этою, конечно, цѣлію упоминаетъ особо о тіунѣ княжѣ, о которомъ уже имѣлось постановленіе Правды Ярославовой, то понятно, что она не могла же безъ явнаго противорѣчія себѣ оставить безъ вниманія цѣлый классъ княжихъ мужей, стоявшихъ на первомъ планѣ въ Ярославовой Правдѣ, и которые, какъ мы видѣли, составляли особое, высшее сословіе гражданъ, отличное отъ людиновъ-мужей и не служебное. Въ соотвѣтственность чему и находимъ въ Правдѣ сыновей Ярославовыхъ особый разрядъ лицъ, такъ называемыхъ, огнищанъ, отличенныхъ отъ чиновниковъ княжескихъ: тіуна княжа, подъѣзднаго княжа и конюшаго, и о превосходственномъ значеніи которыхъ передъ людинами свидѣтельствуетъ также вира—80 гривенъ, установленная какъ за убійство огнищанина въ обиду, такъ и за убійство его въ разбоѣ, [1] точь въ точь какъ въ Ярославовой Правдѣ постановлено о княжихъ мужахъ, и только о нихъ одних!

[1] Случаи эти первоначально тѣмъ различались между собою, что за убійство въ обиду («аще не будетъ кто его мьстя») вира взималась съ самаго убійцы, а за убійство, учиненное въ разбоѣ, равно какъ и въ случаѣ неотысканія головника, — съ цѣлаго округа, — съ верви.

Какъ ни скудны извѣстія объ огнищанахъ, сообщаемыя источниками, но и тѣ частію подтверждаютъ сказанное нами о княжихъ мужахъ, частію представляютъ новыя черты, необходимыя для того, чтобы возстановить общій типъ этихъ мужей съ надлежащею полнотой и точностію. Замѣчательно, впрочемъ, что всѣ извѣстія объ огнищанахъ указываютъ ихъ въ Новгородѣ, и даже упоминаютъ объ нихъ одни Новгородскія лѣтописи. Отъ чего это? Не будемъ разсуждать здѣсь, а замѣтимъ только, что во всѣхъ лѣтописныхъ сказаніяхъ—отъ 1166 по 1234 годъ—огнищане являются рѣшительно первымъ сословіемъ въ Новгородѣ, почему и упоминаются они всегда впереди другихъ. Такъ въ Новгородской первой лѣтописи подъ годомъ 1166 читаемъ: Въ томъ же лѣтѣ на зиму приде Ростиславъ изъ Кыева на Лукы, и позва Новгородцы на порядъ: **огнищане**, гридь, купьцѣ вячьшее»....; [1] или подъ годомъ 1195: «Томъ же лѣтѣ на зиму, позва Всеволодъ Новгородцѣ на Черниговъ, на Ярослава и на все Ольгово племя; и Новгородцы не отпрѣшася, идоша съ Княземъ Ярославомъ, **огнищане**, и гридьба и купци».... [2] или, наконецъ, подъ годомъ 1234: «Изгониша Литва Русу оли до търгу, и сташа Рушане и Засада, **огнищане** и гридба, и кто купьць и гости, и выгнаша я изъ посада.» [3]

Судя по опущенію имени бояръ, какъ въ приведенныхъ мѣстахъ лѣтописи, такъ и въ извѣстной статьѣ о убійствѣ мужа, упоминающей, однако жь, и о гридяхъ, и о купцахъ, и о тіунѣ боярскомъ, и о мечникѣ, и объ изгояхъ, казалось бы, можно подумать, что подъ огнищанами, равно какъ и княжими мужами, вообще разумѣлись бояре. И дѣйствительно, есть писатели, выдающіе это за доказанную истину въ своихъ сочиненіяхъ. Но такое мнѣніе, скажемъ безъ околичностей, противно Русской Правдѣ, дающей знать, что огнищане относительно нѣкоторыхъ преимуществъ стояли выше бояръ, вообще высшаго сословія въ государствѣ, что ясно видно уже изъ того, что за убійство тіуна **огнищнаго** взималась вира—80 гривенъ, подобно какъ и за тіуна княжа, а за тіуна **боярскаго** — 40 гривенъ. Что же касается до статьи о убійствѣ **мужа**, упоминающей о гридинѣ, купцѣ, тіунѣ боярскомъ, мечникѣ, изгоѣ, и умал-

---

[1] П. С. Р. Л., т. III, стр. 14.

[2] Тамъ же, стр. 23.

[3] Тамъ же, стр. 49.

чивающей о боярине, то умолчаніе о немъ совершенно понятно въ означенной статьѣ, потому что имя это вполнѣ замѣняется здѣсь названіемъ мужъ, означавшимъ, какъ мы видѣли, всѣхъ полноправныхъ людей въ государствѣ, каковыми по преимуществу были бояре,—мужи въ полномъ значеніи этого слова. Слѣдовательно, упоминаніе о нихъ было бы здѣсь однимъ пустымъ повтореніемъ, чего Русская Правда, по особому складу языка своего, допустить никакъ не могла, да и не имѣла въ томъ никакой надобности, потому что для совмѣщенія бояръ съ прочими мужами могли казаться достаточными, и дѣйствительно суть таковы, и эти немалообъемлющія слова: «аще ли будеть Русинъ,.... ли Словѣнинъ,» изъ коихъ однимъ начинается, а другимъ замыкается исчисленіе частныхъ сословій и лицъ, за которыя положена плата 40 гривенъ: «Аже убиеть мужь мужа, то.....аще ли будеть Русинъ, или гридь, любо купець, любо тивунъ боярескъ, любо мечникъ, любо изгои, ли Словѣнинъ: то 40 гривенъ положити за нь.» Скажемъ болѣе, особое упоминаніе о боярине даже невозможно въ статьѣ этой по особенному складу ея, въ чемъ, полагаемъ, согласится съ нами всякій, кто только захочетъ пристальнѣе всмотрѣться въ конструкцію самой статьи.

Извѣстно, что статья эта служила камнемъ преткновенія для изслѣдователей Русской Правды; даже самые добросовѣстные критики впдѣли въ ней «номенклатуру далеко не полную и расположенную въ порядкѣ произвольномъ или, лучше сказать, совершенно случайномъ.» Намъ она, напротивъ, кажется образцомъ художественнаго построенія рѣчи, которое можетъ быть сравнено развѣ только съ художественнымъ произведеніемъ средневѣковой архитектуры, и что всего замѣчательнѣе, что, на основаніи особенной архитектоники ея и вовсе не случайнаго размѣщенія словъ — «аще ли будеть Русинъ,.....ли Словѣнинъ,» вы не можете вставить между ними боярина, ни исключить его изъ понятія о мужѣ, не уничтоживъ разомъ смысла статьи и не разрушивъ гармоніи частей съ цѣлымъ, которою проникнута она отъ основанія до вершины. Читая статью, [1] вы видите, что въ основаніи ея лежитъ понятіе о правѣ мести, предоставленномъ въ извѣстномъ размѣрѣ всѣмъ безъ изъятія мужамъ,—княжимъ и не княжимъ, почему постановленіе о ней и идетъ непосредственно за словами: «аже убиеть мужь мужа.» За тѣмъ статья

[1] См. выше, стр. 11.

дѣлится на двѣ половины по двумъ видамъ виры, и изъ нихъ въ первой говорится о княжихъ мужахъ, которые, будучи первымъ и притомъ исключительнымъ сословіемъ между Руссами и Славянами, и въ самой статьѣ занимаетъ мѣсто внѣ круга тѣхъ и другихъ, такъ что названія Русинъ и Словенинъ, изъ коихъ однимъ начинается, а другимъ замыкается вторая половина статьи, посвященная не-княжимъ мужамъ, становятся уже единственною принадлежностію этихъ послѣднихъ. Но изъ нихъ, исключая боярина, всѣ прочіе поименованы здѣсь, какъ то: гридинъ, купецъ, тіунъ боярскій, мечникъ, изгой. Попробуйте же помѣстить между ними боярина, и вы лишите всякаго содержанія и сдѣлаете пустыми фразами слова: «ли Русинъ, ли Словѣнинъ,» подъ которыми нельзя же разумѣть ни ремесленниковъ, ни смердовъ, такъ какъ тѣ и другіе были не мужи, и за нихъ взималось не 40, а 12 гривенъ. Отнимите отъ слова мужъ понятіе о бояринѣ, опять та же исторія, опять не кого разумѣть подъ Русиномъ и Словенином, потому что, кромѣ бояръ, гридей, купцовъ и мечниковъ, не было другихъ полноправныхъ лицъ, которымъ бы могло принадлежать названіе мужъ, а этимъ-то именемъ и держится все зданіе статьи отъ первыхъ словъ: «аже убиеть мужь мужа,» до послѣдняго звука ея: «то 40 гривенъ положити за нь.» И такъ, если нельзя ни отнять отъ слова мужъ понятіе о бояринѣ, ни помѣстить его между Русиномъ и Словенином, не разрушивъ смысла статьи и не уничтоживъ достальнаго содержанія этихъ словъ ея: «аще ли будеть Русинъ .... ли Словенинъ,» то волей—неволей приходится разумѣть подъ ними, равно какъ и подъ словомъ «мужь,» боярина по превосходству, и подивиться художественному построенію статьи, умѣвшей совмѣстить въ себѣ удивительную бережливость рѣчи съ полнотой и изяществомъ формъ.

И такъ, теперь мы положительно знаемъ, что огнищане, равно какъ и княжи мужи, не могли означать «бояръ» и стояли въ общественномъ отношеніи даже выше ихъ. И какъ мы уже имѣли случай видѣть изъ статьи объ убійствѣ въ разбоѣ, что княжи мужи состояли въ прямой противоположности къ людинамъ, то усматривая теперь изъ статьи о убійствѣ мужа, что они противопоставлялись также Русинамъ и Словенамъ, или, какъ въ нѣкоторыхъ спискахъ, горожанамъ и селянамъ, [1] не вправѣ ли заключить, что оба эти

[1] См. Калачова «Изслѣдованіе о Русской Правдѣ,» стр. 33.

названія, огнищанинъ и княжь мужъ, скрывали за собою сословіе исключительное по преимуществу, касту? Вопросъ о кастахъ, стоявшихъ надъ общинами въ періодъ древнѣйшей исторіи нашей, хотя до сихъ поръ еще не объясненъ критикой, тѣмъ не менѣе онѣ существовали у насъ, и извѣстны въ лѣтописяхъ подъ именемъ родовъ, жившихъ и володѣвшихъ въ томъ или другомъ племени Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, тѣсно связаннаго съ вопросомъ о призваніи князей Варяго-Руссовъ, но нельзя не замѣтить, что слѣды кастическаго, обособленнаго быта древнихъ родовъ Славянскихъ сохранились въ таковомъ же бытѣ огнищанъ въ Новгородѣ, гдѣ жили они въ уединенномъ, замкнутомъ состояніи среди всѣхъ прочихъ обывателей города, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ статья «о городскихъ мостѣхъ.» Вообще, соображая топографическія извѣстія, содержащіяся въ этой статьѣ, которую авторъ «Изслѣдованій о Русской Исторіи,» не безъ основанія приписываетъ Ярославу Владиміровичу, [1] можно было бы довольно вѣрно опредѣлить мѣстожительство огнищанъ на Торговой или Славянской сторонѣ Новгорода, въ Славянскомъ концѣ его, тамъ, гдѣ лѣтописи показываютъ берегъ, извѣстный подъ именемъ княжанскаго, чрезъ что, конечно, еще болѣе подтвердилась бы соименность огнищанъ съ княжими мужами, а этихъ послѣднихъ съ княжанцами въ Новгородѣ. Но оставляя всѣ сіи соображенія до предбудущаго, могущаго представиться, случая, взглянемъ на бытъ огнищанъ въ Новгородѣ, какъ представляетъ его статья о городскихъ мостахъ.

Такъ въ статьѣ этой (она приведена нами подъ чертою) [2] огнищане хотя и значатся въ числѣ прочихъ обывателей Новгорода, обя-

---

[1] См. Погодина, «Изслѣдов., замѣч. и лекціи о Русск. Истор.», т. I, стр. 260.

[2] Статья «О городскихъ мостехъ осменникы поплата: А въ Людинъ конецъ чрезъ Гроблю отъ Добрыни улицѣ въ городняя врата до Бискупли улицы, а отъ Бискупли улици съ Прусы до Бориса и Глѣба, а Тиможеномъ до Вережанъ, а Коломляномъ до Перетьского мосту, а Неряднчаномъ до Веряжанъ, а Веряжаномъ до Нидьблянъ, а Нидьбляномъ до Чюдинцевой улицѣ, а Чюдинцевѣй улицѣ съ Загорожаны до городныхъ вороть, а Вадыцѣ сквозѣ городная врата съ плоти, а съ другими плоти до Острое улици. 1) Давыджа ста, 2) Слепцова ста, 3) Бовыкова ста, 4) Олексѣна ста, 5) Ратиборева ста, 6) Кондратова ста, 7) Романова ста, 8) Сидорова ста, 9) Гаврилова ста, 10) Княжи ста, 11) Княжа ста, 12) Ржевьская, 13) Бѣжитьская, 14) Володская, 15) Обонежьская, 16) Луская, 17) Лобьская, 18) Волховьская, 19) Ялельбичская, двои рили до торгу, Софияномъ до Тысяцьскаго, Тысяцьскому до вощникъ, отъ вощникъ посадницку до

занныхъ мостить городскія улицы, но тѣмъ существенно отличаются отъ этихъ прочихъ, что послѣдніе, за исключеніемъ лицъ, единственныхъ въ своемъ родѣ, какъ-то: Владыка, Посадникъ, Тысяцкій, Князь, — означены здѣсь или собственнымъ названіемъ мѣстностей, которыя занимали тѣ или другіе изъ нихъ, на пр., Софіяне, Нерядичане, Чюдинцева улица, Михайловцы, Ильичане, или таковымъ же названіемъ племени или народа, къ которому принадлежали тѣ или другіе изъ жителей иностранцевъ, на пр., Нѣмцы (Варяги), Готы (Готландцы), имѣвшіе въ Новгородѣ, какъ извѣстно, свои конторы, церкви, дворы, и селившіеся здѣсь особыми колоніями или улицами, изъ коихъ нѣкоторыя и въ послѣдствіи удержали въ названіи своемъ имя этихъ первыхъ насельниковъ своихъ, на пр., улица Варяжская, или, наконецъ, именемъ главныхъ старшихъ или начальниковъ сотенъ, на которыя раздѣлялся городъ, положимъ, въ полицейскомъ отношеніи, и изъ которыхъ, безъ сомнѣнія, только нѣкоторыя поименованы въ означенной статьѣ по мѣстоположенію ихъ отъ «Острое улицы:» Давыдка ста, Слѣпцова ста, Бовыкова ста, Ратиборева ста, Кондратова ста, и т. д. Исключеніе остается за вощниками, изгоями, огнищанами, которые — и тѣ и другіе и третьи—названы здѣсь своимъ особымъ именемъ. Но вощники въ Новгородѣ были, въ чемъ нѣтъ никакого спора, торговцами воска, и, слѣдовательно, названы такъ отъ предмета своей торговли или промышленности, производимой, разумѣется, особымъ какимъ либо товариществомъ или общиной. Въ изгои, по точному свидѣтельству извѣстнаго Всеволодова устава о Церковныхъ судахъ, обращались трои: поповы дѣти, неумѣющіе грамотѣ; купцы задолжавшіе; холопы выкупившіеся изъ холопства. [1] Каковые, а можетъ быть, и другіе, подобные имъ, выходцы изъ своего состоянія, вѣроятно, впредь до выхода въ новое, и жили особыми общинами на опредѣленныхъ мѣстахъ, состоя подъ непосредственнымъ вѣданіемъ Владыки, который и участвовалъ съ ними, какъ значится въ статьѣ «о городскихъ мостахъ», въ отбываніи этой городской

великого ряду, отъ великого ряду Князю до Неметьго (въ др. сп. Нѣмецкого) вымола, Нѣмцемъ до Иваня вымола, Гтомъ до Гелардова вымола до заднаго, отъ Гелардова вымола огнищаномъ до Будятина вымола, Ильицаномъ до Матеева вымола, а Михаловцемъ до Бардины улки, а Вилковичамъ до Климятиныхъ сѣней.» Карамз. списокъ ст. 134. См. «Текстъ Русск. Правды,» стр. 41.

[1] Изслѣдованія о Русской Исторіи М. Погодина, т. III, стр. 408.

повинности въ Новгородѣ: «а Владыцѣ сквозѣ городная врата съ изгои, а съ другими изгои до Острое улицы.» Остается классъ или сословіе огнищанъ, очевидно, названныхъ такъ не въслѣдствіе топографическаго названія какой либо мѣстности, занимаемой ими, не по имени племени или народа какого либо, не отъ предмета какого либо особаго занятія или ремесла, разумѣемъ, въ періодъ историческій, и которыхъ, наконецъ нельзя безусловно назвать, вмѣстѣ съ Карамзинымъ, чѣмъ-то въ родѣ домовитыхъ или зажиточныхъ гражданъ,[1] и нельзя принять, согласно мнѣнію другихъ, за домовладѣльцевъ въ Новгородѣ, потому что какъ домовладѣльцами, такъ и зажиточными или домовитыми гражданами могли быть и Софіяне, и Нерядичане, и Чюдинцевцы и жители всѣхъ прочихъ улицъ и концовъ Новгородскихъ, а не одни огнищане, жившіе «отъ Гелардова вымола до Будитина вымола,» на каковомъ пространствѣ (какъ значится въ статьѣ) они и обязаны были отбывать мостовую повинность: «Софияномъ до Тысяцьскаго, Тысяцьскому до вощникъ, отъ вощникъ Посаднику до великого ряду, отъ великого ряду Князю до Немецьго (въ друг. списк. Нѣмецкаго) вымола, Немцемъ до Иваня вымола, Гтомъ до Гелардова вымола до задняго, отъ Гелардова вымола огнищаномъ до Будитина вымола»..... Слѣдовательно, такое обособленное положеніе огнищанъ среди прочихъ обывателей Новгорода, каковыми вообще были бояре, гриди, купцы, мечники, и т. п., перемѣшивавшіеся между собою или по жительству своему на той или другой мѣстности, въ той или другой улицѣ, или по принадлежности своей той или другой сотнѣ, той или другой общинѣ, и отъ которыхъ выдѣлялись, какъ особыя исключенія, изгои и огнищане, въ особенности послѣдніе, жившіе въ замкнутомъ состояніи отъ прочихъ обывателей, не смѣшивавшіеся съ другими сословіями: не изгоями, не огнищанами, ясно показываетъ, что оба эти сословія были исключительными передъ всѣми прочими, особными или «особѣ живущими,» какъ выражается Несторъ въ своей лѣтописи о замкнутомъ состояніи родовъ.[2] И если первые, т. е., изгои, люди церковніи, богадѣльніи,[3] были поставлены Русскою Правдой относи-

[1] И. Г. Р., томъ II, примѣч. 67 и т. V, прим. 106.

[2] Полн. Собр. Русск. Лѣт. Томъ I, ст. 3, 4, 5.

[3] Такъ названы они въ Уставѣ Новгородскаго Князя Всеволода Гавріила о церковныхъ судахъ. Вотъ подлинныя слова устава: «Изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ; холопъ изъ холопства выкупится; купецъ одолжаетъ: то

тельно виры наровнѣ съ полноправными гражданами, мужами, то это, безъ всякаго сомнѣнія, произошло не иначе, какъ въ слѣдствіе особаго попеченія о нихъ Церкви, завѣдывавшей ими въ лицѣ представителя своего, Владыки, что ясно показываетъ, что обособленный гражданскій бытъ этихъ сиротъ древней общественности Русской, принятыхъ подъ свое особое покровительство церковью, [1] возъимѣлъ начало свое не ранѣе какъ въ періодъ времени, послѣдовавшій за эпохой крещенія Россіи. Напротивъ того, огнищане, какъ сами по себѣ, такъ и въ лицѣ тіуновъ своихъ, стояли, какъ мы видѣли, выше бояръ, вообще высшаго сословія въ государствѣ: почему не остается ничего болѣе сказать о нихъ, кромѣ того, что это былъ остатокъ какого-то древняго быта, чина или состоянія (status), имѣвшаго въ свое время высокое историческое значеніе, утраченное потомъ въ слѣдствіе причинъ тоже историческихъ. Другими словами: это былъ остатокъ кастическаго быта древнихъ державныхъ родовъ Славянскихъ («держащихъ княженіе, володѣющихъ») освободить отъ которыхъ Русскую землю назначено призваннымъ изъ за моря Князьямъ Варяго-Руссамъ. Такимъ образомъ и этимъ путемъ мы приходимъ къ чертѣ, отдѣляющей гражданскую, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государственную исторію нашу отъ своеобразнаго быта

люди церковніи, богадѣльніи; а се четвертое изгойство и себѣ приложимъ: аще князь осиротѣетъ.» Хотя нѣкоторые изслѣдователи, основываясь на послѣднемъ выраженіи приведеннаго мѣста: «аще князь осиротѣетъ,» а также на извѣстномъ юридическомъ терминѣ—сироты, встрѣчающемся въ древнихъ памятникахъ, принимаютъ за коренную или первоначальную форму изгойства—сиротство въ буквальномъ смыслѣ, но такое объясненіе, по видимому, противорѣчитъ какъ содержанію извѣстныхъ статей Русской Правды объ опекѣ, слѣды которой замѣтны уже въ договорѣ Олеговомъ, такъ и подлиннымъ словамъ Всеволодова Устава, въ которомъ говорится объ извѣстныхъ тропахъ изгояхъ: поповѣ сынѣ не умѣющемъ грамотѣ, купцѣ задолжавшемъ, холопѣ выкупившемся изъ холопства, слѣдовательно, говорится о сиротствѣ въ смыслѣ гражданскомъ, а не родовомъ или семейномъ. Въ этомъ же смыслѣ, какъ кажется, слѣдуетъ понимать и самое имя сиротъ, о которыхъ упоминается въ древнихъ грамотахъ Княжескихъ и Митрополичьихъ, какъ о лицахъ, живущихъ на церковныхъ и монастырскихъ земляхъ, и состоящихъ подъ вѣдомствомъ церковнаго или владычня суда (См. Акты Археограф. Экспед., т. I, NN. 5, 7, 11, 34, 35), и которымъ по этому всего болѣе приличествуетъ названіе изгоевъ, т. е., людей церковныхъ, богадѣльныхъ, какъ и названы они въ Уставѣ Всеволода.

[1] См. предыдущее замѣчаніе.

древнихъ «княжихъ родовъ» Славянскихъ, прямымъ продолженіемъ которыхъ въ періодъ новой исторіи и были, по всей очевидности, огнищане—княжи мужи Русской Правды.

Карамзинъ, съ свойственною ему проницательностію, первый указалъ на связь огнищанъ съ житыми людьми; и эта догадка его даже и теперь, послѣ столькихъ открытій и изслѣдованій, ни сколько не потеряла цѣны своей. На этомъ основаніи и имѣя въ виду, что связь понятій, выражаемыхъ тождественными словами, непремѣнно должна обнаружиться при ближайшемъ сличеніи этихъ послѣднихъ между собою, взглянемъ на этотъ предметъ съ точки зрѣнія этимологической, съ цѣлью открыть, разумѣется, приблизительно, коренное значеніе житыхъ, а чрезъ нихъ и самаго сословія огнищанъ, въ языческой древности.

Разсматривая форму имени житый, видимъ, что оно произведено отъ коренной формы житъ, точно также, какъ произведено сытый отъ сытъ, витый отъ витъ, лютый отъ лютъ и т. п. Слѣдующія, собранныя у Шафарика, [1] собственныя имена или названія городовъ, урочищъ, селъ и даже фамилій, произведенныя отъ слова житъ, свидѣтельствуютъ, что слово это искони было извѣстно Славянамъ и употреблялось въ качествѣ собственнаго, личнаго имени, какъ то: Житомиръ на Волыни, Житичи округъ въ Полабьѣ, Житава городъ въ Лузаціи, Житичи и Житичина (Sittich) селеніе въ Крайнѣ, Житино въ Россіи, Житковъ (дьякъ) въ грамотѣ Царя Ивана Васильевича 1566, Житовище, Житовинки, Житово въ Польшѣ и т. п. [2] Кажется, нѣтъ никакой надобности объяснять, что къ этой же категоріи принадлежитъ и самое названіе Житые или Житьи, т. е., Житовы, Житины, Житковы люди, — Житичи — принадлежащіе Житу, — происшедшіе отъ Жита, подобно какъ Лютичи произошли отъ Люта, или Витичи (Витезы) отъ Вита или Виты.

Есть даже основаніе думать, что сказанное имя имѣло у насъ значеніе миѳологическое, означало существо сверхъестественное.

---

[1] Славянск. Древности, пер. Бодянскаго, т. II, кн. I, стр. 219.

[2] Въ Мозырскомъ уѣздѣ Виленской губерніи до сихъ поръ существуетъ озеро Житъ, переиначенное народнымъ произношеніемъ или грамотѣями въ Жидъ, подобно слѣдующимъ названіямъ урочищъ въ Россіи — Жиданы, Жидичинъ, Жидиничи, Жидомерскій лѣсъ, въ произведеніи коихъ отъ Жидъ (Judaeus) можно усомниться, говоритъ Шафарикъ. Тамъ же.

Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ вышепоказаннаго, столь обширнаго распространенія этого имени между племенами Славянскими, на обожаніе Жита не указываетъ ли связь этого имени съ миѳологическимъ Нежитомъ или Нежитемъ, о которомъ упоминается у Калайдовича въ его Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ, и также въ пяти заклинаніяхъ, или, заговорахъ, открытыхъ г. Буслаевымъ въ одной древней Сербской рукописи. [1] И какъ послѣднему, т. е., Нежиту, въ памятникахъ, въ которыхъ встрѣчается это имя, приписывается сверхъестественная, зловредная для человѣка сила, то не естественно ли допустить, что противоположное ему миѳическое существо обладало таковою же благотворною силой, олицетворенною у Чеховъ въ образѣ Живы (Zivena, Ceres), а у насъ въ образѣ Житія, Жита, другой половины этой Чешской Цереры.

Конечно, это догадка, но она, во-первыхъ, не противорѣчитъ ни одному положительному факту въ области языка и исторіи; а во-вторыхъ, сама можетъ служить ключемъ къ объясненію нѣкоторыхъ особенностей языка и самыхъ бытій историческихъ, какъ, на пр., къ объясненію первоначальнаго значенія изгоевъ, этихъ антиподовъ житыхъ людей, житичей,—нежитей въ полномъ смыслѣ этого слова, съ которыми они имѣютъ такое близкое сродство и по самой этимологіи слова, изгой, отъ гоить—жить, откуда, по всей вѣроятности, произошло и Древнегерманское gau. Но, не вдаваясь въ подобныя отвлеченныя соображенія, укажемъ на болѣе извѣстное миѳологическое имя Житиврата (у Вацерада, въ его Mater verborum), какъ на осложненную форму имени Житъ, и согласимся, что въ образѣ этого послѣдняго и Чешской Живы Славяне видѣли Родъ и Рожаницу, которымъ, по свидѣтельству Христолюбца, были устроиваемы «беззаконныя трапезы, мѣнимыя роду и рожаницамъ.» [2] Замѣчательно, что послѣднія даже и теперь у нѣкоторыхъ Славянскихъ народовъ слывутъ подъ именемъ Живицъ (дѣвъ жизни), отъ Живы. [3]

[1] Два такія заклинанія или заговора напечатаны во 2 т. 2-ой кн. «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи», 1854 г. въ статьѣ: «Русскія пословицы и поговорки,» стр. 39. «Во всѣхъ этихъ заговорахъ, говоритъ г. Буслаевъ, миѳологическое лицо Нежитъ, или Нежить, встрѣчается съ силою доброю, которая и прогоняетъ Нежита;» или: «Въ этихъ заклинаніяхъ подъ Нежитомъ разумѣется какая-то страшная напасть;» стр. 40.

[2] Описаніе Румянцевск. Музея, стр. 229.

[3] См. Срезневскаго: «Рожаницы у Славянъ и другихъ языческихъ народовъ,»—въ «Архивѣ Историко-юридическихъ свѣдѣній,» кн. 21, отд. 1, 1855 г.

Все это, какъ кажется, не лишено нѣкоторой доли правды и непосредственно приводитъ къ заключенію, что наше житые, Житьи, названные такъ изначала по имени нѣкоего верховнаго существа, Жита, были непосредственными его служителями и вмѣстѣ съ тѣмъ передовыми людьми народа, которыми во всѣхъ первоначальныхъ языческихъ обществахъ всегда были жрецы.

Жреческій, гіератическій характеръ житыхъ въ глубокой древности подтверждается также сопоставленіемъ слова жить съ подобозначащимъ словомъ витать, по Чешски oslověti. Отсюда витія, Витичъ (ср. Витичево); отсюда вѣщій отъ витскій (ср. Витебляне, Перевитескъ); отсюда витязь, или витезъ, почти тоже что вѣщій (ср. вѣщбы витезовы, scientiae judicales); отсюда наконецъ цѣлая семья собственныхъ именъ Славянскихъ, начинающихся или оканчивающихся звукомъ витъ, живущимъ доселѣ въ окончаніи отечественныхъ именъ нашихъ на вичь, вичи. Таковы: Боговитъ, Будевитъ, Далевитъ, Добровитъ, Гостевитъ, Людевитъ, Радовитъ, Самовитъ, Святовитъ и т. п., и наоборотъ, Витогостъ, Витолидъ, Витомилъ, Витоміръ, Витославъ и т. д. [1] Все это, очевидно, имена миѳологическаго происхожденія, потому что они обнимаютъ собою рядъ былей, или сказаній, воплощая въ нихъ, подобно Греческому миѳосу, идею вѣщанія, витійства, вообще слова (μῦθος) [2]. Не къ этой ли же категоріи слѣдуетъ отнести, по сродству ихъ съ этими Боговитами, богатырями, витезями, и нашихъ житыхъ людей, Житичей, за которыми, въ слѣдствіе такого миѳологическаго происхожденія или свойства ихъ, мы и должны утвердить первоначальное, жреческое или гіератическое значеніе ихъ въ глубокой древности?

Нужно ли послѣ этого говорить, какъ тѣсно совпадаетъ съ этимъ значеніемъ житыхъ названіе огнищанинъ?—Отъ чего происходитъ это названіе? Очевидно, отъ слова огнище, что означаетъ урочное мѣсто, такъ сказать, урочище, вообще хранилище или вмѣ-

---

[1] См. Шафарика «Славянскія древности,» пер. Бодянскаго 1838 г., т. I, кн. 3, стр. 157, и также Буслаева: «О вліяніи Христіанства на Славянскій языкъ,» 171—176.

[2] Этимъ объясняется, говоритъ Шафарикъ, не только древнее выраженіе 59 ст. въ сеймѣ: «Выучене вѣштбамъ витезовымъ,» но и извѣстіе Галла, говорящаго, что Польскій Самовитъ получилъ такое свое имя ex praesagio futurorum, и извѣстіе Богухвала, утверждающаго, что Семовитъ тоже значитъ, что jam loquens.» Тамъ же.

сплище огня, одного изъ первыхъ условій жизни. Но, кромѣ этого естественнаго значенія своего, огонь, какъ извѣстно, имѣлъ у насъ также значеніе религіозное, былъ символомъ божества или, вообще говоря, самимъ божествомъ, которому покланялись язычники Славяне, именуя его то божичемъ (по Малороссійски богачъ) [1], то сыномъ неба—Сварожичемъ (огневи молятся, зовутъ его Сварожичемъ) [2], и выводя изъ этого начала цѣлую систему суевѣрныхъ обычаевъ, обрядовъ, повѣрій и преданій, живущихъ доселѣ въ понятіяхъ такъ называемаго простаго народа и скрѣпляемыхъ твердою увѣренностію его въ существованіи какого-то домашняго духа—пената, покровителя очага, жилища. Такое высокое понятіе объ огнѣ обожателей его Славянъ, а подъ видомъ огня—и самой жизненной силы, жизни (Zivena, Ceres, Жива,—въ Русской отрицательной формѣ—Нѣжить или Нежитъ), сближая между собою названія огнищане и житьи или житые мужи, естественно и помимо всякихъ другихъ соображеній приводитъ къ вопросу: не получили ль послѣдніе это имя свое по имени бога, которому служили они и возжигали огнища? Болѣе или менѣе положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ мы видѣли въ имени Жита (положительной формѣ Нежита, Нежити, и первообразной—Житиврата) [3], почему и заключили о гіератическомъ, жреческомъ значеніи лицъ, облеченныхъ сказаннымъ именемъ. Послѣ чего, смотря на предметъ съ этой точки зрѣнія, открываемъ гіератическое значеніе и въ самомъ имени огнищанинъ, чрезъ сближеніе этого слова съ Малороссійскимъ богачъ въ значеніи огня; откуда, по нашему мнѣнію, проистекаетъ само собою, что огнищанинъ буквально значилъ боговита, богатыря, витязя, т. е., выражалъ этимъ именемъ своимъ внѣшнюю сторону понятія, конкретнымъ выраженіемъ кото-

---

[1] Срезневскаго «Святилища и обряды язычн. Славянъ,» 1846, 27.

[2] Востокова «Описаніе Румянцевскаго Музея,» стр. 228.

[3] Считаемъ долгомъ замѣтить, что для полнаго освѣщенія или окончательнаго разрѣшенія этого вопроса необходимо, съ одной стороны, живое участіе общесравнительной эмимологіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мивологіи всего языка или всѣхъ нарѣчій Славянскихъ, безъ чего всегда останется мѣсто на долю видимыхъ или кажущихся только противорѣчій, а съ другой стороны необходимо самое близкое знакомство съ собственно такъ называемымъ народнымъ бытомъ, сохранившимъ въ себѣ не только память о минувшихъ судьбахъ, но и живую связь со всѣми историческими началами своими. Мы ограничиваемся лишь указаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

раго въ періодѣ героической были жители люди, Житичи, а въ періодѣ до-героическій или миѳическій—витезы, Витичи.—И такъ іерархическій, жреческій характеръ огнищанъ и житыхъ людей въ глубокой древности не подлежитъ, кажется, никакому сомнѣнію. И если, собственно говоря, у Славянъ (за извѣстнымъ исключеніемъ Прибалтійскихъ) не было жрецовъ въ смыслѣ отдѣльнаго, строго опредѣленнаго сословія, или касты, а обязанность эту исполняли — относительно каждаго семейства — глава семейства, домовладыка, — относительно цѣлаго племени — владыка племени, Князь, что можно видѣть какъ изъ примѣра бывшаго еще язычникомъ, Владиміра, говорившаго требу съ людьми своими, [1] такъ и изъ того, что по принятіи Христіанства Славянами, послѣдніе (хотя и неповсемѣстно) усвоили за своими іерархами названіе, гдѣ князей, гдѣ владыкъ, то, находя подобное же значеніе и въ имени огнищанинъ, окончательно убѣждаемся, что огнищане, они же и княжи мужи (княжащіи), были потомками древнихъ князей Славянскихъ, владыкъ народа, молившагося огню, почему они и могли быть называемы безразлично какъ тѣмъ, такъ и другимъ именемъ.

Такимъ образомъ Русская Правда, исторія и отчасти самый языкъ согласно свидѣтельствуютъ, что названія огнищанинъ и княжь мужь были различными наименованіями одного и того же быта мужей, происшедшихъ, по всей очевидности, отъ древнихъ княжихъ родовъ Славянскихъ. Вѣрные жреческому характеру своему, князья Славянскіе рано должны были развить изъ себя особую, владѣльческую касту, родъ въ лѣтописномъ значеніи этого слова и, ставъ въ главѣ народа, отдѣлиться отъ него этимъ родословнымъ значеніемъ своимъ. Живымъ свидѣтельствомъ такого отдѣленія ихъ отъ всѣхъ слоевъ общества въ глубокой древности служитъ самое имя людиновъ, обнимавшее по Русской Правдѣ всѣхъ полноправныхъ гражданъ, и которое, безъ всякаго сомнѣнія, образовалось еще въ то незапамятное время, когда вся масса народа (людей) состояла подъ верховнымъ управленіемъ касты жрецовъ, князей-огнищанъ, или, выражаясь языкомъ лѣтописей, подъ управленіемъ родовъ Славянскихъ, характеризуемыхъ эпитетами: «держащіе княженье, володѣющіе.» Внутренняя исторія Новгорода, представляющая борьбу людиновъ (Людинъ конецъ) съ остатками этого кастическаго быта древнихъ

[1] П. С. Р. Л., т. I, стр. 35.

родовъ Славянскихъ, первоначальныхъ насельниковъ Славна на Торговой, или Славянской, сторонѣ Новгорода, можетъ служить блестящимъ оправданіемъ сказаннаго сей часъ о лѣтописномъ значеніи слова родъ, роды, равносильнаго Римскимъ genus, genera, gentes (откуда gentiles), нашимъ княжимъ мужамъ, огнищанамъ, Дрего-вичамъ, Крив-вичамъ, Радим-вичамъ, Вят-вичамъ, сообщившимъ это родословное имя свое и самымъ племенамъ, среди которыхъ жили они «кождо съ своимъ родомъ, на своихъ мѣстѣхъ,» и владѣли «кождо родомъ своимъ», или посредствомъ рода своего («а Вятько сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи»). Мы надѣемся войти въ ближайшее разсмотрѣніе этого предмета въ особой статьѣ, посвященной историческому очерку Новгорода и его первыхъ насельниковъ, а здѣсь коснулись этого вопроса для того только, чтобы показать, въ какой тѣсной связи находятся постановленія Русской Правды съ современнымъ ей бытомъ народнымъ, и какъ необходимо изученіе ея для уразумѣнія внутренней исторіи нашей. — Русская Правда — это ключь живой воды, которою должны быть вспрыснуты страницы древней исторіи нашей, чтобы повѣяло отъ нихъ теплымъ дыханіемъ жизни. Вотъ почему, скажемъ съ г. Калачовымъ, желательно, чтобы Русскіе ученые, филологи и юристы соединились на тотъ конецъ, чтобы общими силами снять покровъ съ этого — не даромъ слывущаго до сихъ поръ загадочнымъ—памятника юридической жизни нашихъ предковъ, и утвердить каждое изъ постановленій коренной Русской Правды на твердомъ основаніи быта, языка, религіи и народности. Это было бы тѣмъ болѣе кстати, что, по мѣрѣ сближенія тысячелѣтія нашей исторіи, характеръ ея постепенно уясняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ выясняются и коренныя черты Русской народности, провести которыя по всѣмъ памятникамъ и явленіямъ Русской жизни, не значитъ ли удовлетворить требованіямъ науки? Но обращаясь къ Русской Правдѣ и ея огнищанамъ, скажемъ въ заключеніе, что происхожденіе ихъ отъ древнихъ родовъ Славянскихъ еще разъ самымъ блестящимъ образомъ подтверждается самою же Правдою Русскою; ибо только среди этой распавшейся, по извѣстнымъ историческимъ причинамъ, касты могли имѣть мѣсто явленія, никоимъ образомъ не идущія къ мужамъ, огражденнымъ двойною вирой, и которыя, вслѣдъ за постановленіями Правды о платежѣ 80 гривенъ за огнищанина, убитаго какъ въ обиду, такъ и въ разбоѣ, вызвали слѣдующее, исклю-

чительное постановленіе объ этой исключительной личности и ея представительѣ—живой тивуницѣ: «аже убіють огнищанина у клѣти, или у коця, или у говяда, или у коровье татьбы, то убити въ пса мѣсто, а тоже поконъ и тивуницу.»

Въ заключеніе всего, намъ остается еще разъ взглянуть на замѣщеніе одного другимъ словъ: огнищанинъ и князь мужъ въ спискахъ различныхъ редакцій, чтобъ окончательно удостовѣриться въ подлинности статей, замѣняющихъ послѣднее названіе первымъ.

Повторимъ съ этою цѣлью статью о убійствѣ въ разбоѣ по Троицкому списку: «Аже кто убиеть князя мужа въ разбои, а головника не ищють: то виревную платити въ чьей же верви голова лежить, то 80 гривенъ; паки ль людинь, то 40 гривенъ,» — и сличимъ ее съ соотвѣтствующею ей статьею по извѣстному Новгородскому, или Академическому списку, предшествуемою постановленіемъ о убійствѣ огнищанина и подъѣзднаго князя — въ обиду: «Аже убіють огнищанина въ обиду, то платити за нь 80 гривенъ убійцѣ, а людемъ не падобѣ; а въ подъѣзднемъ князи 80 гривенъ. А иже (слѣдуетъ статья о убійствѣ въ разбоѣ) убьють огнищанина въ разбои, или убійца не ищуть: то вирное платити, въ нея же верви голова начнеть лежати.»

Изъ сличенія этихъ статей по спискамъ двухъ различныхъ редакцій (прочіе списки не представляютъ въ этомъ отношеніи никакой значительной разницы) нельзя не замѣтить, что въ послѣдней статьѣ недостаетъ окончанія первой, т. е., въ статьѣ Новгородскаго списка, говорящей о убійствѣ огнищанина въ разбоѣ, умалчивается о убійствѣ людина, о которомъ упоминается въ статьѣ по Троицкому списку, и за котораго, въ противоположность князю мужу, назначается въ пей платежъ — 40 гривенъ («.... паки ль людинъ, то 40 гривенъ»). Но мы уже имѣли случай замѣтить, говоря выше объ извѣстныхъ четырехъ статьяхъ, которыми начинается Правда сыновей Ярославовыхъ — по Академическому, или краткому Новгородскому, списку, что они имѣютъ исключительнымъ предметомъ своимъ опредѣлить: въ какихъ случаяхъ, кѣмъ и за кого именно должна быть платима вира 80 гривенъ, т. е., двойная вира,—и потому умолчаніе о убійствѣ людина, окупаемомъ 40 гривенною вирой, совершенно понятно въ сказанной статьѣ означеннаго списка, равно какъ понятно умолчаніе въ этихъ же (т. е., четырехъ вышеприведенныхъ, см. стр. 22) и слѣдующихъ за ними статьяхъ того же

списка — умолчаніе о гридинѣ, купцѣ, мечникѣ, — вообще мужѣ, потому что за убійство того или другаго изъ этихъ людиновъ-мужей взималась обыкновенная вира — 40 гривенъ, постановленная еще Правдой Ярославовою, хотя съ необходимымъ условіемъ по тому времени: аще не будеть кто его мьстя (см. статью о убійствѣ мужа). А какъ условіе это пало само собою при сыновьяхъ Ярославовыхъ, отложившихъ убіеніе за голову и постановившихъ на этотъ предметъ общимъ правиломъ: куплами ся выкупати: — «Но Ярославъ же (читаемъ по Троицкому списку) паки совокупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячько, Перенѣгъ, Никифоръ і отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати, а іно все, яко же Ярославъ судилъ, тако же і сынове его уставиша,» — то въ силу этого отложенія и установленія положеніе Правды или Суда Ярославова о 40-гривенной вирѣ, взимаемой за голову мужа (гридина, купца, мечника и т. п.), естественно должно было остаться во всей своей силѣ, равно какъ и постановленіе о 40 гривнахъ, взимаемыхъ за людина (не-княжа мужа), убитаго въ разбоѣ, которое, заключая собою извѣстную статью о убійствѣ («Аже кто убиеть княжа мужа въ разбои ...»), очевидно, есть также постановленіе Суда Ярославова, опредѣлившаго взимать виру за убійство людина — мужа, равно княжа мужа и тіуна княжа, послѣдовавшее въ обиду («аще ли не будеть кто его мьстя»), съ самаго убійцы, а за убіеніе людина и княжа мужа, учиненное въ разбоѣ, или въ случаѣ неотысканія головника, съ цѣлаго округа—съ верви («.... то вирвную платити въ чьей же верви голова лежить»....). Изъ чего и слѣдуетъ, что обѣ статьи эти имѣлись въ виду при постановленіи Правды или Суда сыновьями Ярославовыми, и изъ нихъ, сообразно съ особою цѣлью Правды послѣднихъ, заимствовано относящееся только до 80 гривенной виры. А какъ въ первой статьѣ Ярославовой Правды—о убійствѣ мужа—вира 80 гривенъ положена собственно за княжа мужа и тіуна княжа, а во второй, относящейся до убійства въ разбоѣ,— исключительно за одного княжа мужа, — соотвѣтственно чему въ однихъ статьяхъ Правды сыновей Ярославовыхъ говорится объ огнищанинѣ, которому сопоставляются тіунъ княжь и другіе чиновники княжескіе (подъѣздный княжь и конюшій, или старый конюхъ у стада), а въ особой статьѣ, относящейся до убійства въ разбоѣ, упоминается лишь только объ одномъ огнищанинѣ, какъ въ та-

ковой же статьѣ Ярославовой Правды говорится объ одномъ княжѣ мужѣ, то такая строго логическая соотвѣтственность между постановленіями и именами въ статьяхъ различныхъ редакцій не есть ли несомнѣнный признакъ подлинности самыхъ статей, доказывающій, что послѣднія въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ дошли до насъ (не говоримъ о мелкихъ грамматическихъ особенностяхъ), вышли изъ подъ пера первыхъ редакторовъ ихъ? Слѣдовательно, и самое названіе огнищанинъ въ Академическомъ спискѣ есть подлинное выраженіе Правды сыновей Ярославовыхъ, а не невѣжественная вставка попа Ивана, которому, напротивъ того, исторія Русскаго Права столько обязана за сохраненіе въ своей лѣтописи этого драгоцѣннаго памятника.

Такъ иногда по двумъ, тремъ словамъ или выраженіямъ въ случайно уцѣлѣвшемъ какомъ либо памятникѣ можетъ быть разгаданъ смыслъ, опредѣлено направленіе извѣстнаго сословія, или быта, и вмѣстѣ съ тѣмъ возстановленъ характеръ самой эпохи извѣстной страны или мѣстности въ данное время. Относительно эпохи 862 года мы еще надѣемся говорить въ особой статьѣ, посвященной историческому обозрѣнію Новгорода и его первыхъ насельниковъ. Тамъ надѣемся также еще разъ встрѣтиться и съ нашими княжими мужами.

В. Мстиславскій.

2 Іюля, 1860.

Москва.

ОКЛАДЪ

МСТИСЛАВОВА ЕВАНГЕЛІЯ.

Хранящееся въ ризницѣ Московскаго Архангельскаго собора [1] харатейное Новгородское евангеліе, называемое по имени своего перваго обладателя и вкладчика въ Благовѣщенскую церковь (1103 г.), Великаго Князя Мстислава Владиміровича, Мстиславовымъ, считается до сихъ поръ вторымъ памятникомъ Славяно-Русской письменности. Отъ древняго своего благолѣпія оно сохранило только украшеніе верхней доски переплета, которое собственно и составляетъ его окладъ и предметъ нашего изученія. Снятые съ этого оклада рисунки отпечатаны красками и изданы уже два раза, именно: въ «Памятникахъ Московской древности,» и въ «Древностяхъ Россійскаго Государства.» Но они не удовлетворяютъ вполнѣ требованіямъ Археологіи. То же должно сказать и о сдѣланныхъ до сего времени описаніяхъ этого оклада. Введенные въ заблужденіе находящеюся въ концѣ евангелія припиской, изслѣдователи отнесли происхожденіе всѣхъ вообще разнородныхъ украшеній его, по мѣсту проис-

[1] Мы указали на Московскій Архангельскій соборъ, какъ на мѣсто постояннаго храненія Мстиславова евангелія; не знаемъ, по чему другіе назначаютъ ему Благовѣщенскій соборъ: такъ Архимандритъ Макарій во II томѣ своихъ Новгородскихъ Церковныхъ древностей, на стр. 167, говоритъ, что оно находится теперь въ Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ; не по тому ли, что г. Забѣлинъ въ Историч. обозр. Физи. церкви. дѣла въ Россіи, обѣщаясь отмѣчать мѣста нахожденія памятниковъ, имъ исчисляемыхъ, забылъ сдѣлать это при указаніи Мстиславова евангелія? См. стр. 57, въ выноскѣ къ оглавленію списка памятниковъ и описанія оклада.

хожденія, Константинополю, по времени, XII столѣтію. Отъ поверхности взглядовъ на этотъ памятникъ произошли не точные выводы для цѣлой науки, которые повторяются въ каждомъ сочиненіи, касающемся или этого памятника, или исторіи производствъ, металлическаго и финифтянаго. Замѣчательнѣйшій не только между окладами, но и вообще между памятниками Русской древности, окладъ Мстиславова евангелія до сихъ поръ нуждается въ приличной археологической оцѣнкѣ. Мы постараемся, по силамъ, удовлетворить этой потребности; но, прежде всего, чтобы избѣжать нареканій въ несправедливости обвиненій нашихъ предшественниковъ, мы приведемъ до слова составленныя ими описанія того же памятника, и разсмотримъ степень ихъ достовѣрности. Въ текстѣ г. Снегирева къ двумъ упомянутымъ выше рисункамъ мы находимъ объ окладѣ почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ слѣдующее:

«Рукопись эта, драгоцѣнная въ палеографическомъ отношеніи, не менѣе важна и въ художественномъ, по своему окладу древней, можетъ быть, современной ей работы. Доски евангелія покрыты съ лица золотою сканью съ 12 мусійными клеймами, на коихъ изображены разные святые и съ серединкомъ, на коемъ наведенъ мусіею ликъ Спасителя, окруженнаго четырьмя евангелистами, двумя архангелами и двумя серафимами. Подписи Греческія и Славянскія. [1] Окладъ убранъ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Судя по древности и стилю, можно предполагать, что списатель, во время пребыванія своего въ Константинополѣ, украсилъ трудъ свой греческимъ дѣломъ, на иждивеніе Князя Мстислава»!

Не станемъ долго останавливаться на этомъ описаніи. Всякій, знающій дѣло, пойметъ и безъ насъ, на сколько подобнаго рода

[1] Древн. Рос. Госуд., отдѣл. I, стр. 112—113. Эти строки почти до слова повторяются изъ Памятниковъ Московской древности (стр. 78); но тамъ представляютъ, кромѣ того, еще замѣчательный варіантъ, замѣняющій послѣднюю фразу: Греческой работы и съ Греческими надписями; въ изданіи Древностей Россійскаго Государства тотъ же авторъ замѣчаетъ уже, что на окладѣ есть надписи и Славянскія.

гадательное, противорѣчивое описаніе годно и достойно древняго памятника скаднаго дѣла, сохранившаго, кромѣ того, цѣлое собраніе финифтяныхъ произведеній Греко-Русской иконографіи; и потому, не вдаваясь до времени въ подробный разборъ его, обратимъ вниманіе только на самыя неточныя опредѣленія и предположенія автора, которыя, какъ увидимъ на дѣлѣ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть допущены; именно: 1) что окладъ съ его украшеніями *можетъ быть современный написанію* рукописи; 2) что онъ сдѣланъ *списателемъ* въ Константинополѣ, о чемъ будто бы можно судить по его древности и стилю; 3) что онъ *Греческаго дѣла*, не смотря на Славянскія на немъ надписи; 4) что *доски* его (а не одна верхняя доска) *покрыты* съ лица сканью; 5) что скань эта *золотая*; 6) что камни *драгоцѣнные*; 7) что всѣхъ клеймъ или отдѣльныхъ запонъ съ изображеніями, кромѣ Спасителя, 12.

Перейдемъ къ сочиненію другаго автора, къ спеціальному, по финифтяному производству, труду г. Забѣлина, отъ котораго мы въ правѣ ожидать болѣе подробнаго и самостоятельнаго разбора памятника. Его монографія, «Историческое обозрѣніе финифтянаго и цениннаго дѣла въ Россіи,» представляетъ замѣчательное явленіе въ Русской археологической литературѣ, служитъ существеннымъ матеріаломъ и для исторіи нашего памятника, но со стороны описанія его не удовлетворяетъ ни современнымъ требованіямъ, ни значенію самаго памятника. Уже г. Гёрцъ, въ своемъ историческомъ очеркѣ Византійской эмали, [1] замѣтилъ слабую сторону сочиненія г. Забѣлина, говоря, что «въ его описи вообще не опредѣлены точно ни эпоха исчисленныхъ эмалей, ни художественный ихъ характеръ.» Заявляя согласіе съ замѣчаніемъ Профессора, въ слѣдствіе убѣжденія на опытѣ въ справедливости его приговора, мы не думаемъ тѣмъ унизить значенія уважаемаго нами труда г. Забѣлина, и относимъ недомолвки его къ неразработанности Русской Археологіи. При

[1] Лѣтописи Русской литературы и древности, кн. I, за 1859 годъ, стр. 58.

совершенномъ почти отсутствіи монографій, посвященныхъ отдѣльнымъ изданіямъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ, въ каждомъ историческомъ сочиненіи о какомъ либо производствѣ ремесла или искусства, мы, по необходимости, должны встрѣтить то же самое. Въ настоящую пору всего полезнѣе для науки изданія и описанія отдѣльныхъ памятниковъ Русской древности. Это-то сознаніе вызвало и насъ на попытку описать, по крайнему разумѣнію, окладъ Мстиславова евангелія.

Слѣдуя принятому нами плану, представимъ описаніе оклада, сдѣланное г. Забѣлинымъ въ его указателѣ памятниковъ финифтянаго дѣла, тѣмъ болѣе, что оно также не слишкомъ обширно. Въ спискѣ памятниковъ Византійскаго и древнѣйшаго Русскаго производства, мы находимъ первымъ окладъ Мстиславова евангелія. [1]

«1. Окладъ евангелія, писаннаго въ началѣ XII вѣка для Новгородскаго Князя Мстислава Владиміровича (1125). Окладъ украшенъ золотымъ скаяннымъ разводомъ и финифтяными цатами, одною большою въ серединѣ и двѣнадцатью малыми по сторонамъ и угламъ. Въ средней цатѣ изображенъ Спаситель, по сторонамъ два архангела, Михаилъ и Гавріилъ, по угламъ изображены четыре евангелиста, вверху херувимъ, внизу серафимъ. Въ верхней четвероугольной цатѣ оклада изображена св. Трапеза «Престоль Господень.» Въ остальныхъ цатахъ изображены Божія Матерь и

---

[1] Историч. обозр. Фин. и ценин. дѣла въ Рос. стр. 57. Страннымъ образомъ мы нашли въ недавно вышедшемъ сочиненіи Архимандрита Макарія, «Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ,» часть II, стр. 167, дословную копію того же описанія, безъ прямаго указанія источника, съ замѣченною нами въ двухъ мѣстахъ разницею, именно: вмѣсто словъ «въ средней цатѣ» у Забѣлина, сказано у Макарія на серединѣ; вмѣсто «изображена св. трапеза», вѣроятно опечаткою, Св. Троица (?) На той же страницѣ, въ 80 примѣчаніи, поясняющемъ изображеніе четырехъ евангелистовъ того же оклада сказано: «изъ евангелистовъ, Лука изображенъ съ тельцемъ, какъ и въ Остромировомъ евангеліи и въ другихъ древнѣйшихъ памятникахъ», тогда какъ символы въ натурѣ не существуютъ ни при одномъ изъ изображенныхъ здѣсь евангелистовъ, а объясненіе Архимандрита должно, по видимому, относиться къ изображеніямъ въ текстѣ евангелія.

Апостолы, а по угламъ святые съ четвероконечными крестами въ правыхъ рукахъ. Сканной разводъ мѣстами украшенъ также финифтью, въ видѣ рельевъ и листочковъ. Финифть употреблена разныхъ цвѣтовъ, но болѣе другихъ синяя, червленая, зеленая и блѣдноголубая также подъ цвѣтъ тѣла. Изъ приписокъ, находящихся въ концѣ евангелія, узнаемъ, что оно написано Алексою Лазаревымъ, сыномъ Пресвитера, а украшено богатымъ окладомъ въ Царьградѣ, куда его возилъ по приказанію Князя какой-то Наславъ.»

Сличивъ весь текстъ этого описанія съ приведеннымъ выше изъ «Древностей Россійскаго Государства» легко понять, какой изъ нихъ въ археологическомъ отношеніи имѣетъ болѣе значенія: но сравнивъ оба съ самымъ памятникомъ, невольно приходишь къ заключенію, что то и другое описаніе исполнено не съ памятника, а съ рисунка. Конечно, трудно объяснить, какимъ образомъ, при всѣмъ извѣстной доступности изученію этого памятника, могло встрѣтиться подобнаго рода обстоятельство, между тѣмъ на повѣрку выходитъ, что оно именно такъ. Отъ чего, на примѣръ, могли произойти слишкомъ рѣзкіе недосмотры въ наглядно видныхъ частяхъ памятника? Невниманіемъ къ предмету объяснить ихъ мы не рѣшаемся, еще менѣе отсутствіемъ археологическаго такта и свѣдѣній въ авторѣ, труды котораго мы привыкли уважать. Посвятившій себя спеціальному изслѣдованію по исторіи финифтянаго производства, при ближайшемъ знакомствѣ съ самымъ памятникомъ, не могъ не замѣтить, что окладъ украшался разновременно, что на немъ есть финифти совершенно различнаго между собою характера и времени, что на окладѣ, кромѣ разновременныхъ Византійскихъ финифтей, есть и чисто Русскія, даже съ Русскими надписями XVI столѣтія, что, слѣдовательно, всѣхъ финифтей его никакъ нельзя относить къ одному періоду XII вѣка, что сканной разводъ украшенъ вовсе не финифтью, а просто красками, что скань на окладѣ не золотая, а серебряная вызолоченная, наконецъ, что вмѣсто 13-ти отдѣльныхъ дощечекъ съ финифтями, ихъ на лицо 14, потому что изображеніе Спасителя, помѣщается на особой дощечкѣ и рѣзко отличается по

работѣ отъ финифтяныхъ изображеній, его окружающихъ и помѣщенныхъ на особой четырнадцатой дощечкѣ. Впрочемъ, и по рисунку можно бы было видѣть почти все это; напрасно же г. Забѣлинъ въ своемъ указателѣ памятниковъ замѣчаетъ, что онъ имѣлъ случай всѣ исчисленные имъ памятники финифтянаго дѣла обозрѣвать лично. [1]

Обозрѣвая памятники Московской древности, съ соизволенія Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, мы познакомились съ окладомъ Мстиславова евангелія еще въ 1848 году и тогда же составили его подробное описаніе; въ настоящее же время только возобновили старое знакомство съ этимъ памятникомъ и, сличивъ составленное нами въ то время описаніе съ послѣдними изслѣдованіями и рисунками, представляемъ читателямъ результаты нашего труда по этому вопросу. Надѣемся, что интересующіеся дѣломъ читатели не упрекнутъ насъ ни за подробности, которыя, какъ извѣстно, весьма важны въ археологическомъ описаніи, ни за смѣлость нашихъ выводовъ, которые, въ свою очередь, могутъ быть оправданы временемъ, во всякомъ же случаѣ поведутъ къ окончательно вѣрному воззрѣнію на разсматриваемый нами памятникъ.

---

[1] Истор. Обозрѣн. фин. и цеп. дѣла въ Рос., стр. 56.

Верхняя доска переплета Мстиславова евангелія (7 1/2 верш. длиною, 6 3/4 шириною) обложена сверху и съ трехъ боковыхъ сторонъ ея серебряною, густо позолоченною, совершенно плоскою[1] скапью изъ Греческихъ завитковъ. Рисунокъ боковой скани крупнѣе, выпуклѣе и можетъ даже другаго времени. Сохранившіеся отъ застежекъ крючки, золотые. По скапному разводу оклада сдѣланы крестообразно 13 выемокъ, въ которыя вставлены на отдѣльныхъ золотыхъ дощечкахъ филигранныя изображенія различнаго размѣра, различнаго характера и времени. Рамку всего оклада и каждаго изображенія отдѣльно составляютъ углубленные же въ скани ложбинки или дорожки съ небольшими среди нихъ колечками, въ которыя продергивалась золотая проволока, съ жемчугомъ, сохранившимся только вокругъ нѣкоторыхъ изображеній. Кромѣ всего этого окладъ украшенъ разставленными между изображеніями камнями. Они весьма не высокаго достоинства, нѣкоторые даже просверлены и, слѣдовательно, очевидно, занесены сюда изъ другихъ памятниковъ. Будучи вправлены въ золотые репьи, сбоку украшенные скапью, они состоятъ изъ 6-ти жемчужныхъ раковинъ, 2-хъ просверленныхъ блѣдно-синихъ яхонтовъ, 2-хъ просверленныхъ же вениць, 2-хъ кусковъ подцвѣченнаго подъ аметистъ и синей яхонтъ стекла, изъ просверленнаго блѣдно-розоваго яхонта, 3-хъ бирюзъ, 4-хъ гранатъ, 2-хъ синихъ яхонтовъ и аметистовой коры. Покрашенныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ углубленія въ скани, представляютъ крестообразныя украшенія, репейки, кружечки и проч.

Филигранныя клейма расположены посреди оклада въ видѣ особой формы Греческаго креста съ подножіемъ, равнымъ возглавію ⁘ или въ видѣ четыреугольника, кромѣ того, по угламъ оклада. Серединкъ образуетъ большая, золотая, съ двойною филигранною каймою, унизанная жемчугомъ запона, въ средину которой

[1] Мы назвали такъ скань эту по тому, что она сплошная, имѣетъ весьма незначительное возвышеніе надъ уровнемъ основанія, съ виду даже вовсе не накладная, похожитъ скорѣе къ обронной работѣ, чѣмъ къ чистой сканной. Въ памятникахъ скапнаго дѣла весьма рѣзко отличаются скань совершенно плоская и выпуклая или накладная. Послѣдняя состоитъ изъ жгутиковъ, мѣстами вовсе отдѣляющихся отъ основанія, къ которому только по концамъ она утверждена, на пр., въ нѣкоторыхъ запонахъ Рязанскихъ бармъ; но о различныхъ видахъ скани мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

вставлено на отдѣльной отъ нея дощечки кивотцемъ изображеніе поясного благословляющаго Спаса, по сторонамъ его, на запонѣ, два стоящихъ архангела, вверху херувимъ, внизу серафимъ, тутъ же, по угламъ, поясные въ финифтяныхъ кругахъ евангелисты. По обѣ стороны запоны на двухъ отдѣльныхъ квадратныхъ дощечкахъ поясныя изображенія: Богоматери, вокругъ коей сохранилась жемчужная кайма или обизь, и Іоанна Предтечи Оба изображенія изъ Деисуса. На квадратахъ же, въ верхнемъ концѣ креста изображенъ Престолъ Господень, а въ возглавіи креста, поясные верховные апостолы, Петръ и Павелъ. Каждый изъ пяти квадратовъ прибитъ къ основанію четырьмя позолоченными штифтами. Жемчужная обизь сохранилась еще только вокругъ послѣдняго. Въ подножіи креста, на двухъ продолговатыхъ четыреугольникахъ, изъ коихъ каждый прибитъ къ окладу шестью золочеными штифтами, изображены стоящіе апостолы Іаковъ и Варѳоломей — оба съ сохранившеюся жемчужною обизью. Нижній конецъ креста и четыре угла оклада заняты изображеніями поясныхъ святыхъ мучениковъ, съ крестами въ правой рукѣ. Они помѣщены тоже на золотыхъ дощечкахъ кивотцами, какъ и изображеніе Спасителя, одинаковаго размѣра и прибиты къ доскѣ такимъ же количествомъ штифтовъ. Жемчужная рамка сохранилась только на среднемъ клеймѣ нижней линіи оклада. Подробнымъ разборомъ всѣхъ этихъ изображеній мы займемся далѣе, а здѣсь обратимся къ внѣшней ихъ формѣ.

Мы уже замѣтили, что 13 клеймъ съ финифтяными изображеніями, кромѣ запоны серединка, составляющей собою рамку или окладъ для помѣщающагося посреди образа Спасова, по формѣ своей распадаются на три главныхъ отдѣла. Въ одномъ 6 изображеній кивотцами, въ другомъ 5 квадратовъ, наконецъ въ третьемъ только 2 продолговатыхъ четыреугольника. Это, по видимому, внѣшнее отличіе изображеній между собою имѣетъ весьма важное значеніе для опредѣленія характера финифтей, времени, къ которому они относятся, и въ которое окладъ евангелія былъ ими украшенъ, даже мѣста ихъ первоначальныхъ нахожденій; но, кромѣ формата дощечекъ, есть другіе признаки, которые, сближая общія изображенія одного отдѣла, полагаютъ рѣзкую грань отдѣловъ между собою. Первое, что бросается въ глаза, при сравненіи финифтей разнаго формата, это совершенное отсутствіе надписей на шести изъ нихъ, присутствіе Русской надписи между Греческими на пяти, наконецъ

явленіе совершенно другаго характера Греческихъ надписей на двухъ остальныхъ и Русской на окладѣ середника. Если же сравнить финифти особыхъ отдѣловъ между собою, то мы найдемъ въ нихъ слѣдующія особенности: окладъ середника украшенъ финифтями съ Русскими надписями XVI столѣтія, изъ 5-ти квадратныхъ финифтей, на четырехъ надписи Греческія одного характера и времени, съ ошибочнымъ правописаніемъ, исполнены по обѣ стороны изображеній, на особыхъ узенькихъ золотыхъ же полоскахъ, на которыхъ буквы вырѣзаны изъ металла, поле же залито финифтью свѣтло-голубаго цвѣта; всѣ они вертикальныя, кромѣ сокращенной надписи или монограммы Богоматери; буквы, по видимому, безразлично помѣщены въ одинъ и два столбца, потому что у нѣкоторыхъ изображеній встрѣчается и то и другое вмѣстѣ: наконецъ, на пятомъ изображеніи этого отдѣла встрѣчаемъ Русскую надпись, исполненную красною финифтью среди сдѣланныхъ для того углубленій. Въ Русской археологіи еще мало обращали вниманія на характеръ начертанія буквъ по памятникамъ или на археологическую палеографію въ тѣсномъ смыслѣ и потому этимъ средствомъ трудно рѣшить окончательно, къ какому времени относится надпись; но по содержанію рисунка, его исполненію, даже по невозможности сдѣлать подобнаго рода надпись послѣ окончанія работы финифти, безъ особаго риска для ея рисунка, наконецъ по формѣ буквъ, подходящихъ къ почерку самаго евангелія, по всему этому вмѣстѣ, мы имѣемъ право заключить въ пользу древности этой финифти, и отнести начало ея къ XII вѣку, хотя надпись ея скорѣе горизонтальная, чѣмъ вертикальная: потому что двѣ только буквы поставлены здѣсь сверху внизъ, и то, очевидно, по недостатку мѣста. Наконецъ надписи, сдѣланныя на двухъ продолговатыхъ четвероугольникахъ отличаются отъ всѣхъ и своею общею формою, и формою буквъ, и правописаніемъ. Они вертикальныя и исполнены на отдѣльныхъ, весьма узенькихъ, пластинкахъ мелкими золотыми буквами по землѣ красной финифти. Не смотря на то, что надписи эти сохранились хуже другихъ (одна полоска оторвана почти совершенно), читаются съ большимъ трудомъ; но по характеру ихъ, правильности, по характеру самыхъ изображеній, которымъ они сопутствуютъ, мы безошибочно отнесемъ ихъ къ древнѣйшимъ Греческой работы надписямъ изъ всего собранія эмалей на евангеліи. Конечно, по одному только различію формата изображеній, различному начертанію буквъ, еще нельзя притти къ

весьма важнымъ заключеніямъ, но всѣмъ этимъ признакамъ нельзя даже рѣшить того, что окладъ не одного времени съ изображенными на немъ какими нибудь финифтями; но и по этимъ признакамъ уже можно, по крайней мѣрѣ, прійти къ заключенію въ пользу того, что памятникъ украшался разновременно; что на немъ не всѣ финифти получили мѣста свои въ то время, когда онъ былъ приготовленъ; что, напротивъ, нѣкоторыя изъ нихъ позднѣйшаго дѣла, другія древнѣйшаго; что послѣднія ни въ какомъ случаѣ не были первоначально приготовлены для оклада, а имѣли свое особое назначеніе. На все это, какъ мы замѣтили, указываетъ и самая случайность окончательной разстановки различнаго характера изображеній, при которой, между прочимъ, имѣлась въ виду форма креста, весьма рѣдко встрѣчающаяся на древнѣйшихъ памятникахъ.

Кромѣ всего этого есть рѣшительныя основанія предполагать, что на цѣломъ окладѣ, если отнести изготовленіе его къ XII вѣку, нѣтъ ни одной финифти, сдѣланной въ одно время съ приготовленіемъ самаго оклада и для него собственно. Подробный разборъ финифтей, ближайшее изученіе ихъ разнохарактерныхъ рисунковъ, различнаго способа производства, докажутъ намъ окончательно, что всѣ они далеко не одного времени, что между ними есть финифти, двумя столѣтіями опередившія написаніе евангелія, и такія, которыя исполнены четыре съ половиною столѣтія послѣ написанія; что финифти, явившіяся на окладѣ первыми, ближайшія ко времени написанія рукописи и, быть можетъ, изготовленію первоначальнаго оклада, уже до того времени существовали на другихъ памятникахъ.

Но для разъясненія вопросовъ о времени, къ которому мы можемъ отнести приготовленіе оклада и его украшеній, и о мѣстѣ, гдѣ то и другое исполнено, попробуемъ обратиться къ письменнымъ свидѣтельствамъ. Извѣстно, что всѣ сохранившіяся объ этомъ свѣдѣнія находятся при томъ же евангеліи и ограничиваются двумя приписками въ началѣ и въ концѣ текста. Это тѣ самыя свѣдѣнія, которыя, будучи поверхностно поняты, породили произвольныя, превратныя толкованія, какъ о времени написанія рукописи, такъ и о времени и мѣстѣ приготовленія оклада и его украшеній. Уже прежде мы имѣли случай замѣтить, какъ произвольно пріурочили евангелію этому 1125 годъ; теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ несправедливо отнесли всѣ финифти его оклада

къ XII вѣку, какъ неосновательно приписывали наложеніе ихъ Константинополю и какому-то списателю. Приведемъ для того важнѣйшее мѣсто послѣсловія и разсмотримъ, какъ оно было понято.

«Азъ рабъ бж҃ии недостоиныи, хоудыи, грѣшьныи, съпьсахъ памяти дѣла цр҃ж нашемоу и людемъ о сконьчаньи еу҃а, ѥже ванисть казалъ мьстиславъ кънязь хоудомоу наславоу. и возивъ цр҃югородоу и оучиних химинстъ. бж҃иею же волею възвратихъся исъ цр҃агорода и съправихъ вьсе злато и сребро и драгыи камень, пришедъ кыевоу, и сконьчася вьсе дѣло мц҃а августа въ .к҃. ценоу же евангелия сего ѥдинъ бъ҃ вѣдаѥ.»

Для полноты дѣла замѣтимъ, хотя вскользь, что изъ словъ **съпьсахъ памяти дѣла** и проч. г. Снегиреву угодно было вывесть списателя. [1] Упоминающій о себѣ въ послѣдствіи Наславъ вовсе не былъ списателемъ, т. е., переписчикомъ рукописи: онъ только приписалъ на ней, записалъ для памяти, по приказанію Князя, объ украшеніи рукописи, и потому выраженіе: «списатель украсилъ трудъ свой Греческимъ дѣломъ» считаемъ неумѣстнымъ, затемняющимъ настоящій смыслъ послѣсловія и всего дѣла. На столько же несостоятельнымъ намъ показалось тутъ же другое сужденіе г. Снегирева относительно Греческой работы всѣхъ украшеній оклада. «Судя по его древности и стилю, можно предполагать, что списатель, во время пребыванія своего въ Константинополѣ, украсилъ трудъ свой Греческимъ дѣломъ.» Именно по всѣмъ этимъ признакамъ, мы приходимъ къ совершенно противоположному заключенію, и если остается здѣсь еще малѣйшее сомнѣніе, то развѣ только въ указаніи послѣсловія на пребываніе евангелія въ Константинополѣ, но и это обстоятельство, при ближайшемъ разсмотрѣніи текста послѣсловія и изученіи характера украшеній, легко устраняется. Уже отъ наблюдательнаго взора г. Снегирева не укрылось, что надписи на окладѣ Греческія и Славянскія. Какимъ же образомъ весь окладъ заурядъ относить Греческому дѣлу? Г. Забѣлинъ относительно происхожденія оклада одного мнѣнія съ г. Снегиревымъ, но основаніе его

---

[1] Древнѣйшая форма съпьсахъ, перейдя и въ позднѣйшую списахъ, все таки употребляется въ значеніи написалъ, а не списалъ. Припомнимъ для примѣра хотя: се же списахъ азъ грѣшный о житии и погублении святую» и проч., изъ Нестерова «Чтенія о житіи Бориса и Глѣба», по издан. Общ. Истор. и Древн. Росс., 1859, кн. I, стр. 12.

положительнѣе. Онъ говоритъ прямо, что «Евангеліе украшено богатымъ окладомъ въ Царьградѣ, куда его возилъ, по приказанію Князя, какой-то Наславъ.» Дѣйствительно, изъ послѣсловія видно, что евангеліе было въ Константинополѣ: «воzикъ цр҃югородоу и оуниихъ химинетъ.» За чѣмъ же возилъ его Наславъ въ Константинополь? Слово химипетъ, по толкованію г. Снегирева, принятому г. Забѣлинымъ, означаетъ поклоненіе. Странная цѣль поѣздки съ евангеліемъ! Въ слѣдъ за тѣмъ Наславъ говоритъ о возвращеніи своемъ въ Россію и потомъ, тутъ же, о совершеніи оклада: вѣжнею же коасю възвратихъсѧ изъ цр҃агорода и съправисъ вьсе zлато и сребро и драгыи камень. Если мы, вопреки требованія отъ Наслава логической послѣдовательности, предположимъ, что послѣднее дѣйствіе, т. е., украшеніе евангелія окладомъ совершено до его возвращенія изъ Царягорода, то все таки, что изъ этого выйдетъ? Что евангеліе въ Константинополѣ украшено посредствомъ металла и камней, но не посредствомъ финифтей. О нихъ нѣтъ тутъ и помина, и мы не въ правѣ допустить, ни случайнаго умолчанія со стороны приписчика, писавшаго по приказанію Князя, ни загадочнаго подразумѣванія финифтей подъ словами его «все», или «злато.» Для того періода, въ который сдѣланъ окладъ, и написано послѣсловіе, и то и другое, по нашему разумѣнію, невозможно. Строгое благочестіе того времени, священное значеніе памятника, наконецъ самое благочестивое настроеніе духа писавшаго, не могли допустить того, чтобъ, говоря о металлѣ и плохихъ камняхъ, писавшій не коснулся иконъ, если бъ онѣ были на окладѣ въ то время; наконецъ самая цѣнность финифтей не допускаетъ этого умолчанія. Онѣ стóили, безъ сомнѣнія, гораздо больше и металла и камней; между тѣмъ писавшій, придавая такую цѣну евангелію «цѣноу еваггелию сего іединъ бѣ̃ вѣдае», и приводя менѣе цѣнные предметы, не упомянулъ бы драгоцѣннѣйшихъ его украшеній. Это рѣшительно невѣроятно, тѣмъ болѣе, что онъ писалъ для памяти, по приказанію Князя, и только объ одномъ украшеніи евангелія. Объ украшеніи финифтомъ не забывали сообщать между достопамятными событіями даже лѣтописцы. Вообще, въ толкованіяхъ текстовъ подобнаго рода самое простое чтеніе признается, какъ извѣстно, ближайшимъ къ истинѣ, и мы не считаемъ себя въ правѣ предполагать недомолвки тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, и дополнять текстъ своими вымыслами. Откуда же взяли, что окладъ всецѣлостно, въ томъ видѣ, въ которомъ онъ предстоитъ

нашему изученію, былъ сдѣланъ въ Константинополѣ? Это пущенное на удачу мнѣніе ученыхъ, которые не хотѣли взять на себя труда поближе ознакомиться съ самымъ памятникомъ, а описывали его прямо съ рисунка, основываясь исключительно на словахъ Наслава: «возивъ цр҃югороду.»

Послѣднимъ обстоятельствомъ, между прочимъ, объясняется и то, что никто изъ нихъ даже не коснулся приписки, сдѣланной на первыхъ страницахъ евангелія и объясняющей окончательную передѣлку оклада въ 1551 году, когда онъ украсился финифтями, приготовленными для того въ Новгородѣ.

За чѣмъ же возили евангеліе въ Константинополь? Не ужели для того только, чтобы покрыть его не хитрой работы серебряною сканною доскою, сдѣлать золотыя застежки, насадить плохихъ камней? Не ужели въ Россіи въ XII вѣкѣ не нашлось бы для того матеріала и мастеровыхъ? Такого рода предположенія, при настоящихъ успѣхахъ археологіи, могутъ по справедливости казаться анахронизмами. За чѣмъ же возили его? Намъ остается искать рѣшеніе этого вопроса только въ одномъ темномъ мѣстѣ послѣсловія, въ томъ загадочномъ дѣлѣ, которое совершилъ Наславъ именно во время пребыванія своего въ Константинополѣ: «и возивъ цр҃югородоу и оучинихъ химипетъ.» Послѣднее слово, говоритъ г. Снегиревъ, остававшееся доселѣ неизъясненнымъ, весьма вѣроятно происходитъ отъ *χαμεπετέω*, преклоняюсь до земли, и значитъ поклоненіе. Во первыхъ, глаголъ этотъ, сочиненный съ плохимъ знаніемъ Греческаго языка, если бы даже существовалъ въ словарѣ Греческаго языка въ этомъ значеніи, то отглагольное его едва ли могло имѣть смыслъ въ нашемъ послѣсловіи. Въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе имѣетъ мысль, что посланный Великимъ Княземъ въ Царьградъ везетъ евангеліе и совершаетъ поклоненіе, да еще какое, до земли? Царьградъ вѣдь не святыя мѣста и Іерусалимъ, чтобы туда ѣздить на поклоненіе. Его посѣщали Русскіе люди въ глубокую древность, но едва ли когда съ этою цѣлью. Во вторыхъ, глаголъ *χαμεπετέω* едва ли не составляетъ новѣйшаго изобрѣтенія, по крайней мѣрѣ, намъ не случалось встрѣтить его ни въ одномъ словарѣ, ни Древняго, ни Новогреческаго языка. Составныя его части, принаравливая ихъ къ толкованію г. Снегирева, должны быть *χᾰμαὶ* и *πετάννυμι*; происходящія отъ него слова, употреблявшіяся въ Древне-Греческомъ, суть: прилагательныя *χαμαιπετής*, *ές*, простертый на земли, и существитель-

ное *χαμαιπέτεια*, означающее состояніе того же прилагательнаго, т. е., лежаніе на земли, распростертіе на земли, но не поклоненіе. Слѣдовательно, Греческое *α* и *αι* измѣнилось въ Русское *и*. Далѣе положимъ, что химипетъ означаетъ поклоненіе; какимъ образомъ согласить его съ управляющимъ имъ глаголомъ? Учинить въ древнемъ употребленіи, въ языкѣ нашихъ лѣтописей, означаетъ тоже, что справить, устроить, а не то, чтобъ просто совершить, сдѣлать, какъ стало употребляться въ послѣдствіи. Въ первоначальномъ значеніи оно относится преимущественно къ техническимъ производствамъ и составляетъ такимъ образомъ технической терминъ. Въ этомъ смыслѣ, между прочимъ, мы встрѣчаемъ его въ двухъ замѣчательнѣйшихъ по терминологіи мѣстахъ Ипатьевской лѣтописи, изъ которыхъ въ одномъ подъ 1175 годомъ, говоря о подвигахъ Андрея Боголюбскаго для украшенія Владиміра, лѣтописецъ прибавляетъ: «къ нему же врата златая доспѣ, а другая серебромъ учини;» въ другомъ, подъ 1282 г., тотъ же лѣтописецъ, уподобляя Мстислава Волынскаго Соломону, за то, что онъ, подобно послѣднему, продолжалъ устроивать и украшать церкви послѣ брата своего, Владиміра, втораго Давида, говоритъ о Мстиславѣ: «ниже нескончанаа твоя учиняща.» Въ обоихъ взятыхъ для примѣра мѣстахъ лѣтописи слово учинить показываетъ довершеніе памятниковъ технического производства. Учинить земное поклоненіе даже теперь какъ то странно звучитъ, когда слово это по видимому получило болѣе общее значеніе. Такъ представляется оно въ отдѣльно взятой фразѣ; что же выйдетъ, если мы приведемъ его въ соотношеніе съ предыдущей и послѣдующей фразами послѣсловія: «и возилъ въ Царьгородъ, учинилъ поклоненіе, возвратился изъ Царягорода.» Изъ трехъ предложеній первое и послѣднее имѣетъ видимое отношеніе къ евангелію, ради котораго ѣздилъ Наславъ, среднее не имѣетъ ровно никакого. Наконецъ еще одно самое важное обстоятельство. Къ чему было истому Славянину, какимъ является Наславъ въ послѣсловіи, прибѣгать къ Греческому слову, безъ всякой нужды, для выраженія такого понятія, для котораго у него было на родномъ языкѣ родное слово? Ради моды, или для загадки? Но самый текстъ Мстиславова евангелія отличается необыкновеннымъ между другими памятниками Церковно-Славянской письменности желаніемъ не искать Греческихъ словъ, а избѣгать ихъ по возможности: въ немъ Греческихъ словъ менѣе, чѣмъ въ Остромиро-

вомъ евангеліи. Значитъ, особой моды щеголять Греческими словами не было при дворѣ Мстислава. Непосредственно отсюда мы приходимъ къ окончательному заключенію въ пользу того, что если Паславъ употребилъ Греческое слово, то развѣ по необходимости, для выраженія такого понятія, которое было чужло его языку и для котораго въ немъ онъ не могъ отыскать соотвѣтствующаго слова. Какое же это понятіе? Безъ сомнѣнія, техническое, обозначавшее произведство, заимствованное отъ Грековъ. При совершенномъ младенчествѣ Русской археологической терминологіи, мы позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующія на этотъ конецъ предположенія. Химпиетъ, Греческое слово по звуку своему, но не встрѣчающееся ни въ другихъ источникахъ, ни въ словаряхъ Греческаго языка, и потому, быть можетъ, даже не совсѣмъ точно переданное Русскимъ человѣкомъ начала XII вѣка, имѣетъ корнемъ своимъ, по видимому, глаголъ *χέω*, лить, плавить, отъ котораго происходитъ *χῦμα*, жидкость, *χύμευσις*, сплавъ, и *χυμευτός*. Благодаря успѣхамъ, сдѣланнымъ Археологіею въ послѣднее время, особливо во Франціи, ученые пришли къ заключенію, что средневѣковые Греки подъ словомъ *χύμευσις* разумѣли самый составъ эмали или финифти, т. е., смѣсь стекла съ металлическими окисями, подъ словомъ *χυμευτός* то, что мы называемъ эмалевымъ, финифтянымъ; для обозначенія же предметовъ, сдѣланныхъ изъ финифти, т. е., эмалей, финифтей они употребляли или средній родъ прилагательнаго *χειμευτὸν*, *χυμευτόν*, или описательную форму *ἔργα χυμευτά* или *χειμευτά* и проч. Намъ кажется, что сближеніе Греческаго слова *χυμευτόν*, или какъ оно должно было выговориться Русскимъ химитъ, химитъ съ нашимъ темнымъ химпиетъ есть самое основательное, которое до сего времени можно было допустить. Оно вполнѣ соотвѣтствуетъ и управляющему имъ глаголу, смыслу послѣсловія и цѣли поѣздки. Учинихъ химпиетъ такимъ образомъ можетъ значить учинилъ химитъ, справилъ, устроилъ для евангелія финифти. Понятно, что только одна буква *п* въ послѣднемъ слогѣ составляетъ затрудненіе; не находясь въ Греческомъ словѣ, она вставлена въ наше. Но, во первыхъ, эта буква сродна по характеру съ буквами *в* и *ф*; кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что слово это, быть можетъ, въ первый разъ было употреблено на письмѣ; что оно не церковное, не книжное, а чисто техническое; быть можетъ даже, что терминъ этотъ въ первый разъ даже слышалъ Паславъ въ Константинополѣ и не совсѣмъ вѣрно его передалъ. Оно могло и не подвергаться

строгому книжному филологическому анализу, какъ нѣкоторыя другія слова, зашедшія къ намъ изъ Греціи вмѣстѣ съ вещами, вывезенными изъ той страны, и употребляющіяся въ нашихъ лѣтописяхъ далеко не въ первоначальномъ видѣ своемъ.

Легко можетъ быть, что даже слово финифть, или какъ говорятъ древнѣйшіе источники, финипть имѣетъ отношеніе и къ химиту и къ химипету. Созвучіе этихъ словъ и одинаковость значенія говорятъ сами за себя. Въ Греческомъ лексиконѣ до сихъ поръ неизвѣстно еще другаго слова, ближайшаго по значенію къ нашему финифть. Производить его отъ слова *φιγγις* нѣтъ основанія, между тѣмъ буква *ф* указываетъ не на Славянское происхожденіе, да и все слово звучитъ скорѣе Греческимъ. Не уже ли только одна странная случайность созвучія ставитъ слово финипть между химитомъ и химипетомъ? Такъ или нѣтъ, но мы не считаемъ себя вправѣ признать за словомъ химипетъ значеніе поклоненія также, какъ за финифтью происхожденіе отъ *φιγγις*. Легко можетъ быть, что дальнѣйшіе успѣхи Археологіи и Филологіи, если обѣ науки дружнѣе пойдутъ рука объ руку, разъяснятъ этотъ вопросъ окончательно; но до тѣхъ поръ мы удержимъ за словомъ химипетъ значеніе финифти на тѣхъ основаніяхъ, какъ мы сказали, что оно объясняетъ и цѣль путешествія и все послѣсловіе и отчасти самое украшеніе оклада. Объяснимся.

Князь Мстиславъ, отличаясь, подобно отцу и дѣдамъ своимъ, ревностью къ сооруженію и украшенію церквей, построилъ, между прочимъ, въ бытность свою Княземъ Новогородскимъ, въ 1103 году, церковь Благовѣщенія на Городищѣ. Такъ какъ обыкновенно Князья храмоздатели заботились и о снабженіи церквей всѣми необходимыми принадлежностями, то онъ и заказалъ написать для этой церкви евангеліе. Заказъ исполненъ былъ сыномъ пресвитера, Алексою Лазаревымъ. Что Мстиславово евангеліе было написано именно для этой церкви, видно изъ словъ написавшаго его, который говоритъ въ послѣсловіи о Князѣ: «иже съвьрши сие еуліе на блвние прѣстѣи, устѣи влуци нашеи біци.» Благословеніе Богоматери евангеліемъ имѣетъ значеніе только по отношенію къ ея церкви, для которой предназначено было евангеліе; кромѣ того изъ другой приписки извѣстно, что евангеліе это находилось именно въ той церкви. Но мы объ этомъ уже говорили въ другомъ мѣстѣ. Когда евангеліе было готово, Мстиславъ задумалъ украсить его такимъ окладомъ,

которому подобнаго, или не было на Руси, или котораго не въ силахъ были сдѣлать въ Россіи. Золотыхъ дѣлъ мастерство процвѣтало тогда въ Византіи. Послѣднія изысканія Европейскихъ ученыхъ убѣдили, что не только въ Россіи, въ цѣлой Европѣ не было во времена Мстислава такихъ финифтчиковъ, какъ въ Византіи. Туда обыкновенно обращались съ заказами богатые любители изящныхъ предметовъ. Къ числу такихъ заказовъ, и какъ разъ къ тому же времени, знатоки дѣла относятъ финифти, составляющія лучшее украшеніе знаменитой запрестольной иконы Св. Марка въ Венеціи. Туда поѣхалъ и Паславъ съ евангеліемъ, имѣвшій, вѣроятно, кромѣ того, другія порученія отъ своего Князя; тамъ онъ устроилъ для оклада финифти, т. е., или заказалъ ихъ сдѣлать, или прямо выбралъ (посовѣтовавшись съ знатоками) въ богатыхъ магазинахъ тѣ изъ нихъ, которыя подходили по сюжету; тѣмъ, по видимому, и кончилъ онъ все дѣло съ евангеліемъ въ Царьградѣ. Возвратившись оттуда въ Новгородъ, онъ, вѣроятно, здѣсь пристроилъ весь окладъ металломъ и камнями, наложилъ на него привезенныя финифти и, не заставъ уже Князя, отправился въ Кіевъ, гдѣ, какъ видно, угодилъ Князю, который (спасибо ему) приказалъ записать на самомъ евангеліи, для памяти себѣ и потомству, о окончаніи евангелія и отправилъ его, по назначенію, въ Новгородъ, въ церковь Благовѣщенія на Городищѣ, гдѣ оно находилось, какъ извѣстно, еще въ 1551 году. Вотъ въ краткихъ словахъ все, что, по нашему мнѣнію, можно извлечь и предположить изъ послѣсловія. Теперь обратимся къ самому памятнику, разсмотримъ, въ томъ ли онъ видѣ дошелъ до насъ, въ которомъ оставилъ его Мстиславъ, или отъ него сохранились только весьма немногіе остатки? Мы положительно убѣждены въ послѣднемъ.

Разсматривая составныя части оклада мы видѣли, что основаніе его украшеній составляетъ серебряная, густо позолоченая доска, украшенная витыми орнаментами плоской скани. Въ этой доскѣ сдѣланы предназначенныя для помѣщенія дощечекъ съ финифтями углубленія, окоймленныя, на подобіе рамокъ, поднятыми сканными нитями, между которыми въ ложбинкахъ утверждены колечка для проволоки съ жемчугомъ; такимъ образомъ рисунокъ этихъ углубленій доски и рамокъ опредѣляется и обусловливается очертаніемъ дощечекъ, на которыхъ исполнены финифти.

Въ числѣ четырнадцати отдѣльныхъ дощечекъ, мы находимъ пять совершенно различныхъ по формѣ, которая, въ свою очередь, есть общая дощечекъ съ финифтями одного характера и времени. Особнякомъ является только одна неправильная фигура, бляха или запона среди оклада, служащая дополненіемъ и украшеніемъ въ родѣ оклада или широкой рамы изображенію Спасителя, помѣщающемуся среди ея, на дощечкѣ особой формы; всѣ прочія дощечки имѣютъ опредѣленную форму или пятиугольника съ острымъ верхнимъ угломъ, въ числѣ шести дощечекъ, или квадрата, въ числѣ пяти, или четыреугольника, въ числѣ двухъ. Если всѣ упомянутыя углубленія въ основаніи скапной доски исполнены для помѣщенія именно тѣхъ дощечекъ съ финифтями, которыя украшаютъ ее въ настоящее время, то и средняя запона, окладъ серединка, помѣщаясь въ такомъ же углубленіи и окаймленная такою же рамкою, должна была уже первоначально, во время приготовленія самаго основанія, получить здѣсь свое мѣсто. Но запона эта, по работѣ и надписямъ, относится непосредственно къ XVI столѣтію. Отсюда слѣдуетъ: или окладъ, предназначенный къ воспріятію ея, сдѣланъ не въ XII, а въ XVI столѣтіи, или, вмѣсто этой запоны XVI-го столѣтія, прежде существовало что нибудь иное. Мы бы могли допустить послѣднее только въ томъ случаѣ, если бы, хотя на минуту, усомнились въ возможности существованія на окладѣ XII столѣтія линіи, окружающей эту запону и составляющей, какъ извѣстно, неотчуждаемую собственность скапнаго оклада въ углубленіи и каймѣ этой запоны. Линія эта, представляя рисунокъ не символическій, но простой, не затѣйливый, но изящный, происходящій по видимому изъ четыреугольника съ волнистыми сторонами, составляетъ позднѣйшее украшеніе, употребляется и на другихъ памятникахъ, даже на окладахъ евангелій, но только XVI-го столѣтія, и никогда не встрѣчается на памятникахъ XII-го. Форма всѣхъ прочихъ дощечекъ весьма древняя, и господствовавшая въ Византіи именно для подобныхъ финифтяныхъ изображеній во все то время, когда Византійскія фабрики изготовляли цѣлыя собранія финифтей опредѣленныхъ форматовъ для украшенія разнаго рода памятниковъ. Но за то, съ другой стороны, на этомъ приписываемомъ Мстиславову времени окладѣ, и въ этихъ дощечкахъ отдѣльныхъ форматовъ, мы находимъ собранія финифтей, до того неполныя по сюжетамъ, что рѣшительно не имѣемъ права допустить наложеніе

ихъ XII-му столѣтію, времени процвѣтанія Греческой финифти. Кромѣ того, мы увидимъ далѣе, что цѣлыя отдѣленія финифтей занесены сюда изъ другихъ мѣстъ, гдѣ они имѣли совершенно иное назначеніе; что всѣ вообще особыхъ отдѣленій финифти разнаго времени и различнаго дѣла, нѣкоторыя безъ надписей, но по видимому съ изображеніями Русскихъ святыхъ, одна даже съ Русскою надписью. Соображая все это вмѣстѣ, мы теперь же приходимъ къ заключенію, что окладъ, по своему сборному характеру, вмѣстѣ съ его запоною XVI столѣтія, никакимъ образомъ не можетъ быть отнесенъ къ XII столѣтію. Разумнѣе было бы допустить, что онъ возникъ въ болѣе скудную древними эмалями эпоху, когда производство ихъ или вовсе прекратилось, или сдѣлалось весьма рѣдкимъ, когда могли довольствоваться, для украшенія оклада эмалями, сохранившимися отъ древности и присоединили къ нимъ новыя; словомъ скорѣе можно допустить, что приготовленіе всего оклада относится ко времени обновленія евангелія, указываемому позднѣйшей припиской, т. е., къ 1551 году. Единственнымъ препятствіемъ является здѣсь сканная работа оклада, но и это препятствіе только видимое, оно легко устраняется, если припомнимъ, что сканная работа производилась въ различныя времена, и потому была разнаго рода; на разсматриваемомъ нами памятникѣ она вовсе не носитъ отличительныхъ признаковъ XII столѣтія. Древнѣйшая скань или филигрань, во время процвѣтанія въ Византіи золотыхъ дѣлъ мастерства, сколько можно судить по памятникамъ, которыхъ происхожденіе не подлежитъ сомнѣнію, была двухъ родовъ: или въ видѣ сѣти изъ припаянныхъ на ребро тончайшихъ пластинокъ, подобныхъ тѣмъ, которыхъ промежутки наполнялись мусіей или въ видѣ золотыхъ веревочекъ, расположенныхъ завитками, змѣйками и проч. Въ обоихъ случаяхъ скань употреблялась по преимуществу золотая, имѣла довольно значительное возвышеніе надъ уровнемъ основанія, словомъ имѣла видъ накладки. Лучшими образцами въ томъ и другомъ родѣ мы считаемъ въ Россіи золотую скань шапки, извѣстной подъ именемъ Мономаховой, и скань на бармахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Рязанскихъ. Ничего или очень мало подобнаго находимъ на окладѣ Мстиславова евангелія, который представляетъ въ общемъ весьма обыкновенный рисунокъ плоской серебряной скани, употреблявшейся для украшенія Русскихъ памятниковъ, преимущественно иконныхъ окладовъ, панагій, крестовъ въ XV и XVI сто-

лѣтіяхъ. Немаловажное указаніе на другаго рода не серебряныя, а золотыя, украшенія верхней доски Мстиславова евангелія видимъ мы въ сохранившихся остаткахъ золотыхъ крюковъ отъ застежекъ. Странно, во всякомъ случаѣ, дѣлать золотыя застежки къ серебряному окладу. Къ тому же XVI столѣтію мы думаемъ отнести, ни мало не сомнѣваясь, и покраску нѣкоторыхъ украшеній этого оклада, которой слѣды сохранились мѣстами, въ нѣкоторыхъ углубленіяхъ, и которую г. Забѣлинъ также безъ всякаго основанія называетъ финифтью XII столѣтія.

Если въ Россіи сохранилось мало рукописей, украшенныхъ богатыми окладами около XII столѣтія, то въ цѣлой Европѣ сохранилось ихъ достаточно для того, чтобы воспользоваться ихъ сравнительнымъ изученіемъ. Стиль украшеній подобнаго рода, при всемъ различіи матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ въ различныхъ мѣстностяхъ, представляетъ въ эту эпоху еще ощутительнаго Византійскаго вліянія много общаго. Но до сихъ поръ еще неизвѣстно ни одного современнаго памятника, представляющаго въ стилѣ своихъ украшеній сходство съ нашимъ окладомъ; напротивъ на этомъ окладѣ, съ одной стороны, мы находимъ существенные недостатки именно тѣхъ характеристическихъ особенностей, которыя составляли собою необходимыя принадлежности финифтяныхъ окладовъ евангеліи современной эпохи и замѣненіе ихъ лишними, съ другой мы видимъ остатки тѣхъ необходимыхъ принадлежностей: такимъ образомъ, находя очевидные слѣды бывшаго нѣкогда сходства стиля въ украшеніяхъ оклада, мы должны допустить, что въ позднѣйшую эпоху сходство это подверглось измѣненію, и чрезъ то утратился самый характеръ древняго памятника. Такъ, напримѣръ, существенную необходимость оклада съ финифтяными изображеніями, по видимому, составляли изображенія Спасителя, евангелистовъ, или ихъ символовъ. Но они не сохранились отъ древняго оклада. Изображеніе евангелистовъ на запонѣ середника принадлежитъ безспорно XVI столѣтію, а Спасителя, по видимымъ признакамъ, не принадлежало первоначально окладу, а совершенно другаго рода памятнику. Нерѣдко на древнѣйшихъ окладахъ съ финифтями встрѣчаемъ и изображеніе двѣнадцати апостоловъ; мы находимъ ихъ, дѣйствительно, и на нашемъ, но въ какомъ жалкомъ остаткѣ: два апостола, Петръ и Павелъ, сохранились изъ одной коллекціи, по видимому, совершенно чуждой окладу, и два другихъ, Іаковъ и Варѳоломей изъ

другой. Мы съ достовѣрностью можемъ смотрѣть только на двѣ послѣднія финифти, какъ на оставшіяся отъ первоначальнаго украшенія. Эти двѣ четыреугольныя дощечки съ изображеніями, исполненными гораздо ранѣе XII вѣка, могли принадлежать именно тому окладу, ради котораго возили евангеліе въ Константинополь. Они до сихъ поръ составляютъ лучшее украшеніе оклада, хотя помѣщены на менѣе видномъ мѣстѣ. Всѣ же прочія финифти едва ли могли имѣть мѣсто на первоначальномъ окладѣ. Причины тому намъ отчасти уже извѣстны и еще болѣе уяснятся въ послѣдствіи, при разсматриваніи памятника въ подробностяхъ.

Такимъ образомъ, если поверхностный взглядъ на памятникъ, въ сопровожденіе такого же поверхностнаго воззрѣнія на послѣсловіе относитъ окладъ цѣлостно XII вѣку и работѣ Цареградской, то внимательное изученіе того и другаго приводитъ къ совершенно противоположнымъ убѣжденіямъ. Допуская, что Наславъ возилъ евангеліе для украшенія его въ Царьградъ и тамъ успѣлъ украсить его великолѣпнымъ окладомъ, все таки мы имѣемъ основательныя причины думать, что онъ украсилъ его не тѣмъ окладомъ, который дошелъ до нашего времени, но другимъ, который въ XVI вѣкѣ, будучи ветхъ, потребовалъ обновленія, замѣненія. Отъ Наславова оклада, быть можетъ, не осталось ничего, кромѣ двухъ финифтей, не сохранилось ни основанія, ни слѣдовъ расположенія украшеній: и то, и другое, какъ мы видѣли, основательнѣе отнести къ XVI вѣку, тѣмъ болѣе, что для расположенія финифтей на окладахъ XII вѣка, никогда не употреблялась форма креста, подобнаго находящемуся на нашемъ окладѣ, приписываемомъ Царяградскому дѣлу. Самый способъ укрѣпленія финифтей этого оклада свидѣтельствуетъ о наложеніи ихъ въ позднѣйшее время. Они придѣланы къ окладу такъ неискусно, какъ только можно допустить или при готовомъ основаніи и случайномъ помѣщеніи попавшихся подъ руку изображеній, или при готовыхъ изображеніяхъ и непомѣрно для нихъ сдѣланныхъ помѣщеніяхъ. Они прибиты позолоченными гвоздиками безъ особой соразмѣрности даже съ рамками, ихъ окаймляющими, обрѣзы нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣланы не совсѣмъ вѣрно, и всѣ вообще, будучи ничѣмъ не закрыты, придаютъ всему памятнику видъ недокончености. Въ этомъ отношеніи, для укрѣпленія финифтей на древнѣйшихъ памятникахъ, надо замѣтить, было особаго рода устройство, именно золотая оправа съ зубчатыми ободками. Финифти вста-

влялись въ нее, какъ драгоцѣнные камни въ ренью. Загнутые вверху, кругомъ финифтей, ободки оправы, закрѣпляя обрѣзы, скрывали ихъ отъ глазъ и составляли родъ весьма красивой рамки. Отсюда слѣдуетъ, что не только общая форма, стиль оклада, способъ размѣщенія украшеній, форма отдѣльныхъ украшеній, ихъ характеръ и состояніе, выборъ изображеній, но даже самыя мельчайшія подробности говорятъ въ пользу происхожденія оклада не въ XII, а въ XVI столѣтіи.

Страсть къ поновленіямъ и здѣсь была, по видимому, главною причиною того, что памятникъ не дошелъ до насъ въ томъ видѣ, въ которомъ оставилъ его Мстиславъ и въ настоящее время довольно трудно представить первоначальный видъ украшенія его евангелія. На основаніи сравнительнаго изученія другихъ подобныхъ памятниковъ, сохранившихся въ Европѣ, мы позволимъ себѣ только нѣкоторыя соображенія для его реставраціи.

Извѣстно, что въ древности гораздо большее обращали вниманіе на переплетъ книгъ Священнаго Писанія, нежели въ настоящее время, потому что переплеты имѣли несравненно важнѣйшее значеніе. Они служили не только къ сбереженію и украшенію рукописей, которыя сами по себѣ были рѣже и цѣннѣе самыхъ рѣдкихъ и самыхъ дорогихъ печатанныхъ книгъ; кромѣ того, будучи украшены священными изображеніями, они имѣли цѣль благочестиваго обѣта, назиданія. На этомъ основаніи, въ весьма раннюю эпоху христіанства, церковныя и служебныя книги украшались съ большими издержками, стараніями и смысломъ, такого рода изображеніями, которыхъ выборъ вполнѣ соотвѣтствовалъ содержанію рукописей. Не входя здѣсь въ подробности о способѣ украшенія другихъ книгъ Священнаго Писанія, потому что это завело бы насъ слишкомъ далеко, мы обратимъ вниманіе читателей только на матеріалы и предметы изображеній, употреблявшіеся для украшенія евангелій. Золото, серебро и драгоцѣнныя камни — эти три упоминаемыя Наславомъ матеріалы, по видимому, были употребительными для украшенія древнѣйшихъ евангелій, не только въ Россіи и на цѣломъ Востокѣ, но и на Западѣ. Оправдывая употребленіе ихъ, аббатъ Рупертъ говоритъ, что въ этихъ книгахъ сіяетъ *злато* небесной мудрости, блеститъ *серебро* краснорѣчія, основаннаго на вѣрѣ, свѣтятся *камни* чудесъ, содѣянныхъ руками Христа. Но до введенія этихъ матеріаловъ во всеобщее употребленіе, въ первыя

вѣка христіанства, по подражанію античнымъ образцамъ, для переплета священныхъ книгъ, брали слоновую кость. Дидронъ, по видимому, весьма основательно дѣлитъ въ этомъ отношеніи книги, съ нѣкоторыми незначительными исключеніями, на четыре главныхъ періода: на заключенныя въ рельефныя дощечки слоновой кости, по подобіе складней, съ первыхъ вѣковъ христіанства до IX; на украшенныя слоновой кости небольшими рельефами совмѣстно съ металломъ и камнями, и съ видимымъ преобладаніемъ послѣдняго, съ IX и вѣка до XII включительно; далѣе, слѣдуетъ одинъ металлъ, безъ слоновой кости, съ конца XII вѣка до конца XIV-го; наконецъ отсюда до XVII вѣка переплеты книгъ украшались рѣзьбой по дереву, матеріями, слегка металломъ, кожею.

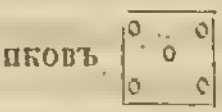
Что же касается до предметовъ изображеній на всѣхъ этихъ матеріалахъ, то мы уже замѣтили прежде, что изображенію Спасителя принадлежало мѣсто на евангеліи по преимуществу, вслѣдъ за нимъ изображеніямъ евангелистовъ и апостоловъ, первому, какъ источнику слова Божія, другимъ, какъ орудіямъ и проповѣдникамъ его. Изображеніе Спасителя на окладахъ евангеліи вообще можно подраздѣлить на три главныхъ вида. Это или сидящій Вседержитель, благословляющій правою рукою, а въ лѣвой держащій евангеліе, или Младенецъ на рукахъ Богоматери, также съ евангеліемъ, или наконецъ Распятый на крестѣ, по евангелію и здѣсь было отношеніе: оно помѣщалось вверху Распятія, на престолѣ Господнемъ. Къ этимъ главнѣйшимъ представленіемъ Спасителя присоединяются иногда главные эпизоды изъ евангельской жизни его, на пр., двунадесять праздниковъ и проч. Евангелисты или ихъ символы большею частію помѣщаются по бокамъ Спасителя, по угламъ оклада. Отсюда названія середника и наугольниковъ—соотвѣтствующія Спасителеву образу и образамъ евангелистовъ. Отъ евангелистовъ по сторонамъ идетъ рядъ двѣнадцати апостоловъ, изображенныхъ большею частію на отдѣльныхъ дощечкахъ. По господствовавшимъ въ древности понятіямъ и по нѣкоторымъ сохранившимся въ Россіи и въ Европѣ памятникамъ, мы имѣемъ право принять эти изображенія за норму. Къ нимъ въ послѣдствіи, преимущественно, кажется, съ XIII столѣтія, присоединяются избранные изъ мучениковъ. Дидронъ по видимому, не совсѣмъ основательно объясняетъ появленіе первомученика Стефана на одномъ Кельнскомъ евангеліи, принадлежностью святаго къ дьяконскому чину, говоря, что онъ получилъ

здѣсь мѣсто потому, что дьяконы обыкновенно читали въ церквахъ евангеліе: почему же другіе мученики получали тамъ же мѣсто, не имѣя вовсе этого сана? Ближе принять, что они запечатлѣли истину евангельскаго ученія своею кровію, и за то по праву получили мѣсто на евангеліи. Объ изображеніяхъ мучениковъ на окладахъ евангеліи, сдѣланныхъ въ Россіи, упоминаетъ, какъ извѣстно, и Волынская лѣтопись

Вотъ въ немногихъ словахъ почти все извѣстное до сихъ поръ о матеріалѣ и предметахъ изображеній на древнихъ окладахъ евангеліи, и на этихъ-то скудныхъ данныхъ мы должны основать возможность реставраціи нашего памятника. Принятое Дидрономъ раздѣленіе украшеній по матеріалу, на періоды, въ общихъ чертахъ, имѣетъ равное значеніе для древнихъ памятниковъ цѣлой Европы, особливо характеристика двухъ первыхъ періодовъ, должна быть признана безусловно общею: потому что древній христіанскій стиль, какъ открывается съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, былъ по всюду общій византійскій. Вполнѣ принимая дѣленіе Дидрона, мы позволяемъ себѣ предполагать, что въ первые два періода украшеній окладовъ, на ряду съ употребленіемъ слоновой кости, существовали оклады евангеліи, украшенные однимъ металломъ и камнями. Если не сохранилось въ этомъ родѣ памятниковъ, то указанія на нихъ довольно часты въ изображеніяхъ Спасителя и святыхъ съ евангеліями въ рукахъ. Изображенія эти совпадаютъ съ первыми двумя періодами принятаго Дидрономъ дѣленія, а украшенія окладовъ, на которыя они указываютъ, состоятъ прямо изъ металлическаго основанія и пяти камней, размѣщенныхъ въ видѣ середника и наугольниковъ. Но обратимся къ первоначальной формѣ нашего оклада, и попробуемъ реставрировать ее по указаніямъ Дидрона и по сравненію съ другими, сохранившимися въ Европѣ памятниками. Признавъ шесть финифтей квадратами, и вмѣстѣ съ ними изображеніе Спасителя, непринадлежащими первоначальному окладу, мы можемъ предположить, что украшавшее нѣкогда окладъ этотъ изображеніе Спасителя могло быть изъ слоновой кости, выпукло рѣзное также, какъ и евангелистовъ и ихъ символовъ. Матеріалъ этотъ не столь прочный, какъ металлъ, легко могъ подвергнуться порчѣ и прежде другаго потребовать замѣненія. Изображенія двѣнадцати апостоловъ изъ коллекціи двухъ продолговатыхъ четыреугольниковъ тянулись, вѣроятно, въ ряды между четырьмя помѣщенными по угламъ евангели-

стами. Они были утверждены въ красивыя рамки съ зубчатыми ободочками. Наконецъ все это должно было помѣщаться на гораздо богатѣйшемъ основаніи скашюй золотой доски съ завитками выпуклыми; въ промежуткахъ изображеній и орнаментовъ размѣщены были камни. Легко можетъ быть, что и нижняя доска переплета, въ первоначальную эпоху оклада была украшена изображеніями; въ такомъ случаѣ, такъ какъ евангеліе предназначалось для церкви Благовѣщенія, то здѣсь, среди другихъ украшеній могло быть рѣзное изображеніе этого праздника.

Мало для насъ значенія представляетъ вопросъ: сохранились ли камни и жемчугъ, украшающіе до сихъ поръ окладъ Мстиславова Евангелія, отъ XII столѣтія, или они помѣщены вновь въ XVI? Что касается до первыхъ, т. е., камней, то извѣстно, что они упомянуты въ припискѣ Паслава и, судя по ихъ качеству, въ частяхъ или цѣлостно могли дойти до нашего времени. Они, какъ уже замѣчено, не смотря на названіе ихъ Паславомъ драгоцѣнными, драгый камень, каковыми могли считаться въ древности, въ настоящее время не представляютъ высокой цѣнности, ни по достоинству, ни по величинѣ; не будучи обдѣланы, они вставлены въ натуральномъ ихъ видѣ въ золотыя гнѣзда, съ боку украшенныя эмалью. Между ними есть даже подцвѣченныя стекла, какихъ достаточно на древнѣйшихъ памятникахъ, есть и камни, просверленныя въ серединѣ — доказательство, что они прежде, чѣмъ попали въ гнѣзда, были носимы въ сергахъ или какомъ другомъ украшеніи. Судя потому, что жемчугъ употреблялся на современныхъ Мстиславову окладу памятникахъ и еще болѣе чѣмъ въ XVI и XVII вѣкѣ, мы бы могли допустить пребываніе его на древнѣйшемъ окладѣ разумѣется съ ограниченіемъ относительно рисунка или способа размѣщенія. И камни, и жемчугъ въ эпоху обновленія оклада, должно быть, переложены. Странно, отчасти, что Паславъ не упоминаетъ о жемчугѣ, когда его не забывали иногда лѣтописцы, повѣствованіе объ украшеніяхъ церковной утвари; но намъ извѣстенъ уже характеръ приписки его, отличающейся своею краткостью и неопредѣленностью, мы видѣли, какъ описаны имъ Финифти — цѣль дальней и многотрудной поѣздки, — главный предметъ рѣчи и всей приписки. О нихъ даже не упомянуто ясно въ послѣсловіи; если не разумѣлъ ихъ Паславъ подъ другимъ словомъ, то бытіе ихъ на первоначальномъ окладѣ также подвергается основательному сомнѣнію.

Между тѣмъ ясно, что всѣ предположенія наши по реставраціи первоначальной формы Мстиславова оклада имѣютъ основанія исключительно лишь въ такомъ только случаѣ, если мы допустимъ принятое нами выше толкованіе послѣсловія о финифтяхъ; въ противномъ случаѣ, мы должны будемъ ограничиться примѣненіемъ этому окладу самой простой формы украшенія посредствомъ металла и камней, быть можетъ, даже вовсе безъ изображеній. Указаній на подобнаго рода оклады отъ глубокой древности сохранилось достаточно на различныхъ памятникахъ металлическаго дѣла, книжной живописи и вообще памятникахъ иконографіи, въ которыхъ встрѣчаются изображенія святыхъ съ евангеліями въ рукахъ, на которыхъ по окладу камни размѣщены обыкновенно въ простѣйшей формѣ середника и четырехъ наугольниковъ  . Но въ такомъ случаѣ окончательно теряется всякій смыслъ поѣздки Наслава съ евангеліемъ въ Царьградъ, особливо, если принять, какъ мы то сдѣлали, что слова Наслава объ украшеніи евангелія металломъ и камнями относятся къ возвращенію его съ евангеліемъ изъ Царяграда въ Россію. Уже сказано, что Князь Мстиславъ хотѣлъ украсить обѣтный трудъ свой богатымъ окладомъ, а богаче оклада въ началѣ XII вѣка нельзя себѣ представить, какъ украшенный финифтями Цареградскаго дѣла. Повторяемъ, что страннымъ и на вѣки загадочнымъ останется для насъ послѣсловіе, если не принять со стороны Наслава упоминаній о финифтяхъ хотя въ такой формѣ, которая для насъ загадочна; что если лѣтописцы, имѣвшіе обширный кругъ излагавшихся ими событій, по сколько нибудь интересовавшіеся памятниками искусствъ, какъ, на пр., составители Ипатьевской лѣтописи, находили возможность, хотя вскользь, говорить о памятникахъ, украшенныхъ финифтями, даже о евангеліяхъ, какъ же могъ опустить изъ виду Наславъ, когда они были, по всѣмъ признакамъ, цѣлію его поѣздки и, слѣдовательно, главнымъ предметомъ рѣчи его послѣсловія, написаннаго въ память потомству по приказанію Князя? Изъ послѣсловія видно, какъ трудно вообще понимать древнихъ Русскихъ писателей о памятникахъ искусства, и особливо писателя XII вѣка, котораго рѣзкая грань болѣе осьмистолѣтней разности понятій и языка отдѣляетъ отъ пытливыхъ вопросовъ современной археологіи. Простыя и ясныя съ перваго взгляда строки Наслава, со вставкою одного, по видимому, незначительнаго, слова, пропитаны

въ сущности тою многозначительною краткостію древней рѣчи, которая съ трудомъ поддастся современнымъ толкованіямъ и вводитъ въ лабиринтъ разнаго рода предположеній, даже о существѣ дѣла, ради котораго вызваны эти строки.

Но какъ ни пояснять темныя мѣста послѣсловія, какой смыслъ ни придавать его загадочному способу изложенія, одно остается не подлежащимъ сомнѣнію — это то, что Наславъ описывалъ не тотъ окладъ Мстиславова евангелія, который предлежитъ нашему изученію, но другой, который былъ сдѣланъ первоначально; слѣдовательно, всѣ объясненія послѣсловія должны исключительно относиться къ этому послѣднему; для перваго они совершенно лишни и скорѣе затемняютъ вопросъ, чѣмъ разъясняютъ его.

Мы видѣли, какъ поверхностный взглядъ на послѣсловіе повелъ къ неправильному воззрѣнію на самый памятникъ, и потому важнѣйшимъ результатомъ, который мы вынесли изъ сравнительнаго изученія послѣсловія съ памятникомъ, считаемъ мѣру предосторожности, которою мы должны запасаться при опредѣленіи времени памятника, сопровождаемаго подобнаго рода послѣсловіями, или надписями, которымъ вѣрить на слово невозможно, не подвергнувъ критическому анализу самый памятникъ. Мы замѣтили, какъ мало разъясняется вопросъ о современномъ видѣ оклада путемъ изученія Наславовой приписки, и едва ли не вправѣ будемъ сказать, что почти такое же значеніе имѣетъ приписка и для опредѣленія древнѣйшей его формы. Намъ кажется, что самый памятникъ и здѣсь говоритъ больше самой приписки. Въ самомъ-дѣлѣ, и безъ посредства приписки, единственно лишь съ помощью свѣдѣній, вовсе не касающихся оклада, сообщенныхъ Алексою Лазаревымъ, мы бы могли знать, что окладъ этого евангелія, какъ вкладнаго Великокняжескаго памятника, долженъ быть украшенъ сообразно достоинству вкладчика, въ чемъ мы убѣждаемся сохранившимися слѣдами его древняго великолѣпія, лучшими, оставшимися отъ древности, финифтями, и окончательно удостовѣряемся припискою 1551 года, въ которой идетъ рѣчь только о обновленіи памятника. Такимъ образомъ и безъ Наслава мы бы могли знать, что окладъ украшенъ Мстиславомъ посредствомъ камней и металла, о подробностяхъ же украшенія мы не узнаемъ и отъ Наслава, между тѣмъ сохранившіеся остатки на окладѣ настоящемъ, ясно указываютъ намъ на нѣкоторыя недостающія части, съ которыми эти остатки должны

были нѣкогда составлять стройное цѣлое древняго оклада. Одного только никогда мы не могли бы знать безъ приписки Паслава— что евангеліе возили въ Царьградъ; но обстоятельство это до сихъ поръ представляется темною загадкой, которую рѣшить, хотя мы взяли на себя смѣлость, но которая все таки представляетъ еще много вопросовъ, и въ сущности не можетъ служить новымъ фактомъ въ исторіи искусствъ въ Россіи. Господство Византійскаго вліянія въ ремеслахъ и искусствахъ въ цѣлой Европѣ начала XII вѣка, равно какъ и превосходство Греческаго металлическаго дѣла, давно уже, какъ факты, признаны извѣстными авторитетами въ наукѣ.

Въ этомъ отношеніи для насъ важнѣе позднѣйшая приписка, помѣщенная въ началѣ Мстиславова евангелія: она, по крайней мѣрѣ, обозначаетъ прямо время и мѣсто, когда и гдѣ происходило обновленіе оклада, и именно тѣмъ служитъ къ утвержденію на прочной исторической основѣ фактовъ исторіи финифтянаго дѣла, противъ которыхъ уже успѣли высказаться торопливые на свои отрицательные выводы изслѣдователи. Приведемъ ее здѣсь сполна:

«По мати бжіи и пртои бци ѡбновлено бы сіє стоє еѵаліє к велико новѣградѣ стнаго храма пртыє бци стнаго єя и славнаго благовѣщенія на городищє, въ лѣ ҂з. но, іюля, повелѣніємъ благоутиваго цря и гдря велико кнѧзя ивана васильєвича всєя роусі, при пастве гдна прєосщєннаго сєрапіона, архієпкпа великаго новаграда и пскова.»

Въ своемъ мѣстѣ говорили мы о значеніи этой приписки для исторіи рукописи Мстиславова евангелія; намъ остается сказать здѣсь нѣсколько словъ о ея значеніи для археологіи памятника, для исторіи оклада. Не совсѣмъ легко рѣшить въ настоящую пору, въ чемъ собственно состояло дѣло обновленія евангелія, по причинѣ той же неопредѣленности и краткости древнихъ писателей, касавшихся памятниковъ искусства, которую мы равно встрѣчаемъ и у Паслава, и у этого приписчика; но, по видимому, мы вправѣ заключить: 1) что слова, обновлено бысть святое евангеліе, относятся исключительно къ его окладу; 2) что во время этого обновленія наложена тогда же приготовленная для оклада большая золотая запона, съ финифтями, обрамливающая середникъ съ образомъ Спасителя; наконецъ 3) что въ то же время весь окладъ получилъ настоящій свой видъ. Все это само собою ясно при первомъ воззрѣніи на памятникъ. Позднѣйшихъ передѣлокъ въ окладѣ, какъ видно, не было, и указанный въ припискѣ 1551 годъ есть послѣдній из-

вѣстный не только въ украшеніи оклада, но и въ исторіи всей рукописи, о которой мы съ того времени не имѣемъ ровно никакихъ письменныхъ указаній, не знаемъ даже, когда и какъ попала она изъ Новгородской Благовѣщенской церкви въ Московскій Архангельскій соборъ. Въ послѣднемъ отношеніи открывается новое поле предположеній, выводовъ.... Легко можетъ быть, что Мстиславово евангеліе прибыло въ Москву въ одно время съ Остромировымъ; а такъ какъ изъ вышеприведенной приписки видно, что первое еще въ 1551 году находилось въ Новгородѣ, то оба они могли явиться только въ позднѣйшій періодъ; когда же? Невольно останавливаешься на роковомъ для Новгородскихъ памятниковъ 1570 году.

Самое свѣдѣніе, сохранившееся въ припискѣ на этомъ евангеліи дошло до насъ случайно, благодаря, вѣроятно, лишь усердію духовнаго лица, состоявшаго на службѣ при церкви Благовѣщенія на Городищѣ, быть можетъ, священника, который, скрывая свою личность, записалъ на память потомству объ обновленіи оклада, въ подражаніе Наславу, записавшему о первоначальномъ свершеніи его. Не смотря, однако жъ, на свой случайный характеръ и на подражаніе древнѣйшему приписчику въ самой краткости и неопредѣленности изложенія, эта позднѣйшая приписка драгоцѣнна для исторіи искусствъ въ Россіи уже тѣмъ, что положительно опредѣляетъ мѣсто и время происхожденія памятника, сохранившагося и предстоящаго нашему изученію, кромѣ того она способствуетъ къ разъясненію древнѣйшей исторіи оклада, его современнаго состоянія въ обновленномъ видѣ и, что всего важнѣе, доказываетъ существованіе извѣстной степени развитія искусствъ по городамъ въ XVI столѣтіи, внѣ Московскаго средоточія. Приписка эта пріурочиваетъ именно 1551 году и Новгороду происхожденіе извѣстной золотой запоны, которая, въ свою очередь, по характеру изображенныхъ на ней финифтей, ихъ рисунку и работѣ, сопровождающимъ ихъ подписямъ, равно относится именно къ тому времени. На этой запонѣ наведены финифтью въ три цвѣта восемь отдѣльныхъ изображеній, которыя, по своему содержанію, служатъ дополненіемъ къ образу Спасову, утвореннóму мусіею и помѣщающемуся на отдѣльной золотой дощечкѣ среди той запоны. По внѣшнему краю также, какъ и по внутреннему, т. е., вокругъ изображенія Спасителя, запона обведена двойною синяго цвѣта финифтяною каймою, окружающей и поясныя изображенія четырехъ евангелистовъ. Вообще, служа по

содержанію своему дополненіемъ къ рисункамъ оклада, она въ то же время составляетъ непослѣднее его украшеніе, свидѣтельствующее въ пользу эпохи, къ которой отнесена приписка.

Въ Русской Археологической литературѣ за послѣднее десятилѣтіе водворилось много произвольныхъ мнѣній, которыхъ мы будемъ имѣть случай касаться въ своемъ мѣстѣ, при разборѣ другихъ памятниковъ; въ настоящее время на нашей обязанности лежитъ разъясненіе только тѣхъ изъ нихъ, которыя непосредственно относятся къ предмету изслѣдованія — окладу Мстиславова евангелія. Авторъ Историческаго обозрѣнія финифтянаго дѣла въ Россіи жалуется на совершенное отсутствіе письменныхъ свѣдѣній по исторіи его въ XVI столѣтіи, говоря, что «это столѣтіе представляетъ весьма значительный пробѣлъ въ исторіи нашихъ древнихъ художествъ.» [1] Мы имѣемъ право усомниться въ существованіи такого пробѣла, не только вообще въ исторіи художествъ въ Россіи, ссылаясь въ этомъ случаѣ, хотя и на лѣтописи, но даже въ исторіи финифтянаго дѣла въ Россіи, и согласимся съ авторомъ только въ такомъ случаѣ, если признать за недѣйствительныя подобнаго рода капитальныя свѣдѣнія, какъ приписка, свидѣтельствующая о поновленіи оклада Мстиславова евангелія и указывающая прямо на происхожденіе большой запоны съ финифтями въ половинѣ XVI столѣтія.

Разнаго рода неблагопріятныя обстоятельства, дѣйствительно не сохранили до нашего времени въ такой подробности свѣдѣній о различныхъ мастерствахъ XVI столѣтія, въ какой они дошли отъ XVII, и преимущественно въ рукописяхъ оружейной Палаты, столь знакомыхъ г. Забѣлину; но тѣмъ болѣе мы должны дорожить замѣчательными, хотя и отрывочными, указаніями лѣтописей, сохранившимися памятниками съ надписями и подобнаго рода приписками, проливающими свѣтъ на тѣ времена исторіи художествъ, которыя темны для насъ уже по тому, что менѣе другихъ обработаны. Такимъ образомъ недомолвки г. Забѣлина и его жалобу на скудость матеріяловъ мы относимъ, съ одной стороны, къ тому, что ему не были извѣстны ни эта приписка, ни другіе подобные матеріялы, съ другой, что онъ увлеченъ былъ обиліемъ письменныхъ матеріяловъ, архива, и самыхъ памятниковъ, исключительно музея Оружейной Палаты. Т ло также въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія по финифти онъ з мѣчаетъ, что Москва въ XVI и XVII столѣтіяхъ была средоточіемъ

[1] Стр. 10.

всей или, по крайней мѣрѣ, лучшей художественной дѣятельности, что другіе города Россіи того же времени, если что и производили, то все только посредственное; но предоставимъ высказаться самому автору: «Центромъ [1] лучшаго производства въ XVI и XVII столѣтіяхъ была Москва; на долю другихъ городовъ оставалось все посредственное и не слишкомъ значительное. Всѣ лучшіе мастера, гдѣ бы они не являлись, тотчасъ же брались къ Москвѣ, по Царскимъ указамъ. При томъ и въ посредственныхъ издѣліяхъ финифти, каковы мѣдные кресты, коробки, чернильницы и т. п., едва ли можно отыскивать слѣды вкуса, принадлежавшаго тому, или другому, городу. Вообще у насъ нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ, а слѣдовательно и основанія, указывать различіе финифтянаго дѣла по городамъ, потому что весьма мало имѣемъ свѣдѣній о городовомъ развитіи ремеслъ въ древнее время. Оттого мы и не указываемъ никакихъ другихъ городовъ, извѣстныхъ по финифтяному дѣлу, кромѣ Москвы и въ позднѣйшее время Ростова.» Оставимъ до времени въ сторонѣ тонкости вопросовъ о городовомъ развитіи художественныхъ ремеслъ въ Россіи, какъ, напримѣръ, о слѣдахъ вкуса или стиля, степени вліянія въ этомъ отношеніи одного города на другой и проч. Вопросы эти рѣшать пока еще не своевременно и не къ мѣсту. Притомъ они выходятъ изъ тѣсныхъ предѣловъ статьи, описывающей одинъ только памятникъ. Не злоупотребляя довѣрія читателей, мы считаемъ себя въ правѣ обратить ихъ вниманіе только на факты, состоящіе въ непосредственной связи съ описываемымъ памятникомъ. Такъ, приготовленіе въ XVI столѣтіи не въ Москвѣ, а въ Новгородѣ, той же золотой съ финифтями запоны видимо противорѣчитъ заключеніямъ г. Забѣлина, будто Москвою ограничивался кругъ дѣятельности финифтчиковъ того времени. Какъ нарочно мы не можемъ указать другаго лучшаго произведенія финифтей Московскаго дѣла, сохранившагося съ положительными указаніями отъ того же періода. Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Забѣлина, что Москва въ XVII столѣтіи была средоточіемъ всей нравственной дѣятельности, что заботы ея о централизаціи въ то время принесли плоды свои и въ отношеніи искусства; но мы убѣждены въ то же время, что въ XVI столѣтіи, и особливо въ первую его половину, были еще города, которые могли соперничать съ нею въ произведеніяхъ искусствъ. Тогда еще Москва не успѣла

[1] Стр. 57.

подавить все городовое развитіе ремесленныхъ художествъ, такъ же какъ не успѣла сманить и мастеровъ. Все это произошло, по свидѣтельству источниковъ, только въ XVII столѣтіи, и преимущественно въ царствованіе Алексѣя Михайловича. До того же времени мы не имѣемъ ясныхъ историческихъ свѣдѣній, свидѣтельствующихъ о превосходствѣ Московскихъ мастеровъ какого бы то ни было дѣла предъ мастерами другихъ городовъ, и особливо Новгорода, о которомъ и въ письменныхъ свидѣтельствахъ, и въ самыхъ памятникахъ, сохранились очевидныя доказательства, что еще въ XVI столѣтіи онъ соперничалъ съ Москвою, имѣлъ значительный перевѣсъ въ количествѣ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древности, и никакъ не уступалъ ей въ качествѣ вновь создававшихся. Видно Москвѣ, нѣсколько столѣтій хлопотавшей объ основаніи своего значенія, въ ущербъ другимъ Русскимъ городамъ, не такъ легко было подорвать внутреннія силы Новгорода, который съ древнѣйшихъ временъ находился въ торговыхъ сношеніяхъ съ образованными государствами, сначала съ Византіей, потомъ съ Нѣмцами, былъ передовымъ городомъ и факторомъ сношеній Европы съ Россіею, пользовался не только матеріальными выгодами этихъ сношеній, но и плодами успѣховъ цивилизаціи, вызывалъ заморскихъ мастеровъ, сооружалъ замѣчательнѣйшія памятники. Чтобы окончательно сокрушить его, вѣками скрѣпленное, могущество, недостаточна была даже катастрофа 1478 года; цѣлое столѣтіе послѣ нея онъ доживалъ еще своей старины и волей, пока Іоаннъ Грозный не разгромилъ его въ конецъ, истребилъ его гражданъ и разграбилъ памятники. XVI столѣтіе, и особливо его первая половина, многимъ чѣмъ разнится въ исторіи древнерусскаго искусства отъ XVII-го, и потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ стоять за одно съ послѣднимъ, ни даже въ вопросахъ о городовомъ развитіи художественныхъ ремеслъ.

Мы могли допустить, что весь окладъ Мстиславова Евангелія, за исключеніемъ его древнихъ эмалей, былъ приготовленъ во время обновленія его въ XVI вѣкѣ въ Новгородѣ, но навряд бы допустили подобнаго рода издѣліе въ томъ же городѣ въ XVII столѣтіи. Мы скоро соберемъ матеріялы для исторіи развитія художества по городамъ, если не будемъ пренебрегать подробными изслѣдованіями памятниковъ, надписями и приписками, свидѣтельствующими подобно нашей. По характеру свидѣтельства мы должны заключить, что финифтяное дѣло въ Новгородѣ въ XVI столѣтіи не составляло

большой важности, или, по крайней мѣрѣ, рѣдкости. О немъ въ припискѣ не только не упоминается вскользь, но даже разумѣется подъ общимъ именемъ обновленія. О подробностяхъ изображеній и о характерѣ самой финифти, являющихся на большой запонѣ этого оклада, какъ произведеніи Новгородскаго дѣла XVI столѣтія, мы скажемъ далѣе; замѣтимъ здѣсь только, что по способу производства финифть этой запоны принадлежитъ къ особому дѣлу, о которомъ мы ровно ничего не находимъ въ сочиненіи автора исторіи Русской финифти. Золотое гладкое основаніе покрыто самымъ тонкимъ слоемъ финифти. Три цвѣта: синій, голубой и зеленый служатъ для опредѣленія всего доличнаго, всего заключеннаго въ очеркъ, для обозначенія же тѣлесности, лица, рукъ и ногъ, общаго очертанія фигуръ и его подробностей, служитъ золотое основаніе, оставленное непокрытымъ финифтяною массою. Послѣднее напоминаетъ собою древнѣйшіе пріемы Византійскихъ мастеровъ, прилагавшихъ очеркъ золотыми пластинками, припаянными на ребро. Изъ числа восьми фигуръ, представленныхъ на запонѣ, только у двухъ шестокрылыхъ лица сохраняютъ цвѣтъ эмали тѣлесной. Русскія надписи съ прибавочными, по Новгородскому обычаю XVI столѣтія, Греческими агіосами и двойная каіима, окружающая запону и ея отдѣльныя изображенія, исполнены такою же тонкослойною финифтью синяго цвѣта. Не смотря на нѣкоторую условность въ положеніяхъ фигуръ и расположеніи складокъ одежды, общую всѣмъ памятникамъ иконописи того же времени, изображенія исполнены со вкусомъ, и свидѣтельствуютъ о значительной степени развитія Новогородскаго искусства въ XVI столѣтіи. Поверхность изображеній совершенно гладкая, вовсе не выдается сверхъ уровня основанія или дощечки, что, по видимому, доказываетъ, что финифтяная масса положена въ незначительныя углубленія, сдѣланныя для того въ основаніи. Не отыскивая напраснаго сходства въ способѣ этого производства финифти съ Западнымъ, гдѣ въ то время процвѣтало совершенно другаго рода производство, или рельефной эмали, или росписной, мы уясняемъ себѣ его туземное начало въ производствѣ, общемъ съ работою заливной черни, которою украшены въ Россіи многіе металлическіе памятники, дробницы со святыми изображеніями, накладки съ надписями на иконахъ, и другія произведенія преимущественно XVI-го же столѣтія. Но мы не пишемъ исторіи финифти, и потому до времени воздержимся отъ подробностей,

не касающихся непосредственно нашего памятника, оклада Мстиславова евангелія; будемъ довольны тѣми результатами, которые истекаютъ прямо изъ изученія этого памятника, именно, что XVI столѣтіе не составляетъ пробѣла въ исторіи Русскихъ художествъ, ни со стороны письменныхъ свѣдѣній, ни со стороны сохранившихся памятниковъ; что художественныя ремесла въ то время существовали по городамъ и не составляли исключительной монополіи Московскаго Государства. Результаты эти діаметрально противоположны тѣмъ, которые извлечены изъ изученія того же памятника авторомъ исторіи финифти въ Россіи. Какимъ же образомъ онъ подвергалъ изученію памятники? «Въ исчисленіи памятниковъ финифтянаго дѣла,» замѣчаетъ онъ, «мы особенно руководствовались тѣмъ, чтобы по возможности вѣрнѣе опредѣлить характеръ производства; потому всѣ исчисленные памятники мы имѣли случай обозрѣвать лично, и только нѣкоторые, впрочемъ, немногіе, отнесли къ тому или другому производству, основываясь на рисункахъ, снятыхъ, большею частію, въ высшей степени вѣрно и до подробностей точно, на пр., въ Древн. Рос. Гос.» По видимому, ничего больше не оставалось желать: за вѣрность опредѣленія памятниковъ ручался планъ, принятый для того въ руководство авторомъ исторіи финифти, а за точность выводовъ ручалась извѣстная ученость, добросовѣстность того же автора. Онъ долженъ былъ подвергнуть тщательному личному наблюденію каждый памятникъ, и только въ крайнихъ случаяхъ основываться на рисункахъ. Но, съ одной стороны, рисунки въ Древностяхъ Россійскаго Государства не отличаются археологической точностью, съ другой, авторъ не всегда оставался вѣренъ принятому имъ плану. Описаніе этого оклада и, какъ увидимъ въ послѣдствіи, другихъ, не менѣе замѣчательныхъ и также легко доступныхъ, памятниковъ, исполнено имъ не съ памятниковъ, а съ рисунковъ. Мы бы не рѣшились выставить всего этого на видъ и въ укоръ уважаемому нами собрату по наукѣ, если бы не требовала того еще болѣе уважаемая нами польза науки. При существующей у насъ довѣрчивости ко всему печатному, не вполнѣ знакомый съ дѣломъ легко могъ впасть въ заблужденіе, полагаясь на сдѣланныя ошибочно опредѣленія памятниковъ; наше дѣло предупредить это и посовѣтовать обращаться къ первоначальнымъ источникамъ, не слишкомъ довѣряясь описаніямъ. То же слѣдуетъ замѣтить и о рисункахъ Древностей Россійскаго Государства. Не смотря на все великолѣпіе

этого изданія, на все огромное его значеніе для распространенія знакомства съ памятниками древности вообще, оно далеко не удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ науки, можетъ быть полезно для диллетантовъ, но не для ученыхъ; описывать съ его рисунковъ памятники такой же рискъ, какъ и основывать ихъ оцѣнку на неточныхъ описаніяхъ Русскихъ Древностей. Главнѣйшія невыгоды отъ такихъ неточныхъ описаній и невѣрныхъ опредѣленій памятниковъ — это совершенно невѣрные результаты, отъ нихъ происходящіе. Слѣды подобнаго рода невыгодъ особенно ощутительны въ сочиненіяхъ, имѣющихъ цѣлію исторію отдѣльныхъ производствъ. Здѣсь наскоро собранные и невѣрно опредѣленные памятники влекутъ за собою цѣлый рядъ неточныхъ выводовъ. Такъ мы уже видѣли неосновательность отрицательныхъ выводовъ, къ которымъ пришелъ авторъ историческаго обозрѣнія финифтянаго дѣла въ Россіи, не замѣтивъ приписки о поновленіи оклада Мстиславова Евангелія и не подвергнувъ внимательному изученію описаннаго имъ памятника; теперь разсмотримъ степень точности его положительнаго вывода, сдѣланнаго на тѣхъ же основаніяхъ. Мы приняли двѣ формы Мстиславова оклада, непосредственно основанныя на письменныхъ свидѣтельствахъ и изученіи самаго памятника: одну первоначальную, которую имѣемъ болѣе права отнести къ 1125 году, чѣмъ наши предшественники относили къ этому году написаніе рукописи Евангелія, другую позднѣйшую, 1551 года, сохранившуюся до нашего времени. Прежніе описатели оклада относили, какъ извѣстно, эту послѣднюю форму по происхожденію къ 1125 году, исключительно увлекаясь древнѣйшею припискою Наслава и оставляя безъ всякаго вниманія характеръ произведенія и позднѣйшую приписку, свидѣтельствующую о обновленіи оклада. Отъ невѣрности основанія произошли въ послѣднемъ случаѣ невѣрныя слѣдствія. Принимая безусловно окладъ за Византійское произведеніе XII столѣтія и найдя въ скапномъ разводѣ его финифтяныя украшенія, г. Забѣлинъ приходитъ къ заключенію, что это былъ у Византійцевъ общеупотребительный способъ украшенія. «Способъ налагать финифть по скапному разводу едва ли не заимствованъ еще у Византійскаго производства, по крайней мѣрѣ онъ встрѣчается на окладѣ Мстиславова Евангелія.» [1] Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ объ этомъ нѣсколько положительнѣе: «Кромѣ того, въ Византійскомъ производствѣ для финиф-

[1] Стр. 17.

тяныхъ украшеній употреблялся и сканной разводъ, какой видимъ, напримѣръ, на окладѣ Мстиславова Евангелія.» [1] Если бы и было такого рода украшеніе на разсматриваемомъ нами памятникѣ, то мы бы были готовы отнести его, вмѣстѣ съ окладомъ, скорѣе къ XVI, нежели къ XII столѣтію, потому что вышеизложенныя причины заставили насъ сомнѣваться въ происхожденіи этой скани со времени основанія Евангелія; но мы не нашли, при самомъ внимательномъ осмотрѣ памятника, никакихъ слѣдовъ Византійскій финифти среди сканной орнаментики этого оклада. Четыре съ крестами и розетками кружечка по сторонамъ большой заполы середника, также какъ и ренейчатое углубленіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скани, сохранили дѣйствительно слѣды разцвѣченія, но они напоминаютъ скорѣе остатки отъ густыхъ яичныхъ красокъ, чѣмъ финифтяные составы. Это какая-то цвѣтная подслойка, сохранившаяся только на днѣ углубленій и не имѣющая ровно ничего, общаго съ способомъ производства древней финифти Византійской, которая, какъ извѣстно, въ случаѣ поврежденія, выпадала цѣлыми частями, не оставляя на днѣ металла никакихъ признаковъ цвѣта. Мы, конечно, не можемъ еще подвергнуть эти остатки химическому анализу, путемъ котораго вопросъ рѣшился бы окончательно; но даже и по очевиднымъ основаніямъ должны отнести ихъ не къ древне-Византійскому производству XII столѣтія, а къ Русскому XVI. Нѣсколько подобныя углубленія сохранились на древнѣйшемъ памятникѣ Византійской скани, Мономаховой шапкѣ Оружейной Палаты, въ травныхъ украшеніяхъ и ренейкахъ среди завитковъ Византійской скани; но чѣмъ они были наполнены — это рѣшить въ настоящее время трудно; можетъ быть даже, что это былъ только своеобразный способъ украшенія скани, употреблявшійся для того, чтобы нѣкоторые изъ орнаментовъ ярче представить, если при чисткѣ этого памятника въ старые годы не изгладились слѣды разцвѣченія. Все это, впрочемъ, только вопросы, которые рѣшить остатками красокъ на окладѣ Мстиславова евангелія невозможно, потому что работа скани послѣдняго памятника позднѣйшая. Сохранившіеся цвѣта въ орнаментахъ оклада густые, непрозрачные: синій, красный, кирпичный, сизый.

Чтобы заключить нашъ разборъ приписки евангелія, разсмотримъ еще слѣдующее выраженіе: «повелѣніемъ благочестиваго ц. и г. в. кн. Вв. Вас. всеа руси, при паствѣ господина преосвя-

[1] Стр. 27. См. то же при описаніи оклада, приведенномъ выше.

щеннаго Серапіона, Архіепископа Новагорода и Пскова.» Обыкновенная формула, опредѣляющая время созданія памятника обозначеніемъ Государя, была, какъ извѣстно, при державѣ, также какъ и Епископа, при паствѣ; слово же повелѣніе указываетъ, по видимому, на личное участіе Царя Іоанна Васильевича въ обновленіи памятника. Но едва ли Царь принималъ такое участіе, хотя церковь, въ которой хранилось евангеліе, находилась въ опредѣленной зависимости отъ Московскихъ Государей, и хотя самъ Іоаннъ Васильевичъ, въ бытность свою въ Новгородѣ, могъ посѣтить и церковь, увидѣть это евангеліе и приказать возобновить его. Не смотря однако жъ, на все это, на памятникахъ и въ лѣтописяхъ того времени, на ряду съ выраженіемъ при державѣ еще чаще встрѣчается повелѣніемъ, такъ что оба эти выраженія можемъ принять за тождественныя и равносильныя выраженію при паствѣ Серапіона. Этотъ Серапіонъ, по прозванію Курцовъ, будучи поставленъ въ Архіепископы Новагорода и Пскова изъ игуменовъ Троицко-Сергіева монастыря, въ томъ же 1551 году, 14 Іюня, прибылъ въ Новгородъ уже 23 Августа, слѣдов., уже послѣ обновленія евангелія, происходившаго въ Іюлѣ, а чрезъ годъ и два мѣсяца преставился отъ моровaго повѣтрія.

Выше замѣтили мы, какъ трудно рѣшить окончательно, за недостаткомъ точныхъ опредѣленій послѣсловія, въ чемъ собственно состояло дѣло обновленія оклада въ 1551 году, и ограничили предположенія свои очевидными свидѣтельствами, сохранившимися на самомъ памятникѣ, признаками работы, подходящей къ періоду обновленія. Тѣмъ не менѣе неопредѣленность выраженія: обновлено бысть святое евангеліе, можетъ служить обширнымъ полемъ для предположеній и соображеній, истекающихъ непосредственно изъ оставшихся слѣдовъ сохранившагося памятника.

Понятіе обновленія обусловливаетъ, предполагаетъ понятіе обветшанія. Въ самомъ дѣлѣ, за періодъ времени, продолжавшійся болѣе четырехъ съ половиною столѣтій, памятникъ могъ состарѣться. При извѣстныхъ условіяхъ невыгоды, которымъ подвергалась большая часть богатѣйшихъ памятниковъ древности въ самыхъ церквахъ Новгорода, нерѣдко тревожимаго пожарами, внутренними и внѣшними расхищеніями и всякаго рода неурядицей, можно легко допустить, что памятникъ потребовалъ обновленія и гораздо ранѣе извѣстнаго намъ срока. Легко можетъ быть, что между 1125 и 1551

годами онъ обновлялся и не одинъ разъ, хотя свѣдѣнія сохранились только о послѣднемъ его обновленіи. Въ пользу этого сильно свидѣтельствуетъ, въ свою очередь, сборный характеръ его разновременныхъ финифтей, совпадающій, быть можетъ, съ различными періодами такого рода обновленій; далѣе порядокъ размѣщенія финифтей, въ которомъ позднѣйшія занимаютъ главнѣйшія мѣста, древнѣйшія же употребляются для дополненія и украшенія позднѣйшихъ; наконецъ самый способъ укрѣпленія финифтей, который, вмѣстѣ съ прерывающимися орнаментами скани, указываетъ готовое основаніе, на которое въ послѣдствіи времени наложены, можетъ даже разновременно, различныя финифтяныя дощечки.

Изъ всего этого раждается новое предположеніе, что въ ближайшій къ совершенію перваго оклада періодъ были уже затеряны, или повреждены, первоначально наложенныя эмали, такъ что цѣлое терѣло свое значеніе; они могли быть замѣнены позднѣйшими современными тому случаю эмалями, которыя, составляя собою цѣлую коллекцію, помѣщены на главнѣйшее мѣсто, оставшееся отъ утраченныхъ, или поврежденныхъ, эмалей незанятымъ. Такой порядокъ размѣщенія могъ удержаться и при послѣдующемъ обновленіи оклада, когда приготовлена вновь для оклада, или взята съ другаго памятника, серебряная скапная доска.

Мы имѣемъ нѣкоторыя причины отнести одно изъ подобныхъ обновленій Мстиславова евангелія къ XIII столѣтію. Изображенія св. мучениковъ получили мѣсто на окладахъ евангелій, по видимому, въ это время; по крайней мѣрѣ въ лѣтописяхъ нашихъ сохранились на то положительныя свидѣтельства; между тѣмъ по работѣ, изображенія св. мучениковъ на окладѣ Мстиславова евангелія, вмѣстѣ съ изображеніемъ Спасителя, какъ увидимъ въ послѣдствіи, относятся именно къ періоду, легко допускающему помѣщеніе этихъ финифтей: потому что они приготовлены ранѣе, по видимому, даже цѣлымъ столѣтіемъ и занесены, какъ мы знаемъ, изъ другаго памятника. На окладѣ же они занимаютъ главнѣйшія, первыя мѣста. Вокругъ Спасителя группируются древнѣйшія и позднѣйшія изображенія. Такъ вверху его древнѣйшее изображеніе «Престола Господня», не встрѣчаясь самостоятельно, употреблено здѣсь въ отношеніи къ позднѣйшему изображенію Спасителя; то же, только въ обратномъ отношеніи позднѣйшихъ изображеній къ древнѣйшему, слѣдуетъ замѣтить о фигурахъ силъ небесныхъ, евангелистовъ, и проч.

Какъ бы то ни было, мы считаемъ самымъ удобнымъ разсматривать подробности отдѣльныхъ коллекцій финифтей этого оклада именно въ такомъ порядкѣ, какъ будто бы памятникъ украшался ими разновременно, и будемъ разбирать ихъ въ подробностяхъ не по старшинству времени, а по старшинству занимаемаго ими мѣста на окладѣ Мстиславова евангелія. Мы имѣемъ право поступить такъ уже по тому, что ни въ одномъ послѣсловіи не находимъ прямыхъ указаній на какія нибудь изъ этихъ финифтей, какъ существующія на первоначальномъ окладѣ. Не имѣя такимъ образомъ положительныхъ свидѣтельствъ на то, какія изъ нихъ заняли первыя мѣста на окладѣ, даже первоначальномъ, мы имѣемъ полное право дать мѣсто предположенію, лишь бы оно основывалось на достовѣрности, соотвѣтствовало времени сооруженія финифтей. Такимъ образомъ относительная важность мѣста, занимаемаго финифтями на окладѣ, полнота состава или сюжетовъ отдѣльныхъ собраній, наконецъ самое отношеніе этихъ произведеній къ содержанію рукописи, все это должны мы принять въ соображеніе при разборѣ финифтей. Къ другаго рода основаніямъ прибѣгать мы не будемъ. Относительное старшинство надписей, ихъ характеръ, вообще чисто палеографическія данныя здѣсь мало принесутъ пользы, также какъ мало помогутъ и самыя тщательныя наблюденія надъ характеромъ финифтей, безъ отношенія ихъ къ рисунку и содержанію рукописи; потому что когда памятникъ украшается не съ разу современными его сооруженію украшеніями, то не всегда древнѣйшее изъ нихъ занимаетъ первое мѣсто, а позднѣйшее въ послѣдствіи, весьма часто въ такихъ случаяхъ происходитъ на оборотъ: сначала ставится позднѣйшее или ближайшее къ современному украшенію, потомъ прибавляется къ нему древнѣйшее и проч. Примѣры подобные нерѣдки, и надо имѣть большой навыкъ, чтобъ иногда не впасть въ заблужденіе, при опредѣленіи времени памятника и его украшеній, если они несовременны другъ другу.

Принимая въ соображеніе все вышесказанное, мы, по видимому, не сдѣлаемъ большой ошибки, если, оставивъ до времени въ сторонѣ древнѣйшія эмали оклада, отнесемъ къ числу первыхъ его украшеній тѣ изъ нихъ, которыя по характеру рисунка ближе подходятъ ко времени приготовленія оклада. Изъ трехъ главныхъ видовъ финифтей правильнѣе будетъ отнести сюда шесть финифтей кивотцами. Извѣстно, что простѣйшій и вмѣстѣ древнѣйшій спо-

собъ украшеній металлическихъ окладовъ евангелій, посредствомъ накладныхъ изображеній, состоялъ въ помѣщеніи середника и четырехъ паугольниковъ. На тѣхъ же мѣстахъ мы находимъ и эти финифти. При наложеніи ихъ здѣсь на пять мѣстъ, одна финифть, оказавшаяся лишнею, помѣщена подъ серединкомъ и между двумя нижними паугольниками. Сличая всѣ шесть финифтей между собою, мы находимъ ихъ совершенно одинаковыми по общей формѣ золотыхъ дощечекъ, на которыхъ исполнены, по общему характеру рисунка и самыхъ красокъ, наконецъ по мелчайшимъ подробностямъ того положенія, въ которомъ дощечки предстоятъ нашему изученію.

Мы уже видѣли прежде, что всѣ вообще, находящіяся на окладѣ финифти, не были первоначально приготовлены для того же оклада, а занесены сюда изъ другихъ памятниковъ; ни въ одномъ изъ видовъ финифтей это такъ не замѣтно, какъ въ этомъ. Кромѣ замѣченнаго нами, прежде случайнаго, способа прибоя, съ незакрытыми, весьма неудачно-сдѣланными, обрѣзами, на это указываетъ отчасти самая форма дощечекъ, совершенно неудобная для помѣщенія изображеній, особливо по угламъ оклада.

Пятиугольники съ острыми верхними углами на четыреугольномъ окладѣ образуютъ совершенно лишнія и вовсе некрасивыя отрѣзки, происходящія отъ пересѣченія линій оклада съ линіями при острыхъ углахъ дощечекъ. Въ старину понимали это неудобство и старались избѣгать его; потому въ древнѣйшихъ памятникахъ, въ которыхъ подобнаго рода накладныя изображенія помѣщались одновременно съ приготовленіемъ окладовъ, паугольники имѣютъ обыкновенно форму четыреугольную, которой двѣ линіи параллельны съ линіями при углахъ оклада. Накладные же паугольники съ острыми вершинами весьма рѣдки, скорѣе составляютъ собою исключеніе и встрѣчаются только на позднѣйшихъ памятникахъ. Происхожденіе ихъ едва ли не вызывалось исключительною необходимостью пристроить готовыя и прежде существовавшія изображенія по новымъ окладамъ, или неумѣстнымъ подражаніемъ памятнику, получившему начало въ слѣдствіе той необходимости. Разумнаго и эстетическаго начала въ этомъ видѣть не рѣшаемся. Изъ извѣстныхъ намъ Русскихъ окладовъ, мы можемъ указать только на одинъ памятникъ въ этомъ родѣ — это окладъ, принадлежащій Троицко-Сергіевой Лаврѣ, окованный въ 1393 году бояриномъ Ѳедоромъ Андреевичемъ. Накладныя финифти его имѣютъ также видъ кивот-

цевъ съ городками, и потому сверху они заострены: но окладъ этотъ, по видимому, то же сборный, составной.

Наконецъ, всматриваясь однажды въ подробности шести дощечекъ кивотцами, мы увидѣли кругомъ ихъ, по краямъ, едва замѣтныя для невооруженнаго глаза проколотыя скважины, которыхъ мы насчитали кругомъ нѣкоторыхъ до двѣнадцати; они сдѣланы въ одинаковомъ одна отъ другой разстояніи. Открытіе это убѣдило насъ окончательно въ переносномъ характерѣ шести финифтей и сборномъ всего памятника; кромѣ того оно навело насъ на мысль относительно первоначальнаго помѣщенія шести финифтей. Замѣченныя нами скважины, конечно, не что другое, какъ отверстія для шва, посредствомъ котораго дощечки прикрѣплялись къ какой нибудь матеріи. Послѣднее не подлежитъ сомнѣнію, потому что оправдывается примѣрами на многихъ подобнаго рода памятникахъ. Трудно только рѣшить, куда именно были пришиты наши финифти, и къ какому употребленію служили до появленія на окладѣ Мстиславова евангелія; но мы позволимъ себѣ въ этомъ случаѣ догадку, которая въ основѣ своей имѣетъ много вѣрнаго и можетъ быть окончательно оправдана временемъ. Онѣ были пашиты на матерію, выкроенную для оплечья и служили святыми бармами, діадимами, какъ называются они въ описяхъ Царской казны XVI и XVII вѣка. До сихъ поръ извѣстно, что пашивныя святыя изображенія на бармахъ имѣли двѣ господствующія формы, одну круглую, другую, совершенно подобную нашимъ финифтямъ, называемую въ древнихъ описяхъ кивотцемъ. Та и другая форма существовали рядомъ, одновременно на древнѣйшихъ памятникахъ и оттуда перешли на памятники XVII вѣка Кромѣ скважинъ въ дощечкахъ, общей формы ихъ, въ пользу нашей догадки говорятъ даже сдѣланныя кругомъ дощечекъ, по краямъ выгибы, образующіе поверхность дощечекъ нѣсколько возвышенною, а всѣ края скатными; наконецъ самое отсутствіе надписей, которое обусловливалось особенностью назначенія святыхъ изображеній на бармахъ. Извѣстно, что на всѣхъ памятникахъ, служившихъ въ древнее и новѣйшее время для поклоненія, не смотря на крайнюю иногда ограниченность мѣста, изображенія святыхъ сопутствуются надписями, которыя были необходимы для изображеній, изготовлявшихся въ большомъ количествѣ и для всеобщаго потребленія. Напротивъ того бармы, служа знакомъ отличія Царскаго достоинства, изготовлялись въ единствен-

ныхъ экземплярахъ и потому не было существенной нужды обозначать предметы ихъ изображеній. Носившій, и безъ помощи надписи, долженъ былъ знать, какіе святые изображены на его бармахъ. Такимъ образомъ мы не встрѣчаемъ надписей на изображеніяхъ Рязанскихъ бармъ, Суздальскихъ [1] и на шитыхъ бармахъ XVII столѣтія. Что касается до предметовъ изображеній на бармахъ, то они, по видимому, не обходились безъ изображенія Спасителя или, какъ говорятъ письменныя свидѣтельства, Спасова образа; кромѣ того, всегда по содержанію имѣли отношеніе къ общей идеи Государя, или къ частной личности того Государя, который носилъ ихъ, о чемъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ, въ особомъ изслѣдованіи о бармахъ. Въ числѣ святыхъ, изображенныхъ на шести разсматриваемыхъ нами финифтяхъ, мы дѣйствительно находимъ намекъ въ подтвержденіе вышесказаннаго въ образѣ двухъ святыхъ князей; прочія три изображенія могутъ быть святые, по выраженію древнихъ, тезоименитые того Государя, который носилъ бармы, и его семейства. Если бы мы знали, кто именно изображенъ на этихъ бармахъ, то это бы много способствовало къ окончательному разъясненію вопроса; но мы увидимъ въ послѣдствіи, какъ трудно браться за опредѣленіе ихъ, при недостаткѣ на финифтяхъ надписей. Чтобы заключить здѣсь наши предположенія объ этихъ шести финифтяхъ, какъ образахъ древнимъ бармъ, мы не лишнимъ считаемъ дополнить описаніе ихъ сдѣланнымъ нами при изученіи бармъ замѣчаніемъ. Постояннымъ числомъ запонъ съ изображеніями было на бармахъ, по видимому, шесть и восемь Такимъ образомъ или они сохранились сполна, или недостающія двѣ запоны могли быть съ изображеніями двухъ боковыхъ лицъ изъ Деисуса, Богоматери и Предтечи. Отверстія, которыми бармы пришивались къ матеріи, закрывались или жемчужною обнизью, или сканными украшеніями. Если предположеніе объ этихъ финифтяхъ справедливо, то мы получили нѣсколько новыхъ украшеній древнихъ одеждъ нашихъ Государей, образцовъ, замѣчательнѣйшихъ для разъясненія довольно темныхъ вопросовъ о бармахъ, и для многихъ соображеній, на которыя они должны, со временемъ, навести археолога.

---

[1] Оба памятника названы такъ по мѣсту открытія ихъ и находятся въ Московской Оружейной Палатѣ.

Мы имѣемъ право уже по тому назвать эти шесть финифтей первыми, явившимися на окладѣ, что они занимаютъ здѣсь важнѣйшія мѣста, именно, тѣ самыя, которыя, по существовавшимъ издавна понятіямъ, прежде всего должны были замѣститься; но кромѣ того, и по характеру ихъ исполненія, они ближе другихъ относятся ко времени написанія евангелія и приготовленія оклада. Будучи исполнены позднѣе всѣхъ прочихъ коллекціи финифтей этого оклада, кромѣ большой запоны, окружающей серединкъ, и далеко уступая имъ въ работѣ, онѣ на окладѣ заняли мѣста ранѣе всѣхъ, и потому прежде должны быть нами разсмотрѣны. [1]

Намъ уже извѣстно, въ какомъ порядкѣ размѣщены эти финифти по окладу. Среди оклада, на финифти, окруженной позднѣйшей работы запоною, изображенъ Спаситель, внизу отъ него, надъ линіею оклада, мученикъ, тутъ же, по сторонамъ послѣдняго, въ нижнихъ углахъ оклада, два князя мученика, наконецъ, въ соотвѣтствіе послѣднимъ, на двухъ верхнихъ углахъ оклада, еще два святыхъ мученика. Всѣ шесть изображеній исполнены финифтью на одинаковой величинѣ золотыхъ пятиугольныхъ дощечкахъ (1 вершка вышиною и $^6/_8$ вершка шириною). Фигуры всѣ прямолинѣйныя, поясныя, съ вѣнцами вокругъ главы, съ положенными возлѣ груди руками. Спаситель одною благословляетъ, въ другой держитъ закрытый свитокъ, остальныя въ правой рукѣ держатъ Греческій четырехконечный крестъ. Одежда на Спасителѣ, обыкновенно принадлежащая иконному типу Спасова образа, состоитъ изъ исподней ризы и верхняго хитона, закрывающаго малую часть праваго плеча и всю лѣвую сторону, на двухъ князьяхъ, кромѣ исподи, накинуты богатыя, застегнутыя ниже шеи запонами, княжескія поволоки, а на головахъ княжескія шапки съ мѣховою опушью, на трехъ святыхъ мученикахъ такимъ же образомъ застегнутыя, мученическія ризы или приволоки, изъ подъ коихъ видно исподи еще среднее облаченіе, [2] украшенное запонами, которыхъ у одного святаго здѣсь

---

[1] Мы просимъ желающихъ слѣдить за описаніемъ въ подробности, имѣть въ виду самый подлинникъ, ни какъ не рисунокъ, приложенный къ Древн. Рос. госуд., который неудачно выполненъ и во многихъ мѣстахъ даже невѣренъ, въ чемъ легко могутъ удостовѣриться сличающіе его съ нашимъ описаніемъ.

[2] Подобнаго рода облаченія святыхъ въ три ризы встрѣчаются на древнѣйшихъ памятникахъ не такъ часто. Изъ извѣстныхъ намъ Византійскихъ инкрустиро-

недостаетъ вовсе. Всѣ эти, по видимому, лишнія, утомительныя подробности весьма важны въ археологіи иконописи. Не слѣдуетъ забывать, что въ то время, когда были исполнены эти финифти, символизмъ сильно господствовалъ въ церковномъ искусствѣ и на священныхъ памятникахъ не допускалось ни одной черты случайной, напрасной, не имѣвшей особаго значенія. Продолжая сличать изображенія между собою, мы замѣчаемъ различія въ самомъ цвѣтѣ вѣнцовъ. Отъ темно-синяго вокругъ головы князей онъ переходитъ въ свѣтлоголубой у двухъ мучениковъ, въ самый свѣтлый съ чинами у Спасителя, и наконецъ отдѣляется въ зеленый у одного мученика, именно у того, который на средней одеждѣ не имѣетъ запонъ.

ванныхъ эмалей мы можемъ указать на прекрасный ковчегъ для св. мощей въ Лимбургѣ; его обыкновенно относятъ къ X столѣтію, но основательнѣе будетъ отнести къ XI, или даже XII. Въ числѣ шести поясныхъ святыхъ изображеній на золотыхъ квадратныхъ дощечкахъ съ надписями, кромѣ трехъ святителей, Василія Великаго, Іоанна Златоустаго и Николая Чудотворца, съ обычными принадлежностями святителей, мы находимъ здѣсь трехъ мучениковъ, Ѳеодора, Георгія и Евстаѳія. Облаченія послѣднихъ вполнѣ соотвѣтствуютъ изображеннымъ на трехъ мученикахъ трехъ пятиугольныхъ дощечекъ оклада Мстиславова. Но, къ сожалѣнію, памятникъ этотъ извѣстенъ намъ еще только по рисункамъ, помѣщеннымъ въ Лѣтописяхъ Дидрона за 1858 годъ, а изображенія его здѣсь не воспроизведены красками, да и въ текстѣ мы не нашли весьма важныхъ для насъ подробныхъ указаній. Сколько можно видѣть изъ рисунковъ, паволоки всѣхъ трехъ мучениковъ, закрывая лѣвое плечо, застегнуты запоною у праваго, точно также какъ въ нашихъ изображеніяхъ. Только въ половину видная кисть правой руки покоится съ четырекопечнымъ крестомъ на особомъ среднемъ облаченіи; паволоки отстранены здѣсь, по видимому, съ цѣлію больше выказать крестъ, нижняя одежда видна у праваго плеча. Изъ позднѣйшихъ изображеній тѣхъ же святыхъ и съ тѣми же принадлежностями припомнимъ двѣ небольшія яшмы, принадлежащія Патріаршей ризницѣ: одна овальная, другая аркой; на одной вырѣзанъ выпукло св. Великомученикъ Георгій, на другой, съ обѣихъ сторонъ: св. Ѳеодоръ и Пятница, Архангелъ Михаилъ и Николай Чудотворецъ. Св. мученики: Георгій и Ѳеодоръ представлены здѣсь стоящими въ видѣ воиновъ съ бранными доспѣхами, у обоихъ въ правой рукѣ копье, въ лѣвой копическій щитъ. Святый Ѳеодоръ стоитъ подъ аркой, прямолично и рядомъ съ св. Параскевой. Паволока закинута съ обоихъ плечъ назадъ, и объ руки запяты оружіемъ. Подъ паволокою видны двѣ одежды, объ перехвачены поясомъ, нижняя одежда длиннѣе, средняя по колѣна. Судя по характеру рѣзьбы, рисунку и сопровождающимъ изображенія подписямъ, памятникъ этотъ Русской работы не древнѣе XV столѣтія. Святый Георгій, изображенный на овальной яшмѣ, относится къ Греческимъ изображеніямъ и видимо древнѣе перваго.

Изъ числа прочихъ двухъ святыхъ мучениковъ у одного подобныхъ запонъ три, у другаго шесть. Три раздѣленія вѣнца Спасителя обозначены бѣлымъ полемъ съ красными каймами и такими же точками. Окружающія вѣнцы всѣхъ каймы краснаго же цвѣта, также какъ и каймы нарукавьевъ, каймы же верхнихъ приволокъ бѣлаго цвѣта. Всѣ святые изображены прямолично, но глазамъ ихъ даны повороты различные. Волосы, брови, зрачки у всѣхъ сдѣланы черною финифтью, губы красною, носъ и глаза, кромѣ зрачковъ, золотыми очерками. Цвѣтъ тѣла свѣтло-розовый, но густой. Замѣчательно, что усовъ и бороды нѣтъ ни у одного изображенія этой коллекціи, признакомъ же возраста служитъ особый знакъ, который намъ не удавалось еще встрѣтить на другихъ памятникахъ. Для обозначенія средняго возраста съ небольшою бородою и усами проходитъ ниже горла золотой изгибъ, быть можетъ, грудной ключицы, котораго мы не встрѣчаемъ на лицахъ юнаго возраста. Такого рода изгибъ находимъ мы только у трехъ изображеній, и именно у тѣхъ, которыя, какъ увидимъ, по правиламъ иконографіи должны быть именно съ небольшими бородами.

Исподняя риза на Спасителѣ свѣтлозеленаго цвѣта, верхняя темносиняго, нарукавья желтыя, свитокъ въ лѣвой рукѣ бѣлый, глаза обращены влѣво. Лицо кругловато и подходитъ отчасти къ древнему типу Спаса Эммануила. Головные волосы, скускаясь пря-

---

Въ сохранившихся руководствахъ древней Русской иконописи положено различіе святыхъ изображеній, между прочимъ, и по количеству ризъ. Подлинники называютъ даже однихъ святыхъ *одноризными*, другихъ *двоеризными*, наконецъ третьихъ *троеризными*. До сихъ поръ еще не обращали на этотъ предметъ вниманія, и потому мы позволимъ себѣ о немъ нѣкоторыя замѣчанія. Изъ трехъ упомянутыхъ разрядовъ самое большое число святыхъ, какъ видно и изъ подлинниковъ, и изъ сохранившихся памятниковъ, двоеризныхъ, меньшая доля одноризныхъ, наконецъ на долю троеризныхъ выпадаетъ самая малая часть: ихъ не наберется между всѣми и сорока. Большая часть изъ нихъ упадаетъ на мучениковъ и врачей безсребренниковъ, каковы: Сергій и Вакхъ, Косма и Даміанъ, Гурій, Самонъ и Авивъ, Пантелеимонъ, Мина, Флоръ и Лавръ. Въ нѣкоторыхъ редакціяхъ подлинниковъ ни Георгія, ни Ѳеодора не находимъ въ числѣ троеризныхъ. Любопытно бы было прослѣдить исторію этого вопроса въ подробностяхъ и разъяснить значеніе количества ризъ на святыхъ, основанное, вѣроятно, на исторіи облаченій и на отношеніи святыхъ къ извѣстнымъ сословіямъ. Но объ этомъ говорить здѣсь не мѣсто; замѣтимъ только, что нерѣдко подлинники въ разладѣ съ древнѣйшими изображеніями святыхъ.

дями и, не доходя до плечъ, заложены за уши и изъ за нихъ представляютъ косицы съ двумя на каждой сторонѣ кудрями. Вмѣсто бороды подъ горломъ находимъ упомянутый изгибъ самаго большаго размѣра. Внизу отъ Спасителя, на другомъ пятиугольникѣ, изображенъ св. мученикъ съ вѣнцомъ цвѣта, подходящаго къ Спасителеву, исподь на немъ темносиняя, верхняя риза — приволока, красная съ бѣлою каймою, средняя, на которой онъ держитъ краснаго цвѣта крестъ, зеленая, съ шестью красными запонами, нарукавья свѣтло-голубыя съ красною каймою. Лицо больше продолговато, чѣмъ кругло, большія выкатившіяся очи смотрятъ прямо, бровь густая, волосы курчавые съ двумя отдѣлившимися на лбу кудрями. Типъ лица рѣзкій, золотой изгибъ ниже горла средней величины.

Въ верхнемъ лѣвомъ углѣ оклада изображенъ св. мученикъ съ вѣнцомъ того же цвѣта: лицо его продолговато, но не столько какъ предыдущаго, носъ длинный прямой, глаза обращены направо, волосы на головѣ кудрявые, на лобъ спущены три кудри. Одежда представляетъ въ цвѣтахъ противоположность разсмотрѣнной нами сейчасъ, т. е., состоитъ изъ красной исподи, темно-синей приволоки, и такой же зеленой средней ризы, только съ тремя запонами. Нарукавья подъ цвѣтъ этой одежды, съ красною каймою. Ниже горла вовсе не видно обозначенія возраста брадатаго.

Въ верхнемъ, правомъ углѣ оклада изображенъ святой мученикъ съ вѣнцомъ вокругъ главы особаго, зеленаго цвѣта. Лицо его скругленно болѣе всѣхъ прочихъ, глаза обращены вправо, волосы съ проборомъ среди главы и спущены прядями за уши, откуда, какъ у Спасителя, выходятъ космами. Типъ лица женственный. Одежда состоитъ изъ красной приволоки, темно-синей исподи, свѣтло-голубой средней, но безъ украшеній запонами, нарукавье зеленое съ красною каймою. Подъ горломъ пѣтъ изгиба.

Остановимся на трехъ послѣднихъ дощечкахъ, для опредѣленія изображенныхъ на нихъ фигуръ. Какихъ именно святыхъ хотѣлъ изобразить здѣсь художникъ? Отсутствіе подписей на всѣхъ шести дощечкахъ этого разряда, было, конечно, причиною того, что упоминавшіе о нихъ ученые назвали эти изображенія общимъ именемъ различныхъ святыхъ, съ Спасителемъ. Господа археологи не взяли на себя труда даже опредѣлить классъ или общій типъ, къ которому принадлежатъ по аттрибутамъ эти различные святые. Общій иконный типъ святыхъ мучениковъ, кажется, довольно рѣзко

отличается отъ другихъ типовъ святыхъ. Узнать между этими изображеніями Спасителя не составляетъ большаго труда. Главнѣйшее мѣсто, всегда ему принадлежащее между подобнаго рода украшеніями на окладѣ въ серединкѣ, помѣщеніе изображенія среди ангеловъ и евангелистовъ, наконецъ эти постоянныя, всѣмъ извѣстныя принадлежности Спасова образа: вѣнецъ, обозначенный тремя раздѣленіями на чины, условное расположеніе и цвѣтъ одежды, положеніе рукъ — все это дѣлаетъ весьма легкимъ опредѣленіе изображенія, хотя бы не было никакихъ надписей, хотя бы типъ лица еще былъ бы неопредѣленнѣе, нежели какимъ представляется на этой финифти. Не такъ-то легко доискаться названій святыхъ, изображенныхъ на остальныхъ дощечкахъ. Кромѣ указанія общаго разряда, къ которому они принадлежатъ по аттрибутамъ, здѣсь необходимо опредѣленіе отдѣльныхъ типовъ этого разряда. Если по одеждѣ, по кресту въ рукѣ, у груди, мы узнаемъ, что здѣсь изображены мученики, то намъ необходимо еще рѣшить по типу лица, какіе именно мученики. Въ памятникахъ иконописи въ тѣсномъ смыслѣ, т. е., въ образахъ подобнаго рода, опредѣленіе дается безъ особыхъ усилій. Тутъ много помогаетъ обиліе сохранившихся иконъ съ надписями, удобство сличенія иконъ не подписанныхъ съ подписанными, далѣе письменные источники, каковы наши подлинники или образные мѣсяцословы, устные, каковы свѣдѣнія пишущихъ по древнему иконниковъ и простыхъ знатоковъ древнихъ иконъ. Но для опредѣленія памятниковъ финифтянаго производства всякій изъ этихъ методовъ прилагается весьма трудно. Здѣсь мало помогаетъ сравнительное изученіе памятниковъ того же производства, еще менѣе подлинники, и оказываются совершенно несостоятельными иконописцы и знатоки древнихъ иконъ. Древнѣйшихъ финифтей до XIII столѣтія сохранилося весьма немного, и изъ нихъ-то большая часть недоступна для изученія, не издана, не описана, не приведена даже въ извѣстность и вовсе не упомянута въ переписи сохранившихся финифтей Г. Забѣлина, о чемъ подробнѣе скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Кромѣ того, едва ли не на половину всего сохранившагося количества финифтей слѣдуетъ положить финифти съ изображеніемъ святыхъ безъ надписей, съ плохо сохранившимися подписями и съ загадочными изображеніями. Притомъ, едва ли въ какомъ другомъ производствѣ иконографіи было болѣе несостоятельности въ соблюденіи типовъ, неточности въ ихъ исполненіи, какъ въ финифтя-

номъ, гдѣ самая масса сплава нерѣдко налагала печать случайности, независимо отъ желанія художника. Прибавимъ въ заключеніе всего этого еще неполную опредѣленность неоконченной разработки типовъ древнѣйшаго періода, уклоненіе отъ типовъ художниками и, въ слѣдствіе того, встрѣчающуюся иногда разницу древнѣйшихъ типовъ съ типами позднѣйшихъ изображеній того же святаго, и мы получимъ характеристику представляющихся намъ, для опредѣленія изображеній святыхъ, неудобствъ и затрудненій, которыя становятся почти непреодолимыми, если мы вспомнимъ, что у насъ нѣтъ подлинниковъ редакціи ранѣе XVI вѣка, да по всѣмъ признакамъ они до того времени и не существовали: а потому, сличая текстъ подлинниковъ съ древнѣйшими памятниками иконографіи, мы должны нерѣдко находить значительныя отступленія, несходства, разницу.

Не смотря на все это, попробуемъ разгадать эти загаданныя древними художниками загадки и, по силѣ возможности, узнать, что именно хотѣли изобразить они на трехъ послѣднихъ дощечкахъ безъ надписей? Что здѣсь изображены все святые мученики, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія: крестъ въ рукахъ, который каждый изъ нихъ держитъ у груди, есть существенная принадлежность общаго типа святыхъ мучениковъ древнѣйшей иконографіи; кромѣ того, они облачены, по выраженію подлинниковъ, въ приволоки—это принадлежность воиновъ, и обыкновенно знатнаго сана.

Уже эти основанія даютъ намъ возможность отнести изображенныхъ на финифти святыхъ къ опредѣленному иконному типу св. великомучениковъ.

Особое уваженіе къ памяти этого класса святыхъ перешло изъ Греціи въ Россію вмѣстѣ съ Христіанскою вѣрою и нашло глубокое сочувствіе между воинственными предками нашими. Первые храмы въ Россіи были сооружены въ честь великомучениковъ, первые князья преимущественно получали имена великомучениковъ, древнѣйшіе памятники иконописи сохранили намъ этихъ великомучениковъ. Именами ихъ начинается длинный рядъ мучениковъ въ подлинникѣ Греческой редакціи. Имена эти: Георгій, Димитрій, Ѳеодоръ. Къ нимъ весьма рано примкнули въ Россіи имена князей мучениковъ Бориса и Глѣба. Всѣ они, какъ извѣстно, составляютъ господствующіе, любимые предметы древней Русской иконографіи и, по видимому, всѣ находятся на финифтяхъ описываемаго нами оклада.

Не смотря на всю несостоятельность, неопредѣленность выраженій типовъ этихъ финифтей, въ нихъ сохранились нѣкоторыя черты, сильно говорящія въ пользу нашего предположенія. Кудрявая голова, съ двумя отдѣлившимися на лобъ кудрями, брадатый возрастъ, котораго указаніе находимъ въ изгибѣ ниже горла, продолговатое лицо, наконецъ самый цвѣтъ одежды — зеленая исподь и красная приволока, все это довольно ясно указываетъ на то, что на дощечкѣ подъ серединкомъ изображенъ финифтью св. великомученикъ Ѳеодоръ Стратилатъ. Иконный типъ этого святаго во многомъ сходенъ съ типомъ святаго Георгія, отличается же отъ послѣдняго преимущественно тѣмъ, что у Георгія волосы еще кудрявѣе, лицо круглѣе, что онъ изображается юнымъ, безбрадатымъ — и все это мы находимъ на финифтѣ въ верхнемъ лѣвомъ углѣ оклада, и потому мы въ правѣ думать, что здѣсь изображенъ не кто другой, кромѣ святаго великомученика Георгія.

Наконецъ св. Димитрій великомученикъ, хотя юный, безбрадый, круглоликій, но не кудрявый, съ волосами, зачесанными за уши, въ красной приволокѣ и зеленой исподи. Таковы типическія черты святаго, и такимъ представленъ онъ въ лицѣ мученика въ верхнемъ правомъ углѣ оклада. Подлинники не только не противорѣчатъ найденному нами сходству трехъ финифтей съ изображеніями трехъ великомучениковъ, но еще болѣе утверждаютъ его. Они представляютъ весьма незначительную разницу только въ такихъ подробностяхъ, которыхъ соблюденія мы вовсе и не вправѣ ожидать отъ изображеній, и которыя зависятъ или отъ объема изображеній, или прямо отъ техническихъ недостатковъ финифтей. Такъ извѣстно, что разсматриваемыя нами изображенія поясныя, а подлинники представляютъ святыхъ въ ростъ, стоячихъ, не забывая упоминать обуви, нижняго платья; по ограниченности мѣста, по сокращенію фигуръ, тутъ не могли явиться ни доспѣхи, ни копья, ни щиты. Кромѣ того, изображенія эти исполнены нѣсколькими столѣтіями ранѣе всѣхъ извѣстныхъ редакцій подлинниковъ; въ послѣднихъ весьма рѣдко придается великомученику одинъ только крестъ, безъ другихъ принадлежностей, каковы оружіе и проч., тогда какъ на древнѣйшихъ памятникахъ, и особливо такого малаго размѣра, какъ наши финифти, они зачастую являются только съ однимъ крестомъ въ рукѣ, въ одеждѣ воина, т. е., въ приволокѣ. Наконецъ, мы считаемъ себя въ правѣ удовлетвориться замѣченными

чертами сходства уже по тому, что всѣ шесть финифтей по работѣ своей весьма посредственнаго достоинства. Точнѣйшаго соблюденія типовъ, ближайшаго сходства съ лучшими образцами въ нихъ искать невозможно. Кромѣ неправильностей въ очертаніи фигуръ, неудачъ въ сплавѣ финифтяной массы, мы находимъ въ самыхъ краскахъ финифтей и въ примѣненіи ихъ къ предметамъ, которые ими обозначены, весьма большіе недостатки. Они отличаются между подобными образцами своею непрозрачностью. Отсутствіе тѣней, повтореніе тѣхъ же самыхъ цвѣтовъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ необходимы были разные, служатъ видимымъ доказательствомъ, что художникъ терпѣлъ нужду въ краскахъ и замѣнялъ недоставшія изъ нихъ тѣми, которыя были у него подъ рукою, на что всего болѣе намекаетъ одинаковый цвѣтъ волосъ, отсутствіе бороды у тѣхъ святыхъ, которые должны быть съ бородою, и замѣненіе ея особымъ знакомъ. Видно, что художникъ боролся съ необходимостью помѣстить одного и того же цвѣта бороду для всѣхъ, и тѣмъ окончательно повредить разнохарактерности типовъ.

Въ связи съ тѣми же техническими недостатками, по видимому, является различіе цвѣтовъ красокъ на рукавахъ одежды этихъ святыхъ изображеній: у однихъ они цвѣта средней одежды, у другихъ нижней, у нѣкоторыхъ даже совершенно особаго цвѣта, какъ на отдѣльныхъ и разныхъ поручняхъ или нарукавьяхъ.

При подобнаго рода обстановкѣ едва ли можно требовать болѣе положительныхъ результатовъ, полнѣйшихъ указаній на изображенныхъ тутъ святыхъ.

Для окончательнаго удостовѣренія въ типическомъ сходствѣ трехъ разсмотрѣнныхъ нами финифтей, именно съ лицами указанныхъ святыхъ, мы выпишемъ изъ подлинниковъ черты каждаго святаго отдѣльно, описанныя, какъ извѣстно, по днямъ празднованія ихъ памяти. Въ основу текста положимъ полнѣйшую изъ извѣстныхъ намъ редакцій нашего подлинника XVII вѣка, и присоединимъ къ нему варианты или измѣненія другихъ изданій нашей же библіотеки.

Февраля 8. «Святаго мученика Ѳеодора Стратилата. Русъ, власы аки Георгій, брада Никиты мученика, въ доспѣсѣ, риза киноварь съ бѣлиломъ, приволока бѣла, въ правой рукѣ щитъ, нагавки багоръ темень, пробѣлъ киноварь, въ рукѣ крестъ.»

Іюня 8. «Святаго великомученика Ѳеодора Стратилата. Власы кудрявъ, брада разсохата, невеличка, надъсѣдъ, въ бранѣхъ, при-

волока киноварь, въ правой рукѣ копье, а въ лѣвой щитъ, исподь празелень, нагавицы багоръ.»

Въ общихъ чертахъ описанія типа этого святаго прочія, имѣющіяся у насъ, редакціи подлинниковъ довольно сходны. Замѣчательнѣйшимъ варіантомъ представляется здѣсь сближеніе рисунка бороды святаго не съ Никитиной, а съ бородой апостола Павла, Климентовой евангелиста Луки съ Предтечевой, что въ сущности не составляетъ большой разницы. Для насъ важнѣе то, что въ трехъ подробнѣйшихъ редакціяхъ полагается замѣчательное различіе въ образѣ празднованія святаго въ Февралѣ и Іюнѣ. Въ первомъ онъ является въ доспѣхѣ, т. е., воинской одеждѣ или ризѣ, краснаго цвѣта съ паволокою бѣлаго и только со щитомъ въ правой или лѣвой рукѣ, во второмъ, въ зеленой исподи, красной паволокѣ съ копьемъ въ правой рукѣ и щитомъ въ лѣвой. Это, безъ сомнѣнія, имѣло первоначальнымъ основаніемъ своимъ различіе въ значеніи дней празднованія, о чемъ будемъ имѣть случай говорить въ другомъ мѣстѣ. Въ трехъ другихъ редакціяхъ подлинника подъ 8 Іюня мы встрѣтили то же самое, что и подъ 8 Февраля; даже въ одномъ находится прямо ссылка одного описанія на другое, безъ приведенія самаго текста. Въ подлинникѣ кратчайшей и, по видимому, древнѣйшей редакціи въ правую руку святому, подъ обоими числами, влагается крестъ, въ лѣвую щитъ и копье. Всѣ же вообще подлинники изображаютъ святаго въ Февральскомъ явленіи русымъ, съ кудрявою головою, курчавою, косматою бородою, а въ Іюньскомъ съ просѣдью; только въ подлинникѣ Греческой редакціи онъ названъ младымъ, тогда какъ во всѣхъ нашихъ именуется надъсѣдымъ, т. е., съ просѣдью.

Но довольно о св. Ѳеодорѣ, обратимся къ св. Георгію. Память послѣдняго, какъ извѣстно, чтится церковью также два раза въ годъ, 23 Апрѣля и 26 Ноября.

23 Апрѣля. «Святаго и славнаго великомученика и побѣдоносца Георгія. Кудрявъ, младъ, въ броняхъ; приволока киноварь, доспѣхъ златъ клѣтчатъ, исподь лазорь; у сердца зерцало кругло свѣтится, въ правой рукѣ копье, а въ лѣвой мечъ въ ножнахъ, шеломъ за правымъ плечомъ, а на немъ крестъ, щитъ видѣти отъ лѣвыя бедры, отъ правыя съ тумчакомъ, и сайдакъ со стрѣлами видимъ мало, нагавицы багоръ, стоги на вохрѣ златыя по бедрамъ; въ рукѣ свитокъ: Благословенъ еси, Господи Боже, да не поставиши

во грѣхъ, ниже въ невѣдѣніе воля согрѣшившимъ, но подаждь имъ Твое познаніе и Твою любовь, да и тіи получатъ Твою часть во Твоемъ царствіи, помяни Владыко призывающихъ Твое имя святое. Нѣціи же пишутъ тако: Помяни Владыко призывающихъ (Твое имя) великолѣпное имя Твое, яко благословенъ еси во вѣки аминь.»

26 Ноября. «Освященіе церкви святаго великомученика иже въ Кіевѣ, у златыхъ вратъ. Георгій въ брашѣхъ, риза киноварь, доспѣхъ пернатъ, вохра съ бѣлиломъ, исподь лазорь, наголенницы багоръ, сидитъ на конѣ, конь бѣлъ, а копіемъ покололъ змію, а за нимъ гора, предъ нимъ градъ, предъ нимъ ведетъ дѣвица змію во градъ, а дѣвицѣ имя Марія, а другая дѣвица ворота затворяетъ; на башнѣ царь, образомъ средній, имя царю Сельвій, а царица и народъ за нимъ съ коніи и съ сѣкирами, граду имя Рахлей.»

Такимъ образомъ двукратному празднованію памяти великомученика, по видимому, соотвѣтствѣтсвуютъ два различныхъ изображенія его, пѣшее и конное. Въ первомъ онъ представлялся съ типомъ великомученика, во второмъ побѣдоносца. Если празднованію освященія первой церкви въ Россіи во имя великомученика Георгія не случайно соотвѣтствуетъ типъ Георгія побѣдоносца, то, безъ сомнѣнія, при изготовленіи иконы этого празднованія, 26 Ноября, имѣлась въ виду идея торжества христіанства надъ язычествомъ въ Россіи. Примѣненіе этой идеи какъ нельзя лучше идетъ и къ тому изображенію св. Георгія, какъ побѣдителя чудовища, и къ тому времени, когда сооруженъ былъ первый храмъ въ честь великомученика тезоименитымъ ему Княземъ, Ярославомъ. Мы нашли только въ двухъ подлинникахъ сходной редакціи такого рода различіе въ типахъ святаго Георгія; въ прочихъ и подъ 23 Апрѣля и 26 Ноября онъ изображается пѣшимъ, стоячимъ, какъ сказано въ одномъ подлинникѣ.

26 Ноября. «Георгій стоитъ во брошѣхъ, риза киноварь, доспѣхъ пернатъ, вохра съ бѣлилы, наголенки багоръ, исподь лазорь, въ правой копье, въ лѣвой мечъ въ ножнахъ.»

Замѣчательно отсутствіе наволоки во всѣхъ подлинникахъ въ описаніи 26 Ноября, и присутствіе креста, который даютъ въ правую руку святому, вмѣсто копья, въ обоихъ числахъ, подлинники кратчайшей и древнѣйшей редакціи.

Благодаря тому уваженію, которое съ первыхъ вѣковъ христіанства въ Россіи распространилось къ Св. Георгію, состояло въ связи

съ тезоименитствомъ многихъ великихъ князей и способствовало сооруженію многихъ храмовъ въ честь святаго великомученика, типъ его выработался въ иконописи до того опредѣленно, что онъ послужилъ прототипомъ для многихъ другихъ изображеній святыхъ,— младыхъ, кудрявыхъ, аки Георгій.

Обратимся къ третьему изображенію святаго мученика въ правомъ верхнемъ углѣ оклада, котораго мы назвали св. Димитріемъ. Празднованіе памяти великомученика Димитрія Селунскаго совершается церковью 26 Октября, и подъ этимъ числомъ мы находимъ въ нашемъ подробномъ подлинникѣ описаніе его слѣдующее:

«Святаго и славнаго великомученика Димитрія Селунскаго, иже прободенъ въ ребра копіемъ. Младъ, вооруженъ, доспѣхъ саникиръ съ бѣлиломъ, пернатъ, верхъ празелень, препоясанъ ширинкою, въ рукѣ копье, да свитокъ, а въ лѣвой мечъ въ ножнахъ, колѣни голы, въ свиткѣ писано: Господи, не погуби града и людей моихъ: аще градъ спасеши, съ ними и азъ спасенъ буду; аще погубиши, съ-ними и азъ погибну».

Варіанты изображенія этого святаго довольно сходны. Какъ на замѣчательное явленіе между ними, укажемъ на то, что въ одномъ подлинникѣ святому назначается положеніе стоячее, т. е., пѣшее, въ противоположность конному изображенію того же святаго, котораго въ подлинникахъ мы не отыскали, но которое, какъ извѣстно, существуетъ на иконахъ; при томъ, вмѣсто меча, въ лѣвой рукѣ щитъ, а кромѣ зеленой верхней ризы, красная исподь.

«Святаго великомученика Димитрія Селунскаго. Младъ, стоитъ, вооруженъ, доспѣхъ саникиръ съ бѣлилы, пернатъ, верхъ риза празелень, препоясанъ ширинкою съ лѣваго плеча подъ правую руку, исподь киноварь, въ рущѣ копіе, а въ лѣвой щитъ, колѣни голы.»

Наконецъ, въ краткомъ алфавитномъ подлинникѣ святой изображенъ съ крестомъ въ правой рукѣ и со щитомъ, и копьемъ въ лѣвой, нагавки багряны.

Мы уже говорили о степени того сходства типовъ трехъ святыхъ великомучениковъ, которые мы въ правѣ ждать отъ разсмотрѣнныхъ нами фелонфей, считаемъ лишнимъ входить здѣсь въ подробности очевиднаго, но весьма незначительнаго для насъ, несходства, и потому обратимся на разсмотрѣніе двухъ остальныхъ фелонфей того же порядка, съ изображеніемъ князей мучениковъ. Намъ извѣстно, что они расположены соотвѣтственно одинъ дру-

гому, по двумъ угламъ, на одной и той же нижней линіи оклада. Вѣнецъ вокругъ главы обоихъ Князей синяго цвѣта, шапки невысокія, имѣютъ видъ усѣченнаго конуса съ выемками по бокамъ и сверху, кромѣ того, посреди проходитъ продольная полоска, раздѣляющая ихъ на двѣ равныя части, по околу черная мѣховая опушь, самыя шапки изъ желтой матеріи, вѣроятно алтабаса, полоски посреди ихъ красныя. Мы коснулись по тому подробностей этихъ шапокъ, что они составляютъ, по формѣ своей, весьма рѣдкое явленіе на отечественныхъ памятникахъ. [1] Не смотря на замѣченныя уже нами недостатки разсматриваемыхъ финифтей въ соблюденіи подробностей очертаній лица, вглядываясь въ эти два изображенія, мы находимъ, что лицо одного святаго, изображеннаго въ лѣвомъ углѣ, старообразнѣе праваго. Лицо перваго продолговатое, волосы его спущены и вьются отдѣльными кудрями около шеи, подъ горломъ извѣстный изгибъ малаго размѣра, глаза обращены вправо, въ рукѣ святаго крестъ бѣлаго цвѣта. Одежда его состоитъ изъ голубой исподи, свѣтлозеленыхъ поручней съ красной каймою и богатый красной паволоки, роскошно украшенной сердцеобразными запонами зеленаго цвѣта. Лицо послѣдняго кругльче, моложавѣе, но неудачный сплавъ финифти покривилъ на сторону уста этому изображенію, длинные кудрявые волосы, прилегая къ головѣ и зачесанные за уши, отдѣляются книзу на каждой сторонѣ по одной кудри: изгиба подъ горломъ не находимъ; глаза обращены въ лѣво, также самая одежда на этомъ святомъ составляетъ прямую противоположность въ цвѣтахъ своихъ: на немъ исподь краснаго цвѣта, а паволока голубая, нарукавья свѣтло-голубыя съ красной каймою, запоны на паволокѣ бѣлыя, крестъ въ рукѣ святаго красный.

Предположеніе наше, что здѣсь изображены два брата мученика, Борисъ и Глѣбъ, имѣетъ въ свою пользу много основаній. Черты этихъ Князей мучениковъ проглядываютъ въ нашихъ финифтяхъ,

[1] Изъ извѣстныхъ намъ, изданныхъ памятниковъ ближе всѣхъ подходятъ по формѣ этихъ шапокъ два вѣнца на одной миніатюрѣ въ житіи Бориса и Глѣба. Вѣнцы эти подаетъ Христосъ съ небеси, или поясной облачный Спасъ двумъ стоящимъ по обѣ стороны мученикамъ, Борису и Глѣбу. Они нѣсколько ниже и разложистѣе шапокъ на мученикахъ Мстиславова оклада, кромѣ того средина ихъ вверху оканчивается угломъ, а не прямою линіей. Для соображенія представимъ тѣ и другія: ⛪. ♔. ♔. На всѣхъ рисункахъ этого житія оба святые являются въ обыкновенныхъ княжескихъ шапкахъ бархатнымъ колпакомъ съ опушью мѣховою, также какъ и на древнихъ иконахъ.

не смотря на всю неудачность, неточность ихъ исполненій; указанія подлинниковъ, дорисовывая то, что въ финифтѣ выразилось только неопредѣленными намеками окончательно сближаютъ типы Бориса и Глѣба съ изображеніями финифти. Типическія черты двухъ братьевъ князей и мучениковъ, которыхъ память празднуется церковью два раза въ годъ, описаны подлинниками подъ 24 числомъ Іюля и 2 Мая.

24 Іюля: «Святыхъ страстотерпцевъ князей Русскихъ обою брату по плоти Бориса и Глѣба, нареченныхъ во святомъ крещеніи Романа и Давыда. Борисъ средній, брада Козмина, шапка на главѣ заломъ черпъ, шуба багоръ камка, исподь празелень камка, распахъ черпъ, въ рукѣ крестъ, а въ другой мечъ въ ножнахъ. Глѣбъ младъ, власовѣ мало, за уши повился, шапка на главѣ заломъ, шуба киноварь камка, исподь лазорь камка, въ рукѣ крестъ, а въ лѣвой мечъ въ ножнахъ.»

2 Мая: «Перенесеніе мощей святыхъ мучениковъ князей Русскихъ обою брату по плоти Бориса и Глѣба, нареченныхъ во святомъ крещеніи Романа и Давыда. Борисъ средній, брада Козмина, шапка на главѣ заломъ черный, шуба на немъ бархатъ багоръ въ кружѣхъ, исподь лазорь, въ рукѣ крестъ, въ лѣвой мечъ въ ножнахъ спустилъ. Глѣбъ младъ, власы по плечамъ, косы тоненьки, шапка на главѣ заломъ черпъ, шуба камка празелень, исподь багоръ и бѣлиломъ, въ рукѣ крестъ, а въ другой мечъ въ ножнахъ спущены.»

Къ этому описанію подробнаго подлинника мы можемъ присоединить нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія изъ другихъ редакцій, вообще не представляющихъ значительной разницы. Въ двухъ изъ послѣднихъ, вмѣсто бархатныхъ шубъ на князьяхъ въ майскомъ празднованіи, поставлены камчатныя; тамъ же, кромѣ того, волосамъ Бориса придается коса; въ іюльскомъ же нижнимъ ризамъ обоихъ — пуговицы до подола; въ двухъ другихъ редакціяхъ Борисъ изображается русымъ, съ небольшою бородою — брада невелика, оба въ княжескихъ ризахъ.

Мая 2: «У Бориса справую руку коса на плечи, шуба баканъ, камочкою чинена, исподь лазорь камочка жь, на другомъ — шуба киноварь, исподь празелень, камочка же.»

Іюля 24: «Борису риза камка лазорь, Глѣбу киноварь камка, исподь камка празелень, пуговки до подолу, отъ полы роспахъ (о подолѣ разхватъ).»

Черты лица Бориса сохранились, какъ извѣстно, во многихъ лѣтописяхъ: «Тѣломъ бяше красенъ и высокъ, лицемъ круглъ, плеча высоцѣ, въ чреслѣхъ топокъ, очима добръ и веселъ; брада мала и усь, младъ бо бѣ еще; свѣтяся царскы, крѣпокъ тѣломъ, всяческы украшенъ, аки цвѣтъ во юности своей; на ратѣхъ храборъ, въ совѣтѣхъ мудръ, и благодать Божія цвѣтяше на немъ.» Легко можетъ быть, что это и подобныя сему описанія, основанныя на древнѣйшихъ устныхъ и письменныхъ свѣдѣніяхъ, имѣли въ свое время извѣстное отношеніе къ древнѣйшимъ портретнымъ иконамъ святыхъ мучениковъ.

Уже прежде замѣчено было, что шесть финифтей этого разряда, по работѣ своей стоятъ далеко ниже финифтей всѣхъ прочихъ разрядовъ; отчасти было указано и на нѣкоторыя выдающіяся отступленія въ краскахъ и рисункѣ; здѣсь мы считаемъ не лишнимъ объясниться нѣсколько подробнѣе объ этихъ относительныхъ недостаткахъ. Первое, что бросается въ глаза при сравненіи шести финифтей съ прочими того же оклада, это отсутствіе въ составѣ ихъ красокъ той прозрачности, которая характеризуетъ лучшія произведенія Византійской эмали и замѣчается на всѣхъ прочихъ памятникахъ этого оклада. Краски шести финифтей не только не блестящи, но совершенно тусклы, грубы, почти вовсе безъ тѣней. Нѣкоторыя недоставшія цвѣта замѣнены весьма неудовлетворительно другими, кое-гдѣ даже прямо золотымъ очеркомъ. Вообще, при тщательномъ наблюденіи этихъ финифтей, виденъ недостатокъ не только въ качествѣ, но и въ количествѣ красокъ. Финифтяная масса, будучи неудачно расплавлена при обжиганіи, сохранила до сихъ поръ мѣстами слѣды углубленій отъ пузырей, и тѣмъ еще болѣе способствовала къ искаженію рисунка. Мы упоминали о другихъ недостаткахъ, происшедшихъ при обжиганіи и обезобразившихъ губы и пальцы нѣкоторыхъ изображеній. Рисунокъ самъ по себѣ не отличается правильностью, напротивъ, угловатъ, сухъ и невѣренъ; послѣднее особенно замѣтно въ очертаніи отдѣльныхъ частей и грубомъ соединеніи ихъ съ цѣлымъ, на прим., уши неестественно приставлены за щеки. Въ положеніи фигуръ ощущается недостатокъ движенія, а въ выраженіи типовъ опредѣленности. Видно, что эти финифти исполнены рукою не лучшаго мастера и скорѣе принадлежатъ ко времени упадка, чѣмъ процвѣтанія древней Византійской эмали. Начало XII-го столѣтія, по видимому, должно служить

самымъ дальнимъ срокомъ ихъ существованія также какъ мѣстомъ происхожденія едва ли не Россія.

Разсматривая сохранившіеся на этихъ шести дощечкахъ признаки, мы, по видимому, разгадали ихъ первоначальное назначеніе, сказавъ, что до появленія на окладѣ евангелія финифти эти были нашиты на матерію и служили бармами; но теперь раждается новый вопросъ: кому принадлежали эти бармы? Мы бы не слишкомъ затруднялись рѣшеніемъ его, если бы, съ одной стороны, имѣли болѣе положительныя свѣдѣнія о Христіянскихъ именахъ нашихъ князей XI и XII столѣтія, съ другой, если бы финифти наши носили болѣе опредѣленныя черты, то есть, если бъ они были съ надписями, по которымъ все таки безошибочнѣе можно бы было назначить имъ эпоху сооруженія и утвердительнѣе сказать о томъ, какихъ именно святыхъ изображаютъ они, наконецъ, если бы ко всему этому мы нашли въ лѣтописяхъ какія нибудь данныя для исторіи самыхъ финифтей. Но мы видѣли, какъ трудно окончательно опредѣлить имена святыхъ, изображенныхъ на пяти изъ этихъ финифтей. Употребляя, какъ крайнее средство, для разъясненія изображеній на финифтяхъ XII столѣтія, иконопись XVII-го, и, довольствуясь, по необходимости, въ этомъ случаѣ какимъ нибудь однимъ типическимъ намекомъ, мы, разумѣется, могли легко впасть въ ошибку и назвать изображеніе такимъ именемъ, которое ему вовсе не принадлежало: въ такомъ случаѣ всѣ послѣдующіе выводы оказались бы невѣрными. Не только въ произведеніяхъ финифти, но и въ памятникахъ иконописи въ тѣсномъ смыслѣ, даже въ самыхъ подлинникахъ, черты нѣкоторыхъ святыхъ представляютъ такое между собою неопредѣленное сходство, что надо имѣть слишкомъ опытный глазъ, чтобы отличить окончательно вѣрно изображенія безъ подписей. Мы должны были оговориться такимъ образомъ, чтобы имѣть болѣе права отстранить отъ себя до времени окончательное рѣшеніе вопроса о найденныхъ нами на окладѣ бармахъ.

Между тѣмъ, мы не лишнимъ считаемъ обратить вниманіе читателей на тождество именъ, указанныхъ нами на этихъ финифтяхъ съ именами святыхъ, чтившихся преимущественно въ семьѣ великаго князя Мстислава Владиміровича, для котораго было написано самое евангеліе. Извѣстны по лѣтописямъ особая любовь и уваженіе отца Мстислава къ святымъ мученикамъ Борису и Глѣбу, мощамъ которыхъ онъ, еще будучи княземъ Переяславскимъ,

строилъ великолѣпную раку, приводившую въ изумленіе иностранцевъ; сдѣлавшись же Великимъ Княземъ, онъ торжественно перенесъ мощи ихъ въ новую каменную церковь; наконецъ, построилъ на рѣкѣ Алтѣ въ честь ихъ церковь, которую лѣтописецъ называетъ прекрасною. Самъ Мстиславъ соорудилъ въ Кіевѣ церковь св. Ѳеодора, въ которой и былъ погребенъ; далѣе, сынъ его, Всеволодъ, въ Псковѣ, по видимому, церковь св. Димитрія, въ которой также, по указанію Степенной Книги, былъ погребенъ; наконецъ, оба они принимали живое участіе въ сооруженіи и украшеніи Новгородской церкви св. Георгія и устроеніи монастыря, извѣстнаго подъ именемъ Юрьева. Прежніе изслѣдователи, Татищевъ, Щербатовъ, Карамзинъ и друг., желая разгадать данныя Великимъ Князьямъ имена при крещеніи, основывались обыкновенно на именахъ святыхъ, въ честь которыхъ сооружались тѣми князьями церкви, но въ наше время какъ-то странно браться исключительно за подобнаго рода основанія. Современная критика считаетъ окончательно вѣрными только тѣ выводы, которые подтверждаются прямыми, достовѣрными указаніями лѣтописей, грамотъ, надписей и проч. Припомнимъ, что князья нерѣдко строили церкви и во имя святыхъ, сименныхъ ихъ дѣтямъ, отцамъ, далѣе во имя святыхъ, во дни которыхъ случались какія нибудь замѣчательныя въ ихъ жизни событія, побѣды надъ врагами и проч., наконецъ прямо во имя святыхъ, которыхъ они по какимъ бы то ни было причинамъ чествовали. Въ лѣтописяхъ весьма рѣдко встрѣчаются при княжихъ именахъ и христіанскія, а иногда встрѣчается такое имя, которое или вовсе не подходитъ къ общепринятому названію извѣстнаго лица, или заставляетъ предполагать, что князь носилъ два имени, кромѣ мірскаго, или княжескаго. Такимъ образомъ, не безъ основанія же лѣтопись Новгородская [1] называетъ того же Мстислава Владиміро-

[1] Полн. с. Р. л. III, 213 подъ 6621 (1113) г. Здѣсь строитель Новгородской Николо-Дворищской церкви, Мстиславъ, является, какъ нареченный во св. крещеніи Георгіемъ; по тому же поводу, и, какъ видно, изъ того же источника, онъ же, въ другомъ мѣстѣ упоминается, Князь Георгій именованный Мстиславъ. Рукоп. пов. Чудо о св. Николы о Князѣ Мстиславѣ; см. Истор. Русск. Церкви, Макарія, т. II, пр. 172. Но чтобы дѣлать употребленіе изъ подобнаго рода основаній, слѣдуетъ провѣрить самый ихъ источникъ, а не довольствоваться одними, какъ видно по языку, позднѣйшими изобрѣтеніями. Странно, что на подобныхъ свѣдѣніяхъ исключительно основываются новѣйшія изслѣ-

вича Георгіемъ, хотя у него былъ братъ, носившій постоянно то же имя, что въ свою очередь, конечно, должно было знать лѣтописцу; между тѣмъ мы привыкли считать Мстислава Ѳеодоромъ, согласно современнымъ ему указаніямъ [2] и мнѣнію Карамзина; наконецъ, Татищевъ приписываетъ ему имя Петра, также какъ отцу его, Владиміру, вмѣсто Василія, Ѳеодора. Не безъ основанія же Степенная книга относитъ погребеніе Всеволода-Гавріила въ церкви Св. Димитрія и сближаетъ характеръ обоихъ, тогда какъ другія лѣтописи говорятъ, что онъ погребенъ въ церкви Св. Троицы, имъ же самимъ построенной; но въ лѣтописяхъ мы не находимъ положительныхъ свѣдѣній о построеніи ни той, ни другой церкви: объ они впервые упоминаются въ одно время и по одному случаю—погребенія Всеволода, при чемъ о Троицкой сказано, юже бѣ самъ создалъ (Всеволодъ), о Димитріевской, что въ ней онъ положенъ, а оттуда торжественно перенесенъ въ Троицкую. Изслѣдователи же Псковскихъ древностей вообще относятъ сооруженіе Св. Троицы ко временамъ, древнѣйшимъ Всеволода. Все это требуетъ еще тщательнѣйшихъ повѣрокъ, изслѣдованій первоначальныхъ источниковъ, вообще спеціальныхъ, приготовительныхъ трудовъ, которыхъ результатъ, быть можетъ, увѣнчался бы успѣхомъ и раскрылъ намъ неизвѣстныя имена, данныя нашимъ князьямъ при крещеніи. Въ такихъ необходимыхъ еще трудахъ нуждается современная археологія. Стѣсняясь, такимъ образомъ, въ одно и то же время и недостаткомъ надписей на нашихъ финифтяхъ, которыя бы точнѣе опредѣлили имена изображенныхъ на нихъ святыхъ, и недостаткомъ положительныхъ свѣдѣній объ именахъ князей, которыя могли бы навести насъ на личности, для которыхъ были приготовлены изоб-

---

дованія, каково, на пр., превосходное сочиненіе о Новгородскихъ церковныхъ древностяхъ, архим. Макарія. Въ немъ неоднократно повторяется та же фраза безъ всякаго ограниченія и разбора: «Мстиславъ, нареченный въ крещеніи Георгіемъ, основываетъ въ честь своего ангела церковь св. Георгія» (Т. I, 13), хотя изъ лѣтописи не видно этого, а основаніе ея приписывается сыну его, Всеволоду; далѣе онъ же, Мстиславъ, основываетъ другую, придѣльную, при Николо-Дворищскомъ соборѣ церковь въ честь того же своего ангела Георгія (I, 254). Но у Мстислава было или два ангела, Ѳеодоръ и Георгій, или былъ одинъ, Ѳеодоръ.

[2] См. Послѣсловіе Мстиславова Евангелія: «Князю Ѳеодору, а мирскы Мъстиславу».

ражения и самыя бармы, мы постараемся отыскать себѣ новый путь къ рѣшенію нашего вопроса.

Обратимся снова къ лѣтописямъ, посмотримъ, не найдется ли въ этомъ неисчерпаемомъ рудникѣ указаній, если не на эти самыя финифти, то, по крайней мѣрѣ, на подобныя имъ по предмету. Не смотря на то, что еще весьма немного обнародовано свѣдѣній о финифтяномъ дѣлѣ въ Россіи, что вообще всѣ первоначальные матеріялы по этому предмету далеко еще не собраны, критически не провѣрены, а самые памятники финифтянаго дѣла, древнѣйшіе и замѣчательнѣйшіе, до того отрѣшены отъ исторической почвы, что мы не знаемъ даже вовсе, кому они первоначально принадлежали; не смотря на все это, даже въ лѣтописяхъ мы находимъ немаловажныя указанія по вопросу о разсматриваемыхъ нами шести финифтяхъ. Говоря по случаю кончины Галицкаго князя, Владиміра Васильковича (1288), о заслугахъ его въ пользу украшенія церквей, и, исчисля сдѣланные имъ вклады, югозападная лѣтопись по Ипатіевскому списку упоминаетъ финифты съ изображеніями Спасителя, Деисуса, наконецъ Бориса и Глѣба. Этими драгоцѣнностями украсилъ князь Владиміръ Галицкій три евангелія, которыя, подобно Мстиславову, были апракосныя. «А до Чернѣгова послалъ въ епископью суангеліе опракосъ, золотомъ писано, а оковано серебромъ съ жемчугомъ, и среди его Спаса съ финифтомъ.... суангеліе списа опракосъ, окова е все златомъ и каменіемъ дорогымъ съ жемчугомъ, и деисусъ на немъ окованъ отъ злата, цяты великы съ финифтомъ чюдно видѣніемъ, а другое суангеліе опракосъ же волочено оловиромъ и цяту возложи на не съ финифтомъ, а на нем святаа мученика Глѣбъ и Борисъ...» Два послѣднія евангелія вложилъ боголюбивый князь въ сооруженную имъ церковь Св. Георгія, въ Любомлѣ. Мы далеки отъ мысли принимать исчисляемыя лѣтописью финифти на евангеліяхъ тождественными съ разсматриваемыми на окладѣ Мстиславова евангелія; хотя, по странному стеченію обстоятельствъ, и имена прочихъ святыхъ на этомъ послѣднемъ памятникѣ совпадаютъ и одинаковы съ именами святыхъ, которымъ исключительно предъ другими усердствовалъ князь Владиміръ, названный въ крещеніи Іоанномъ, сооружившій церковь св. Георгія, Петра, украсившій св. Димитрія и проч.; хотя при постоянномъ передвиженіи памятниковъ въ древности съ одного мѣста на другое, легко могли и эти финифти побывать на Во-

лыши и возвратиться въ Новгородъ. Мы вовсе не признаемъ финифтей Мстиславова и Владиміровыхъ евангеліи за одни и тѣ же, потому что слишкомъ много причинъ предполагать иначе; но мы находимъ весьма важнымъ сближеніе тѣхъ же финифтяныхъ изображеній въ различныхъ мѣстностяхъ, и съ перваго взгляда, въ различное время. Особую важность для финифтей Мстиславова евангелія имѣетъ сохранившееся въ лѣтописи указаніе на изображеніе Бориса и Глѣба, помѣщенное на окладѣ евангелія. Указаніе это можетъ служить подтвержденіемъ справедливости найденныхъ нами изображеній тѣхъ же святыхъ мучениковъ, на двухъ дощечкахъ оклада Мстиславова евангелія; кромѣ того, это сходство содержанія указываетъ на одну общую идею украшенія евангеліи посредствомъ любимыхъ предметовъ извѣстнаго періода. Явившись на окладѣ одного евангелія, князья мученики, въ слѣдъ за тѣмъ, по подражанію, получили мѣсто и на другомъ. Такъ какъ изъ лѣтописи видно, что они были изображены финифтью на окладѣ въ XIII столѣтія, въ то же время, когда подъ Византійскимъ вліяніемъ помѣщались мученики на эмальпированныхъ евангеліяхъ Запада, то мы въ правѣ допустить, что шесть финифтей нашего оклада, хотя и исполнены для другаго назначенія и ранѣе того времени, но на окладѣ получили мѣста свои въ то же время, т. е., въ XIII столѣтіи, что, въ свою очередь, указываетъ на одну изъ редакцій обновленія оклада, о которой мы не имѣетъ письменныхъ свѣдѣній.

Разсмотрѣвъ шесть финифтей, которыя, по нашему мнѣнію, явились на окладѣ первыми, хотя, по всѣмъ признакамъ, исполнены гораздо позднѣе всѣхъ прочихъ финифтей того же оклада, кромѣ оклада середника, обратимся къ другому разряду финифтей, которыя, по видимому, относительно времени своего происхожденія, занимаютъ средину между только что разсмотрѣнными и двумя древнѣйшими чисто-Греческими финифтями въ подножіи креста.

Пять золотыхъ квадратныхъ дощечекъ ($^{6}/_{8}$□ вершка) съ финифтями размѣщены, какъ мы уже видѣли, вокругъ середника крестообразно. Въ верхнемъ концѣ креста, надъ самымъ серединкомъ и какъ разъ подъ верхнею линіею оклада, находимъ квадратъ съ изображеніемъ Престола Господня. На престолѣ, или царскомъ мѣстѣ, лежитъ подушка, покрытая пеленой, на пеленѣ книга св. евангелія, надъ нимъ Духъ Святый въ видѣ голубя; предъ престоломъ стоитъ подножіе, за престоломъ орудія страстей Господнихъ.

Престолъ состоитъ изъ четыреугольной рамки или связи на прямыхъ ножкахъ, облицовано то и другое пестрыхъ цвѣтовъ финифтью: такъ, по ножкамъ сверху внизъ идетъ ломаная линія бѣлаго цвѣта, а образуемые ею углы заняты голубымъ и краснымъ цвѣтами, кайма рамки красная, а по бѣлому полю рамки изображены зеленыя точки, вѣроятно, намекъ на тронъ слоновой кости, украшенный изумрудами. Подушка Греческой формы, овальная, зеленаго цвѣта, кресты среди ея золотые, а по красной каймѣ ея точки бѣлыя — признакъ жемчуга. Подножіе при тронѣ голубаго цвѣта съ красною каймою и четырьмя бѣлыми украшеніями. Спущенная нѣсколько съ подушки пелена голубая, съ золотыми тѣнями. Евангеліе изображено въ бѣломъ окладѣ съ серединкомъ и четырьмя наугольниками зелеными. Голубь, какъ бы стоящій надъ евангеліемъ, свѣтлоголубаго цвѣта; клювъ, подъ горломъ и крылья красные, послѣднія съ бѣлымъ. Изъ орудій страстей, посреди стоящій крестъ, голубой, также какъ и боковыя принадлежности, копье и трость. Внутри креста золотымъ очеркомъ проложенъ другой крестъ, губка на верху трости посреди красная. Содержаніе этой финифти опредѣляется краснаго цвѣта надписью, сдѣланной въ прорѣзѣ по обѣ стороны креста: ПРЄС ГНЪ.

Изображеніе это, по составу своему относится къ числу древнѣйшихъ предметовъ символической Византійской иконографіи. Оно представляетъ именно престолъ Господень, т. е., одинъ престолъ, упраздненный, безъ Спасителя, и не можетъ быть смѣшиваемо ни съ божественною трапезою,[1] ни съ другими какими нибудь изображеніями. Окладъ Мстиславова евангелія, между Русскими памятниками представляетъ до сихъ поръ едва ли не единственный примѣръ того, что это изображеніе Престола Господня употреблено самостоятельно, исполнено на отдѣльной иконѣ; во всѣхъ другихъ памятникахъ оно имѣетъ посредствующее, относительное значеніе; употребляясь на иконахъ многосложнаго содержанія, оно помѣщается обыкновенно вверху изображеній, въ небесной средѣ. Такъ, на при-

[1] См. у Забѣлина, Историч. обозр. фин. и проч., стр. 58, гдѣ сказано: «изображена Св. Трапеза Престолъ Господень,» и у Архимандр. Макарія въ Новгор. Церкови. древн., часть II, стр. 167, гдѣ съ ошибкой повторено: Св. Троица «Престолъ Господень.»

мѣръ, на иконѣ Софіи Премудрости Божіей, древней Греческой редакціи, совершенно такого же рода престолъ Господень съ евангеліемъ, мы встрѣчаемъ окруженнымъ сонмомъ ангеловъ. На этой иконѣ, сколько можно понять, онъ указываетъ на то, что Божественная Премудрость низошла на землю, въ видѣ Сына Божія, по изреченію евангелія — Слово плоть бысть. Быть можетъ, подъ вліяніемъ той же мысли помѣщена была нѣкогда эта финифть, съ изображеніемъ Престола Господня, на окладѣ Мстиславова евангелія. Между Византійскими памятниками на Западѣ мы можемъ указать два, на которыхъ тотъ же сюжетъ стоитъ столько же самостоятельно. Это богатѣйшая своими финифтями запрестольная икона св. Марка въ Венеціи, и крестъ, принадлежащій въ настоящее время Намюрской обители. На обоихъ памятникахъ изображеніе исполнено финифтью, которую знатоки относятъ къ X вѣку. Въ числѣ 83 изображеній, составляющихъ собою знаменитую икону Pala d'oro, изображеніе Престола Господня занимаетъ мѣсто въ среднемъ четыреугольникѣ, надъ образомъ Спасителя, сидящаго на престолѣ съ евангеліемъ въ лѣвой рукѣ; признакомъ небесной среды, въ которую художникъ хотѣлъ помѣстить этотъ престолъ, служитъ его обстановка: снизу Спаситель, по сторонамъ херувимы и ангелы, которые стоятъ на отдѣльныхъ дощечкахъ, по двѣ фигуры съ каждой стороны. На золотой дощечкѣ особой формы ⬡, финифтью изображенъ четыреугольный съ рѣзными ножками престолъ съ круглою подушкою и пеленою, на которой лежитъ евангеліе, надъ нимъ справа на лѣво стоитъ голубь съ простертыми крыльями, обративши голову слѣва на право. Надъ нимъ держава съ крестомъ, по сторонамъ копье и трость.

Для насъ весьма любопытно мнѣніе Лабарта, ученаго, посвятившаго особое изслѣдованіе изученію Pala d'oro Св. Марка. [1] По словамъ его, изображеніе Престола Господня, или, какъ онъ опредѣляетъ его, св. голубь на престолѣ, [2] будучи исполнено въ X вѣкѣ, получило мѣсто на памятникѣ въ 1103 году, то

---

[1] Jules Labarte. Recherches sur la peinture en émail dans l'antiquité et au moyen âge. Paris. 1856. Разборъ этого сочиненія помѣщенъ въ Исторіи Византійской эмали Гёрца.

[2] «La Sainte colombe portant sur sa tête un globe crucigère, et dont les pieds reposent sur un trône.»

есть, какъ разъ одновременно съ написаніемъ рукописи Мстиславова евангелія и изготовленіемъ его украшеній въ Константинополѣ. На Намюрскомъ крестѣ изображеніе Престола Господня помѣщено на отдѣльной же дощечкѣ, и въ верхней же части его, и исполнено съ евангеліемъ на подушкѣ, копьемъ и губкой на трости, но безъ голубя. [1] Изъ изданныхъ въ Россіи памятниковъ изображеніе престола на крестѣ мы находимъ на рисункѣ Древностей Россійскаго Государства, изображающемъ окладъ евангелія В. Кн. Симеона Ивановича 1344 года. Евангеліе это находится въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ. Здѣсь престолъ помѣщенъ на осмиконечномъ крестѣ и занимаетъ верхній конецъ его и средину возглавія, по концамъ котораго изображены погрудныя олицетворенія солнца и луны. Предъ престоломъ подножіе въ родѣ скамьи о четырехъ ножкахъ, за нею возвышается овальная подушка, покрытая свисшейся пеленой, на ней крестъ шестиконечный, съ вѣнцомъ на перекрестьи, по бокамъ орудія страстей. Тотъ же предметъ изображенія встрѣчается на Русскомъ памятникѣ XII столѣтія, именно, между символическими изображеніями, высѣченными на камнѣ въ вершинѣ средняго полукружія южной стороны Димитріевскаго собора во Владимірѣ, хотя, по объясненію издателя [2] того собора, онъ изображаетъ здѣсь палой съ сорочкою великомученика Димитрія. Судя по рисунку, приложенному къ этому изданію, по обѣ стороны упраздненнаго престола сидятъ, по видимому, два праотца, Авраамъ и Исаакъ, или Моисей и Илія, а Духъ Святой въ видѣ голубя исходитъ отъ престола на сидящую внизу его и на престолѣ въ царскомъ вѣнцѣ фигуру, которая правою рукою указуетъ на небо, а лѣвою опирается на скрижаль, стоящую на ея колѣнѣ; фигура эта по справедливости можетъ быть признана олицетвореніемъ Божественной Премудрости.

Идея Престола Господня, изображаемая иконописью, имѣетъ, по видимому, прямое отношеніе къ монументальному престолу въ нашей церкви. По крайней мѣрѣ на это указываютъ общія ихъ

---

[1] См. въ упомянутомъ сочиненіи Лабарта и у Дидрона въ его «Annales archéologiques,» 1859 г.; въ первомъ, рисунокъ объясненъ такъ: «Un autel chargé d'un coussin qui porte le livre des Evangiles»; во второмъ: «Le trône divin où l'Évangile est placé sur un coussin entre l'éponge et la lance de la Passion.»

[2] Гр. Строганова, «Димитріевскій соборъ во Владимірѣ.» Москва. 1849. Табл. XI, стр. 10.

принадлежности, помѣщеніе за престоломъ орудій страстей. Крестъ и теперь является необходимою принадлежностью за престолами въ нашихъ церквахъ, а другія орудія страстей встрѣчаются въ указаніяхъ книжной живописи; голубь напоминаетъ серебрянаго голубя, висѣвшаго надъ престоломъ и давшаго названіе этому мѣсту перистерія, голубинаго (*περιστέριον*).

Такимъ образомъ, составъ этой иконы, неся яркую печать глубокой древности, говоритъ въ пользу древности самой финифти, чисто Греческій характеръ которой проглядываетъ во всѣхъ подробностяхъ ея рисунка и красокъ и, не смотря на сопутствующую финифти Русскую надпись, мы, кажется, безошибочно можемъ отнести ее къ XI вѣку.

Четыре остальные квадрата, помѣщенные на двухъ концахъ возглавія креста и двухъ его средокрестьяхъ, съ поясными изображеніями святыхъ, представляютъ вѣнцы у всѣхъ святыхъ одинаковаго цвѣта, свѣтлозеленые съ красною каймою, кромѣ вѣнца Богоматери, у которой онъ исполненъ свѣтлоголубою финифтью. Кромѣ того, какъ на замѣчательную особенность въ вѣнцахъ этихъ изображеній, стоитъ обратить вниманіе на то, что по зеленому вѣнцу Апостола Петра проложенъ едва замѣтный для невооруженнаго глаза золотой орнаментъ. Два верхнихъ квадрата заняты изображеніями двухъ первоверховныхъ Апостоловъ.

На лѣвой отъ зрителя дощечкѣ Апостолъ Петръ, обращенный въ правую сторону, правою рукою благословляетъ, въ лѣвой держитъ закрытый свитокъ. Перстосложеніе благословляющей руки замѣчательно здѣсь тѣмъ, что, кромѣ двухъ, обыкновенно поднимаемыхъ въ этомъ случаѣ на древнихъ изображеніяхъ, перстовъ, здѣсь поднятъ и третій, мезинецъ, конечно, не въ угоду нашимъ Старообрядцамъ. Одежда его обычная апостольская, свѣтлоголубая исподь и синяго цвѣта верхняя риза, послѣдняя закрываетъ все лѣвое плечо святаго; сѣдые волосы и борода его, подходящая къ типу Николиной, весьма удачно исполнены свѣтлоголубой блестящей финифтью, зрачки и бровь черною. Надпись по обѣ стороны Апостола: О ... П
А ... Є
Г ТР
И ОС
О

На правомъ квадратѣ: Апостолъ Павелъ, обращенный въ лѣвую сторону, къ Петру, обѣими руками держитъ лежащее на груди евангеліе; ризы на немъ тѣ же, что на Петрѣ, но на Павлѣ верхняя риза, кромѣ всей лѣвой стороны, закрываетъ часть праваго плеча. Головные волосы, съ двумя спустившимися на лобъ кудрями, исполнены темнолазоревой блестящей финифтью, также какъ и усы и борода; послѣдняя своимъ раздѣленіемъ на три косы представляетъ сходство съ брадою Предтечи. Евангеліе въ рукахъ Апостола краснаго цвѣта, съ серединкомъ и наугольниками синими.

Надпись по обѣ стороны отъ головы къ плечамъ святаго слѣдующая: о п
а л
г у.
н л
о о
с

Будучи на обоихъ квадратахъ, также какъ и изображенія, совершенно одинаковаго характера, надписи представляютъ собою особую замѣчательность въ пропускѣ буквы с, которой не находимъ, при изображеніи Петра въ словѣ *ο αγιος*, а при Павлѣ въ словѣ *Παυλος*.

Для сравненія этихъ древнѣйшихъ изображеній съ нашими подлинниками, выпишемъ изъ послѣднихъ характеристическія черты, представляемыя вмѣстѣ въ одинъ день празднованія памяти Первоверховныхъ Апостоловъ 29 Іюня и какъ видно на одной иконѣ.

«Святыхъ славныхъ и всехвальныхъ Апостолъ Петра и Павла; другъ на друга зрятъ, въ облацѣ Спасъ; Петръ сѣдъ, брада Николина, риза вохра съ бѣлиломъ, исподь лазорь; Павелъ плѣшатъ, носъ великъ, усъ голъ, власы на главѣ назадъ мало спустились, брада аки Предотечи, мало поменьше, разсохата на пять космовъ, очима свѣтелъ, ризы багоръ, исподь лазорь, руки правыя молебны, у Петра ключъ, а у Павла Апостолъ, ноги босы, а нидѣ пишутъ держитъ Евангеліе, надъ ними Пречистая съ Превѣчнымъ Младенцемъ въ облацѣ, около ихъ споры оплетены.»

Замѣчательные варіанты, относящіеся собственно до типа этихъ Апостоловъ, ограничиваются прибавленіями такого рода, что у Петра власы велики, что Павелъ русъ, брада у него съ кудерцемъ, носъ поклянъ выхорекъ (такъ); другія подробности сюда нейдутъ, и потому скажемъ о нихъ въ своемъ мѣстѣ.

Два квадрата съ поясными изображеніями по концамъ средокрестья заняты иконами Богоматери и Іоанна Предтечи, въ такихъ положеніяхъ, въ которыхъ они изображаются обыкновенно въ Деисусѣ. Богородица обращена вправо, съ наклоненною главою, воздѣтыми руками; сверхъ свѣтлозеленаго съ бѣлою каймою убруса ея, на головѣ и на правомъ плечѣ бѣлые кресты, верхняя риза, покрывающая весь станъ, синяя, а проглядывающая только подъ лѣвою рукою исподь — свѣтло-голубая; нарукавье одно красное, другое зеленое. Изображенію сопутствуютъ обычныя монограммы м҃р — ѳ҃ѵ.

Іоаннъ Предтеча обращенъ влѣво съ воздѣтыми руками, въ ризахъ цвѣта одинаковаго съ упомянутыми апостольскими, свѣтлая исподь видна только у шеи, исподъ поднятой вверхъ правой руки, которая въ свою очередь усердіемъ художника украшена золотымъ орнаментомъ. На лѣвой рукѣ нарукавье голубое съ красными коймами. Согласно древнѣйшимъ начертаніямъ и указаніямъ самыхъ подлинниковъ, Предтеча является здѣсь съ длинными, на головѣ приподнятыми, а по плечамъ раздѣляющимися на косы, волосами, и съ такою же раздѣленною на четыре космы брадою. Надпись по обѣ стороны Іоанна отличается еще большею неточностью:

ѡі о п
н а о д
р о
и
о с.

Въ ней первая буква ѡ ошибкою помѣщена вмѣсто о, далѣе слѣдуетъ непонятное *ι*, заимствованное, можетъ быть, изъ слова *αγιος*; третья буква начинаетъ имя и слѣдующая за нею пропущена, а поставлена прямо а съ титломъ внизу. Такимъ же образомъ на другой сторонѣ, вмѣсто *ο προδρομος* стоитъ ошибочное *οποδρομος*. Вообще Греческія надписи этого разряда финифтей отличаются своею неточностью и едва ли могли быть исполнены образованнымъ Греческимъ художникомъ, а золотыхъ дѣлъ мастера должны бы быть такими. Если же мы присоединимъ сюда Русскую надпись на одной изъ этихъ финифтей, которая, по характеру начертанія и красокъ, необходимо того же времени и, можетъ, той же руки, то мы, кажется, безошибочно можемъ приписать всѣ пять финифтей квадратами, по мѣсту происхожденія, Россіи, а по времени — XI вѣку.

Пять финифтей квадратами рѣзко отличаются отъ описанныхъ выше шести кивотцами. Не смотря на неправильность рисунка, общую почти всѣмъ изображеніямъ Византійской иконографіи, въ исполненіи ихъ столько художественнаго, что ихъ, по справедливости, можно отнести къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ финифтянаго дѣла. Соблюденіе типовъ святыхъ отличается вѣрностью; составы финифтяной массы необыкновенно прозрачны; кромѣ того, они сверху покрыты глазурью, столь упорно противостоящею времени и отличающею всѣ лучшія произведенія древняго періода; вообще работа этихъ финифтей, проникнутая усердіемъ къ своему дѣлу художника, показываетъ необыкновенную окончанность въ отдѣлкѣ мельчайшихъ подробностей, весьма удачный подборъ разнообразныхъ блестящихъ красокъ, наконецъ, желаніе художника въ извѣстной степени приблизиться къ природѣ, что особливо замѣтно въ естественности положеній каждой фигуры, въ круглости лицъ, не столь тощихъ, и близкихъ къ природѣ. Вообще можно сказать смѣло, что происхожденіе этихъ финифтей не далеко отъ времени процвѣтанія Византійской эмали; въ нихъ еще свѣжи преданія и пріемы лучшихъ мастеровъ Греческой иконографіи.

Скажемъ въ заключеніе, что и эти финифти по всѣмъ признакамъ не были первоначально приготовлены для оклада Мстиславова евангелія. Составъ ихъ видимо не полонъ; кромѣ того, размѣщены они произвольно, вопреки требованій сюжета. Нельзя не замѣтить, что финифти эти входили нѣкогда въ составъ цѣлаго или полнаго Деисуса, состоящаго изъ семи лицъ, изъ которыхъ на лицо теперь только четыре: Богоматерь, Предтеча, Петръ и Павелъ, недостаетъ главнаго лица изъ Деисуса, Спасителя и двухъ Архангеловъ. Всѣ они, по извѣстному правилу, должны были на первоначальномъ своемъ мѣстѣ помѣщаться въ одинъ рядъ. Изображеніе Престола Господня остается въ такомъ случаѣ указаніемъ на другой памятникъ, потому что врядь ли оно могло занимать мѣсто Спасителя въ полномъ Деисусѣ. Много вопросовъ рождаетъ созерцаніе этого превосходнаго памятника, но, къ сожалѣнію, всѣ они до времени должны остаться нерѣшенными. Быть можетъ, гдѣ нибудь со временемъ отыщутся случайно остальныя затерянныя финифти, общія съ разсмотрѣнными нами; тогда они доскажутъ многое, что теперь представляется лишь загадкою.

Наконецъ, всѣ разсмотрѣнныя нами доселѣ финифти далеко уступаютъ въ исполненіи двумъ финифтямъ, помѣщеннымъ въ подножіи креста. По характеру чисто-Греческому надписей, по превосходной работѣ и цвѣту красокъ финифтей, по отчетливому и правильному рисунку фигуръ, по удачному исполненію едва замѣтныхъ для глазъ подробностей въ этихъ миніатюрахъ, мы должны отнести ихъ къ весьма немногимъ, лучшимъ произведеніямъ Греческой финифти, сохранившимся отъ X вѣка. До сихъ поръ мы не можемъ указать ни одного памятника въ этомъ родѣ, который бы могъ соперничать съ ними, кромѣ, развѣ, небольшаго образка съ изображеніемъ распятія и предстоящихъ, найденнаго вмѣстѣ съ Рязанскими бармами.

Появленіе этихъ двухъ финифтей на окладѣ евангелія мы отнесли къ позднѣйшей перестановкѣ на томъ же основаніи, на которомъ относили появленіе шести финифтей кивотцами къ древнѣйшей, близкой къ первоначальной. Какъ послѣднимъ принадлежатъ существенныя мѣста на окладѣ, такъ первымъ принадлежатъ совершенно лишнія мѣста, именно тѣ, которыя, будучи не заняты, не составили бы вовсе значительнаго пробѣла въ древнемъ украшеніи оклада. Извѣстно, что самая форма креста, которая имѣлась въ виду при распредѣленіи финифтей оклада и, которая, чрезъ помѣщеніе въ подножіи этихъ двухъ финифтей, является осьмиконечной, форма, столь долго и несправедливо оспориваемая нашими Старообрядцами, стала господствующею формою креста только съ XVI вѣка. Къ этому же періоду, какъ мы уже видѣли, относится и окончательное обновленіе оклада. До того же времени, кромѣ древнѣйшей формы Греческаго четырехконечнаго креста, была господствующею шестиконечная, состоящая изъ возглавія и средокрестья, безъ отдѣльной части подножія, или изъ средокрестья и подножія, безъ возглавія.

Двѣ финифти, служащія лучшимъ украшеніемъ оклада, помѣщены на послѣднемъ планѣ отчасти по тому, что онѣ представляли двухъ Апостоловъ, не имѣвшихъ вообще въ украшеніяхъ окладовъ евангелій такого значенія, какъ Деисусъ; но, съ другой стороны, самая относительная неважность ихъ отчасти указываетъ на возможность явленія этихъ финифтей на окладѣ позднѣе другихъ.

Не смотря на то, что изъ всѣхъ финифтей оклада онѣ самыя миніатюрныя ($^7/_8$ верш. длин., $^3/_8$ шир.), онѣ одни изображаютъ фигуры не поясными, а цѣльными стоящими.

Изъ двухъ четыреугольныхъ продолговатыхъ дощечекъ, на которыхъ финифтью представлены Апостолы, на лѣвой находимъ св. Іакова, на правой св. Варѳоломея Святые обращены другъ къ другу, стоятъ босыми ногами на зеленыхъ подушкахъ. Одежда на нихъ обычная апостольская — свѣтлая, блѣдно-голубая исподь и темная, синяя верхняя риза; послѣдняя спадаетъ, драпируясь въ безчисленныхъ складкахъ.

Вѣнецъ вокругъ головы Іакова голубаго цвѣта съ красною каймою. Правая рука его молебная, въ лѣвой свитокъ, волосы на головѣ и раздѣлившаяся на двѣ косицы борода чернаго цвѣта. Изъ вертикальной надписи, идущей отъ головы къ плечамъ на двухъ

О	О
І	К
А	О
К	С
=	

узенькихъ дощечкахъ мы узнаемъ, что здѣсь изображенъ Іаковъ, по одеждѣ мы узнаемъ въ немъ Апостола, но намъ остается рѣшить, какой изъ двухъ Апостоловъ того же имени изображенъ здѣсь, Іаковъ, братъ Господень, или Іаковъ, братъ Іоанна Богослова. Первый въ позднѣйшихъ памятникахъ XVI и XVII вѣка является обыкновенно въ общемъ типѣ Святителя, второй въ чисто-Апостольскомъ. Съ другой стороны, у перваго борода Власьева съ космами на концѣ, у втораго Космина. Легко можетъ быть, что въ древнѣйшихъ памятникахъ первый является также съ типомъ апостольскимъ, безъ святительскихъ ризъ, что гораздо ближе идетъ къ дѣлу.

Помѣстимъ для сравненія выписку изъ нашего подлинника съ варіантами, въ которой описаны оба Апостола:

23 Октября. «Святаго Апостола Іакова брата Господня по плоти, Епископа бывша перваго во Ерусалимѣ; первый святитель, самъ Христосъ поставилъ его во святителя; брада долѣ Власьевы, на концѣ космачки, риза святительская бѣла, пробѣлъ лазорь, исподь дичь, амфоръ, евангеліе, рукою благословляетъ, а въ другой Евангеліе.»

Въ варіантахъ этого описанія, въ одномъ подлинникѣ, о волосахъ прибавлено: власы малы; въ другомъ объ одеждѣ сказано: ризы багоръ съ бѣлилы пробѣлены лазорью, исподь дымчатъ, бѣлъ; въ послѣднемъ такъ же, какъ и еще въ одномъ, находящемся у насъ подлинникѣ, не упомянуто о томъ, что ризы на Апостолѣ святительскія.

16 Ноября. «Святаго Апостола Іакова брата Іоанна Богослова, глава и брада, что Козмина, риза верхняя празелень, исподь лазорь, въ рукахъ свитокъ.»

30 Апрѣля. «Святаго и всеславнаго Апостола брата святому Іоанну Богослову. Русъ, брада долѣ Космины, ризы дичь санкиръ съ бѣлиломъ, исподь вохра, въ рукѣ евангеліе, правою благословляетъ вверхъ, ноги босы въ сандаліяхъ.»

Замѣчательными варіантами прочихъ редакцій являются обозначенія волосъ русыми, ризъ Апостольскими; во всѣхъ подлинникахъ безъ исключенія, черты святаго по апрѣльскому описанію опредѣлены брадою долѣ Космины и одинаковыми ризами; кромѣ того, нѣкоторые подлинники въ этомъ явленіи придаютъ рукѣ свитокъ, головѣ — волосы просты.

Надпись на двухъ дощечкахъ по сторонамъ Апостола Варѳоломея повреждена до того, что мы съ трудомъ могли разобрать ее. Отъ нея сохранилась одна нижняя буква на лѣвой дощечкѣ и нѣсколько буквъ, или половина имени на правой. Вѣнецъ вокругъ главы этого святаго зеленаго цвѣта, волосы на головѣ и окладистая борода сдѣланы подъ сѣдину свѣтло-голубаго цвѣта, правою святой благословляетъ, въ лѣвой держитъ закрытый свитокъ, бѣлаго цвѣта, отъ верхней ризы обнажена только правая половина груди, одна рука и правая сторона внизу.

О л м є „

Помѣщенному въ подлинникахъ двукратному празднованію памяти святаго Варѳоломея соотвѣтствуютъ два совершенно особыхъ описанія святаго.

11 Іюня. «Святыхъ Апостолъ Варѳоломея и Варнавы. Варѳоломей русъ, брада Космина, риза празелень, исподь лазорь, во амфорѣ и свитокъ; Варнава русъ аки Іоакимъ Богоотецъ, риза баканъ, исподь лазорь, въ амфорѣ и свитокъ.»

25 Августа. «Возвращеніе честныхъ мощей св. Апостола Варѳоломея отъ Липариска острова во градъ Меневдъ; сѣдъ, брада Іоанна Богослова, риза багоръ, исподь лазорь.»

Если остатки финифтей каждаго изъ двухъ предшествующихъ разрядовъ очевидно указываютъ на цѣлыя собранія, которыя составляли они въ первоначальномъ составѣ своемъ, до появленія на окладѣ, то мы имѣемъ основаніе и въ этихъ двухъ финифтяхъ видѣть остатки цѣлаго ряда финифтей съ изображеніями Апостоловъ. Главнымъ поводомъ къ этому предположенію можетъ служить случайность сопоставленія именно этихъ двухъ Апостоловъ, соименныхъ которымъ мы не встрѣчаемъ двухъ историческихъ лицъ одного, ближайшаго къ произведенію финифтей, времени. Подобнаго рода

финифти были слишкомъ цѣнны для того, чтобы не получить свое начало въ такомъ ограниченномъ количествѣ и безъ особой значительности лицъ, для которыхъ были приготовлены. Они служили, какъ извѣстно, предметами необыкновенной рѣдкости даже во время процвѣтанія финифтянаго дѣла, и потому, быть можетъ, сохранилось ихъ такъ мало. Дальнѣйшія изслѣдованія памятниковъ со временемъ рѣшатъ дѣло окончательно, но не прежде, какъ будутъ описаны и изданы одновременныя нашимъ финифти. Мы больше другихъ имѣемъ право надѣяться на это, потому что намъ случалось нападать на слѣды финифтей въ такихъ мѣстахъ, гдѣ мы ихъ менѣе всего ожидали встрѣтить, на примѣръ, внутри задѣланныхъ наглухо панагій и проч.; но объ этомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о финифтяхъ, исполненныхъ на золотой дощечкѣ, въ которую вставленъ серединкъ со Спасителемъ. Дощечка эта (длин. $3^3/_8$ вершк., шир. $2^6/_8$) представляетъ большую четвероугольную, звѣздообразную, съ волнистыми сторонами, закругленными углами и прорѣзнымъ въ серединѣ пятиугольникомъ, бляху, наложенную на окладъ такимъ образомъ, что углы ея приходятся противъ средины каждой изъ четырехъ линій оклада. Она прибита къ окладу осьмью золотыми штифтами, и, по всѣмъ признакамъ, сдѣлана въ Новгородѣ, въ то время, когда обновлялся окладъ, т. е., въ 1551 году. Продолговатая форма ея обусловливается, безъ сомнѣнія, такою же формою серединка со Спасителемъ, который долженъ былъ занять мѣсто внутри ея.

Изображенія на этой дощечкѣ исполнены совершенно другимъ, позднѣйшимъ, способомъ производства, представляютъ другаго характера рисунокъ и Русскія горизонтальныя надписи, переходящія въ скоропись и замѣчательныя преимущественно начертаніемъ буквы *в*, и.

Размѣщены изображенія между линіями серединка и изгибами волнистыхъ линій бляхи; вверху и внизу Спасителя, шестокрылые Херувимы, по бокамъ его, по стоящему Архангелу, по четыремъ угламъ, по поясному въ кругахъ Евангелисту. У верхняго Херувима два заднія крыла, зеленаго цвѣта, и два передніе, опущены, два среднія, синяго, парящи, или, какъ говорятъ древнія описи, пластаны, подпись по бокамъ его, вверху: херв-ки. У нижняго, крылья тѣхъ же цвѣтовъ, два заднія подняты вверхъ, два передніе опущены, и тѣ и другія сложены вмѣстѣ, два среднія распущены по сторонамъ. Надпись: сера-ѳим. На головѣ верхняго Херувима нѣчто въ

родѣ шишака синяго цвѣта. Круглыя лица обоихъ обозначены прямо золотымъ основаніемъ дощечки съ проложенными синею эмалью частями лица.

Изъ двухъ Архангеловъ по сторонамъ Спасителя, налѣво стоитъ Михаилъ, направо Гавріилъ, оба на зеленыхъ квадратахъ, съ преклоненными нѣсколько головами, въ одинхъ рукахъ держатъ круги съ монограмами Спасителя ІС ХС, въ другихъ жезлы съ шестиконечными крестами вверху Крылья ихъ и исподнія ризы свѣтло-голубаго цвѣта, кудрявые волосы на головѣ и верхнія ризы синяго, вѣнцы кругомъ главы зеленаго. остальное все цвѣта золотой дощечки съ прокладкою главныхъ очерковъ финифтью синяго цвѣта. — Надписи: ӑ҆ — михаи҃, ӑ҆ гаври҃.

Изъ четырехъ Евангелистовъ, помѣщенныхъ въ двойныхъ финифтяныхъ окружностяхъ , по угламъ середника, вверху налѣво Іоаннъ, направо Матѳей, внизу налѣво Маркъ, направо Лука; всѣ они въ лѣвой рукѣ держатъ Евангеліе, кромѣ Матѳея, у котораго въ правой свитокъ, у Іоанна и Марка правыя руки молебныя, у Луки простерта какъ бы въ разговорѣ. Ризы верхнія на всѣхъ синяго цвѣта, у нѣкоторыхъ, кромѣ того, видны части свѣтло-голубой исподи. Вѣнцы зеленые. Для обозначенія тѣла и тѣней оставлено золотое основаніе дощечки, проложенное въ приличныхъ мѣстахъ синею финифтью. Надписи, какъ и на всѣхъ прочихъ изображеніяхъ, сдѣланы синею эмалью: ѻ҃ аїоі̂ - бгосло҃, ѻ҃ матѳ҃ — єѵагл҃и, ѻ҃ а мр҃ — єѵагл҃и, ѻ҃ лѹ҃ — єѵагли.

Вообще уже изъ этого описанія финифтей послѣдней запоны замѣтно иное производство финифтянаго дѣла. Тогда какъ всѣ разсмотрѣнныя нами прежде финифти исполнены, соотвѣтственно разнымъ частямъ, различными цвѣтными составами въ углубленіяхъ, сдѣланныхъ въ золотыхъ дощечкахъ и въ промежуткахъ золотыхъ стѣнокъ, изображенія на этой бляхѣ исполнены всего только въ три цвѣта составами, положенными прямо на поверхность или въ весьма незначительное углубленіе золотой дощечки, посредствомъ которой обозначенъ самый цвѣтъ тѣла изображеній. Перваго рода производство финифти можно назвать вставочнымъ, инкрустированнымъ, мозаичнымъ, второе накладнымъ, наведенныхъ сверху. Произведенія перваго рода финифтянаго дѣла называются въ нашихъ старыхъ описяхъ утворенными муссіею, муссіею въ финиптахъ, т. е., финифтяною мозаикою, вѣроятно, по сходству ихъ съ мозаикою,

втораго, наведенными финифтью и общимъ именемъ финифтей. Послѣднія составляютъ средину между инкрустированными финифтями и собственно финифтяною живописью.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности о финифтяномъ дѣлѣ вообще, изученіе котораго заслуживаетъ особой монографіи. Скажемъ, съ своей стороны, въ ободреніе археологамъ, что, не смотря на прекрасный трудъ по этому предмету Забѣлина, и многія сочиненія, вышедшія за границей, еще обширное поле для изслѣдованій открыто и ждетъ дѣлателей по исторіи финифтянаго производства вообще и Русско-Византійскаго въ особенности.

Изъ предложеннаго здѣсь описанія оклада Мстиславова евангелія мы приходимъ къ выводамъ, изъ которыхъ, объ однихъ еще не упоминали описатели этого оклада, о другихъ же утверждали совершенно противное. Они относятся, съ одной стороны, лишь до исторіи памятника, съ другой, до исторіи финифтянаго дѣла въ Россіи.

Припомнимъ главнѣйшіе изъ нихъ:

1. Происхожденіе современнаго оклада Мстиславова евангелія ни какимъ образомъ не можетъ быть приписано ни Константинополю, ни XII вѣку, потому что все безъ исключенія, отъ перваго до послѣдняго этого памятника, противорѣчитъ тому и другому.

2. Если Мстиславово евангеліе украшено въ Греціи окладомъ, то не тѣмъ окладомъ, который мы видимъ на немъ въ настоящее время, но другимъ, который въ формѣ своей не имѣетъ ничего общаго съ современнымъ.

3. Современный окладъ представляетъ на серебряной позолоченой сканной доскѣ разновременное и разнохарактерное собраніе финифтей, распадающееся, по характеру начертаній, формату и подписямъ, на четыре главныхъ разряда. Двѣ золотыхъ дощечки формата продолговатаго четыреугольника, съ изображеніями двухъ стоящихъ Апостоловъ, X столѣтія; пять квадратныхъ дощечекъ, съ изображеніемъ Деисуса и Престола Господня, XI столѣтія; шесть дощечекъ пятиугольныхъ, съ острымъ угломъ вверху, изображающихъ Спасителя и пять мучениковъ, XII столѣтія; запона, окружающая серединкъ, съ изображеніями поясныхъ евангелистовъ, херувимовъ и стоящихъ архангеловъ, XVI столѣтія.

4. Судя по сохранившимся на самомъ окладѣ данным, можно допустить три существенныхъ видоизмѣненія его формы: окладъ первоначальный, отъ котораго остались, быть можетъ, только двѣ финифти X-го столѣтія; окладъ позднѣйшій XVI-го столѣтія, дошедшій до нашего времени; окладъ, средній между этими двумя, служивший основаніемъ для современнаго большинствомъ сохранившихся финифтей и самымъ способомъ ихъ размѣщенія. Его отнести можно къ XIII столѣтію.

5. По очевиднымъ внѣшнимъ признакамъ и по сюжетамъ своимъ всѣ финифти, будучи наложены на окладъ современный не въ Греціи, а въ Россіи, до помѣщенія своего сюда, первоначально имѣли другое, болѣе самостоятельное, назначеніе Шесть финифтей служили запонами великокняжескимъ бармамъ, пять составляли, или цѣлый Деисусъ, тогда недостающая дощечка должна быть съ изображеніемъ пояснаго Спасителя, или были размѣщены по концамъ креста, тогда недостающее изображеніе падаетъ на Распятіе; двѣ четыреугольныхъ финифти этого оклада указываютъ на цѣлый рядъ Апостоловъ, который могъ имѣть мѣсто въ первоначальномъ окладѣ.

6. Только двѣ послѣднія финифти, съ изображеніемъ Апостоловъ, какъ произведеніе Византійскихъ фабрикъ, не могли быть сдѣланы въ Россіи; прочія легко могли получить свое начало и въ Россіи, одни подъ вліяніемъ Греческихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, другія непосредственно отъ Русскихъ мастеровъ.

7. Пребываніе на окладѣ чисто-Византійскихъ финифтей X столѣтія можетъ служить доказательствомъ, вмѣстѣ съ другими подобнаго рода памятниками, каковы, напримѣръ, образокъ, съ распятіемъ изъ Рязанскихъ бармъ, круглый образокъ Спасителя, заключенный въ панагіи Благовѣщенскаго собора, четыреугольная панагія съ изображеніемъ Сошествія во адъ, находящаяся въ томъ же Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, и нѣкоторыя другія неизданныя финифти, что въ Россіи въ то время, и даже съ распространеніемъ Христіянства, были уже распространены финифти, хотя и не въ большомъ количествѣ. Пребываніе Греко-Русскихъ финифтей XI и XII стол. указываетъ на существованіе въ Россіи самаго производства финифтянаго дѣла, подтверждаемое отрывочными указаніями на то Русскихъ лѣтописей. Финифти XVI столѣтія, изготовленныя въ Новгородѣ.

указываютъ на то, что даже до самаго этого періода финифтяное дѣло продолжало воздѣлываться въ значительныхъ городахъ Россіи.

8. Первоначальное назначеніе шести финифтей кивотцами этого оклада указываетъ намъ на то, что еще въ глубокой древности финифтяное производство не ограничивалось въ Россіи исключительнымъ назначеніемъ украшать храмы, но служило и для украшенія великокняжескихъ одеждъ и могло имѣть болѣе обширный кругъ потребителей, что подтверждается также другими памятниками, Рязанскими бармами, древнѣйшими финифтяными серьгами, кольцами и проч.

Этими замѣчаніями, истекающими изъ непосредственнаго изученія одного памятника, считаемъ приличнымъ ограничить первую часть нашего изслѣдованія; въ слѣдующей статьѣ мы будемъ имѣть случай сообщить еще нѣсколько фактовъ по исторіи финифтянаго дѣла въ Россіи.

Г. Филимоновъ.

ГОЛОСЪ

ВЪ

ЗАЩИТУ СПИСАТЕЛЕЙ ПЕЧЕРСКАГО ПАТЕРИКА,

СВ. СИМОНА, ЕПИСКОПА ВЛАДИМИРСКАГО И СУЗДАЛЬСКАГО, И ПРЕПОДОБНАГО ПОЛИКАРПА, АРХИМАНДРИТА КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ.

Въ 1-мъ выпускѣ II-го тома «Извѣстій Императорскаго Археологическаго Общества на 1859 годъ,» въ отдѣлѣ Библіографіи, напечатанъ разборъ г. Полѣнова «Церковно-историческаго описанія Владимірскихъ и Суздальскихъ древностей и достопамятностей,» соч. Магистра Іеромонаха Іоасафа (стр. 44—54). Въ этомъ разборѣ, между прочимъ, сказано: «Не смотря на многія достоинства сочиненія отца Іоасафа, въ нихъ, однако же, встрѣчаются нѣсколько важныхъ неточностей....» Главною изъ нихъ, въ рецензіи г. Полѣнова, признается то, что, по описанію отца Іоасафа: «Первымъ Епископомъ Владимірскимъ и Суздальскимъ былъ Симонъ Святый, подвижникъ Кіево-Печерскій,» тотъ самый, который, какъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа отца Іоасафа, написалъ многія житія Печерскихъ угодниковъ и извѣстное Посланіе къ Поликарпу. «Но этотъ Симонъ, продолжаетъ г. Полѣновъ, возведенъ былъ въ санъ Епископа не въ 1160 году, какъ сказано у отца Іоасафа, а въ 1214 г., и преставился 22 Мая, 1226 года. Такъ показано и въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1214 г., и у Карамзина (И. Г. Р., изд. 2, т. III, пр. 171) и у всѣхъ позднѣйшихъ писателей....» Остановимся на семъ главномъ положеніи; если отецъ Іоасафъ, по словамъ г. Полѣнова, неправъ въ ономъ, то, конечно, и частности разсказа должны быть отвергнуты.

Точное опредѣленіе времени жизни Св. Симона и Прп. Поликарпа, дѣйствительно, и мы считаемъ дѣломъ весьма важнымъ; ибо отъ сего зависитъ точное опредѣленіе времени историческихъ данныхъ, заключающихся въ важныхъ, какъ для исторіи Русской вообще, такъ и для исторіи церковной въ особенности, писаніяхъ сихъ обоихъ св. мужей.

Относительно же отца Іоасафа замѣтимъ, что онъ, какъ кажется намъ, обвиненъ г. Полѣновымъ немного поспѣшно, безъ строгаго изслѣдованія его вины на мѣстѣ, то есть, съ помощію мѣстныхъ показаній и изысканій. И я хотя и ознакомился впервые съ сочиненіемъ отца Іоасафа изъ рецензіи г. Полѣнова, и не имѣю удовольствія лично знать его, но, будучи нѣсколько знакомъ съ сущностью затронутаго вопроса, рѣшаюсь быть адвокатомъ отца Іоасафа, передъ судомъ исторической критики, приглашая въ посредники другихъ, болѣе насъ знакомыхъ съ этимъ вопросомъ, для произнесенія по оному окончательнаго приговора.

Читая вышеупомянутыя обвиненія отца Іоасафа, съ перваго взгляда не можетъ не показаться страннымъ: съ чего человѣкъ взялъ, не справясь съ лѣтописями, Карамзинымъ и всѣми позднѣйшими писателями, пріурочивать столь извѣстное лицо, какъ Св. Симонъ Епископъ, списатель Печерскаго Патерика, къ 1160 году, вопреки ясному указанію всѣхъ означенныхъ источниковъ? Точно важная и непонятная неточность.... Такъ нельзя шутить съ хронологіею въ историческихъ изысканіяхъ. Виноватъ отецъ Іоасафъ, кругомъ виноватъ! Но посмотримъ, точно ли таковъ отзывъ Карамзина и всѣхъ позднѣйшихъ писателей о Св. Симонѣ, Епископѣ Владимирскомъ и Суздальскомъ, то есть, ясный, опредѣленный, безъ всякихъ оговорокъ; не было ли и у нихъ самихъ какихъ либо сомнѣній о времени, въ которое жилъ и дѣйствовалъ списатель Патерика? Есть ли у нихъ безспорныя доказательства на то, что Св. Симонъ, списатель Печерскаго Патерика, и Епископъ Симонъ, упоминаемый въ Лаврентіевской лѣтописи подъ 1214 годомъ, одно и то же лицо? Или это только одно голословное предположеніе?

Мнѣніе о семъ Карамзина выражается въ слѣдующихъ строкахъ 171 примѣчанія къ III тому его Исторіи: «Въ современной лѣтописи (Лаврентіевской) названъ Симонъ (умершій схимникомъ въ 1226 г., Мая 22 числа) учительнымъ и милостивымъ. Тѣло его

было погребено въ соборной Владимирской церкви; какимъ же образомъ очутилось (?) въ Кіевской пещерѣ, не знаю.» И такъ, вотъ первое недоумѣніе, являющееся отъ предположенія (не болѣе), что Св. Симонъ, списатель Печерскаго Патерика, какъ завѣдомо извѣстно, погребенный въ Кіевскихъ пещерахъ, и Симонъ Епископъ, упоминаемый въ лѣтописи, одно и то же лицо.

Далѣе, Карамзинъ, говоря о извѣстномъ Посланіи Св. Епископа Симона къ Пр. Поликарпу, и приводя пространную и замѣчательную выписку изъ полной редакціи сего Посланія, по этому поводу замѣчаетъ: «Сей Поликарпъ, списатель житія Печерскихъ угодниковъ, здравствовалъ, какъ видимъ, и былъ простымъ монахомъ Лавры во время епископства Симонова, отъ 1215 до 1226 года; слѣдственно, онъ не Архимандритъ Поликарпъ, умершій въ 1182 году (по Кіевск. лѣтописи), чего не зналъ авторъ Поликарпова житія, писаннаго въ новѣйшее время» (см. Патерикъ). Кар. III, пр. 171.

И такъ, вотъ является и второе недоумѣніе, и все, по поводу того же, бездоказательно допущеннаго, предположенія.

При послѣднемъ рѣшительномъ приговорѣ о лицѣ Пр Поликарпа, нашъ Исторіографъ (конечно, единственно по тому, что это замѣчаніе летучее, мимоходное, ибо не было повода къ подробному изслѣдованію) не обратилъ вниманія и на то, что всѣ извѣстные доселѣ списки Посланія Симонова къ Поликарпу, надписываются одинаково: «Поликарпу не у̀ сущему Архимандриту;» значитъ, что Посланіе это явилось на свѣтъ послѣ того, какъ Поликарпъ былъ уже Архимандритомъ, почему и требовалась также оговорка, для опредѣленія одной чертой времени его написанія: «не у̀ сущему Архимандриту,» то есть, писано, когда еще Поликарпъ не былъ Архимандритомъ, а слѣдовательно ясно, что онъ былъ имъ въ послѣдствіи.

По поводу замѣчанія, брошеннаго Карамзинымъ, и изъ уваженія къ авторитету нашего исторіографа, лице Архимандрита Поликарпа, описаніемъ Пещерскаго Патерика, какъ увидимъ ниже, было совершенно принесено въ жертву первому бездоказательному предположенію, всѣми позднѣйшими писателями, вопреки ясному указанію лѣтописи и преданію Церкви. Попробуемъ, однако, обратиться къ этимъ «позднѣйшимъ писателямъ», не найдемъ ли у нихъ дока-

зательствъ предположенія, сдѣланнаго Карамзинымъ, и опроверженія тѣхъ недоумѣній, которыя возникли по этому поводу о лицѣ Св. Симона? Авторъ «Историческаго Словаря о Св., прославленныхъ въ Россійской Церкви» (С. П. 1836 года), повторилъ о Св. Симонѣ, почти слово въ слово замѣчаніе Карамзина: «Епископъ Симонъ кончилъ дни свои схимникомъ 1226 г., Мая 10-го (?); онъ погребенъ былъ въ соборной Владимирской церкви; но какимъ образомъ очутилось тѣло его въ Кіевскихъ пещерахъ, неизвѣстно. Церковь совершаетъ память сего св. угодника 10-го Мая» (стр. 25). А по лѣтописи, на которой основано вышеупомянутое сказаніе, и у Карамзина, Епископъ Симонъ преставился 22-го Мая, что и заставило автора «Словаря» произвольно поправить число кончины Симона, для скрытія противорѣчія въ показаніи лѣтописи и церковномъ преданіи. И такъ, вотъ и третье недоумѣніе, для рѣшенія своего, очевидно, требующее мѣстныхъ изысканій.

Авторъ «Лекцій объ исторіи Русской Словесности, преимущественно древней,» разсматривая въ III части подробно сочиненія Св. Симона и Пр. Поликарпа, повторяетъ сказанное въ примѣчаніи къ Исторіи Карамзина, замѣчая при томъ, что «Карамзинъ первый отличилъ черноризца Поликарпа, автора третьей части Патерика, жившаго еще въ первой четверти XIII столѣтія, отъ другаго Поликарпа, который былъ Архимандритомъ съ 1164 года и скончался въ 1182 году» (сему послѣднему приписывали сочиненіе нѣкоторыхъ житій въ Патерикѣ) (ч. II, лекц. 4, пр. 10).

Авторъ «Обзора Русской Духовной Литературы» (стр. 60) повторяетъ о Св. Симонѣ и Пр. Поликарпѣ то же самое, что сказалъ Карамзинъ, переводя при томъ вышеупомянутую надпись на Посланіи Симона къ Поликарпу: «не у сущему Архимандриту» такъ: «иноку, но не Архимандриту» (?!), (стр. 63).

Полагаю, что представленныхъ свидѣтельствъ достаточно для того, дабы показать, что всѣ позднѣйшіе (по отношенію къ Карамзину) писатели повторяли лишь примѣчаніе Карамзина, оставивъ его недоказаннымъ и не обративъ большаго вниманія на возникающія отъ сего недоумѣнія.

Обратимся теперь къ разбору этихъ недоумѣній, напомнивъ ихъ сущность: 1) Епископъ Симонъ, по лѣтописи, погребенъ во Владимирскомъ соборномъ храмѣ, а мощи Св. Епископа Симона, списа-

теля Патерика, почиваютъ нетлѣнно въ Кіево-Печерской Лаврѣ въ пещерахъ.

2) Кончина Епископа Симона, по лѣтописямъ, показана 22 Мая, а память Св. Епископа Симона, нетлѣнно почивающаго въ Кіевскихъ пещерахъ, празднуется 10-го Мая. Притомъ, если бы оно праздновалось послѣ 22 Мая, то можно бы предположить, что въ Кіевѣ празднуется день перенесенія мощей, а теперь и этого предположенія сдѣлать не приходится.

3) На какомъ основаніи, и за что именно, съ голосу Карамзина, лишили Пр. Поликарпа, списателя Печерскаго Патерика, вопреки ясному свидѣтельству лѣтописи и надписи на Посланіи къ нему Св. Симона, Архимандритскаго сана, называя его «простымъ черноризцемъ», или приписывали честь описанія Патерика не Преп. Архимандриту Поликарпу, а иному «черноризцу Поликарпу,» вопреки церковному преданію? (См. у Кар. т. III, пр. 171, и у всѣхъ позднѣйшихъ писателей.)

Для рѣшенія первыхъ двухъ недоумѣній, какъ уже замѣчено выше, надобно обратиться къ мѣстнымъ изслѣдованіямъ, что мы и сдѣлаемъ.

Въ историческомъ собраніи о Богоспасаемомъ градѣ Суждалѣ, написанномъ, какъ извѣстно, Ключаремъ Суждальскаго собора, Аѳаніемъ Ѳедоровымъ, около 1770 года, на основаніи мѣстныхъ изысканій, и напечатанномъ въ 22 книгѣ Временника Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ, въ третьей главѣ, носящей заглавіе: «О преосвященныхъ Епископѣхъ, Архіепископѣхъ и Митрополитѣхъ Суждальскихъ: кто, когда, по комъ престолоправительствовалъ и каковыя при комъ достопамятныя случаи были,» послѣ сказанія о Св. первомъ Епископѣ Суздальскомъ, Ѳеодорѣ, и Святыхъ Епископахъ, Леонтіи и Исаіи Ростовскихъ, «иже и Суздальскую страну управляли духовнымъ правленіемъ,» подъ № 3-мъ, о Св. Симонѣ, первомъ Епископѣ Владимирскомъ и Суздальскомъ, говорится такъ: «Святитель Симонъ Владимирскій (первый) и Суздальскій (третій послѣ св. Ѳеодора и Ефрема), бѣ въ лѣто 6600-е (1032 — 1185), преставился же и положенъ бысть по желанію своему въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ; сей Святитель написа часть Патерика Печерскаго.»

«О немъ свидѣтельство первое: въ Патерикѣ Печерскомъ листъ 277.

«Свидѣтельство второе: въ книгахъ дому Архіерейскаго Суждальскаго расходныхъ 7180 (1672) году значится: память его отправлялась въ соборной церкви торжественно Маія 10 дня

«Свидѣтельство третье: Въ бытность въ Суждальской епархіи Пр. Варлаамъ Епископъ, иже бѣ 1719 года, сей повелѣ въ церковныхъ молитвахъ по Святителѣ Іоаннѣ и Ѳеодорѣ воспоминать тако: иже во святыхъ отецъ нашихъ Іоанна, Ѳеолора и Симона Епископовъ Суждальскихъ чудотворцевъ (еже употреблялись во всю Его Преосвященства бытность въ Суждалѣ). 1756 года, Августа 1 дня, по благословенію Пр. Сильвестра, Митрополита Суждальскаго и Юрьевскаго, помяненнаго Святителя Симона Епископа образъ со протчими Суждальскими Святителми написанъ и поставленъ въ Суждальской соборной церкви, между раками великихъ Святителей Іоанна и Ѳеодора Суждальскихъ чудотворцевъ.»

За тѣмъ слѣдуютъ Епископы Суздальскіе: 4) Св. Лука, 5) Іоаннъ, а подъ № 6-мъ показанъ другой Епископъ Симонъ, о которомъ сказано (согласно съ Лавр. лѣтописью): «Симонъ, Епископъ Владимірскій и Суздальскій, посвященъ въ Епископа при Великомъ Князѣ Георгіѣ Всеволодовичѣ, вмѣсто бывшаго Епископа Іоанна, въ лѣто 6723 (1215); пасъ церковь Божію 12 лѣтъ, преставился въ лѣто 6735 (1227), Мая 22 дня.....»

Въ рукописной лѣтописи Боголюбова монастыря * (копія съ древней), которая начинается 6666 (1158) годомъ, также находимъ подтвержденіе сказанія Анаиія о Епископѣ Св. Симонѣ первомъ и Симонѣ второмъ.

«Св. Лука Епископъ, при державѣ сего Великаго Князя Димитрія Всеволода Георгіевича, на мѣсто Св. Симона Епископа, списавшаго часть Печерскаго Патерика, и положеннаго по кончинѣ въ пещерахъ Кіевскихъ, посвященъ во Епископа во Владимірь, въ Ростовъ и Суждаль, въ лѣто 6693-е, Марта въ первыйнадесять день, Преосвященнымъ Никифоромъ, Митрополитомъ Кіевскимъ.» Послѣ Луки, слѣдуетъ Іоаннъ; далѣе читаемъ: «Въ лѣто 6723 (1215) Владимірскій Епископъ Іоаннъ, конечнаго ради смиреномудрія, оставя епископью и облечеся въ схиму въ Боголюбовомъ монастырѣ, на сво мѣсто посвященъ Епископъ Симонъ во Владимірь и Суждаль,

* Въ моемъ собраніи рукописей.

Кіевскимъ Митрополитомъ.... въ лѣто 6735-е (1227) Преосвященный Симонъ, Епископъ Владимірскій, преставися Мая въ 22 день, пасъ церковь Божію двандесять лѣтъ, на его мѣсто посвященъ Митрофанъ Епископъ....»

Кажется, сего довольно, ибо, по Писанію: «при устахъ двою, или тріехъ, свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ».

И такъ, Св. Симонъ, первый Епископъ изъ Владимирскихъ и третій изъ Суздальскихъ, онъ же и списатель Печерскаго Патерика, пасъ церковь Божію въ 6600-я лѣта (т. е., между 1092—1185) * годами, преставился въ 1185 году, 1-го Мая, и погребенъ, по его желанію, въ Кіевскихъ пещерахъ, гдѣ и донынѣ нетлѣнно почиваютъ его св. мощи и празднуется церковію его св. память.

Симонъ второй, Епископъ Владимирскій и Суздальскій, управлялъ сею епархіею отъ 1215 по 1227, преставился 22-го Мая и погребенъ во Владимирскомъ соборномъ храмѣ.

Въ древнихъ Суздальскихъ памятникахъ, каковъ, на примѣръ, памятникъ Суздальскаго Рождественскаго собора, на который ссылается и авторъ «Сказанія о богоспасаемомъ градѣ Суждалѣ,» въ числѣ первыхъ Суздальскихъ Епископовъ, упоминается и Епископъ Симонъ въ слѣдъ за Іоанномъ (какъ показано выше), но не упоминаются Святые Лука и Симонъ I, его предшественникъ, которыхъ, какъ извѣстно, не вносятъ въ памятники, яко уже прославленныхъ, не имѣющихъ нужды въ нашихъ за нихъ грѣшныхъ молитвахъ, но паче имъ споспѣшествующихъ.

Остается вопросъ: отъ чего же о Св. Симонѣ молчатъ лѣтописи?—А развѣ, спросимъ мы въ свою очередь, они упоминаютъ о всѣхъ Епископахъ, управлявшихъ епархіями съ начала крещенія Русской земли? Тотъ же Св. Симонъ въ Посланіи своемъ къ Поликарпу, говоря о Печерскихъ иноках, поставленныхъ въ Епископы, и упомянувъ изъ числа ихъ о Ростовскомъ Святителѣ Леонтіѣ, о Кіевскомъ Митрополитѣ Иларіонѣ, продолжаетъ: «Послѣ ихъ поставлены были Епископы: Николай и Ефремъ въ Переяславль, Исаія въ Ростовъ, Германъ въ Новгородъ, Маринъ въ Юрьевъ, Мина въ Полоцкъ, Николай въ Тмуторокань, Еоктистъ въ Черниговъ, Лаврентій въ Туровъ, Лука въ Бѣлгородъ, Ефремъ въ Суздаль.» Имена нѣкото-

* По описанію Іоасафа отъ 1160 по 1185.

рыхъ изъ нихъ мы знаемъ, лишь благодаря Посланію Св. Симона. А онъ далѣе говоритъ, что всѣхъ Епископовъ, поставленныхъ въ разныя епархіи, изъ числа иноковъ Печерскихъ, наберется, по старому Ростовскому лѣтописцу (до насъ не дошедшему), до 30, а если считать до его времени, то будетъ и около 50-ти. Развѣ, спрашиваю, извѣстны имена ихъ по лѣтописямъ, до насъ дошедшимъ? И такъ, почему удивляться, что и Св. Симонъ не упоминается у лѣтописца, писавшаго о событіяхъ Владимирско-Суздальскаго Княженія, поколику онъ имѣлъ отношеніе къ Кіевскому и болѣе въ отношеніи усобицъ Князей? Допустивши неправильное предположеніе о времени жизни списателя Патерика, Св. Симона, уже необходимо было передвинуть и лѣта жизни его друга и спостника, Преподобнаго Поликарпа, Архимандрита Кіево-Печерскаго. И вотъ, вопреки ясному указанію лѣтописи, чтобы сдѣлать его, въ угоду летучему замѣчанію Карамзина, современникомъ Епископа Симона II-го, «позднѣйшіе писатели» придумали слѣдующее замысловатое рѣшеніе вопроса о времени, въ которое жилъ Поликарпъ: «Сто шестьдесятъ лѣтъ не было воспоминанія о св. отцахъ обители Печерской.» говоритъ Поликарпъ въ своемъ Посланіи къ Архимандриту Акиндину о св. отцахъ Печерскихъ, въ слѣдъ за тѣмъ, какъ сказалъ, что Несторъ писалъ о Печерскихъ отцахъ въ лѣтописцѣ; а Несторъ говоритъ о нихъ подъ 1074 годомъ; слѣдовательно, выводятъ сіи изслѣдователи, Поликарпъ писалъ свое Посланіе въ 1231 году, а слѣдовательно, это не тотъ Архимандритъ Поликарпъ, который упоминается по лѣтописямъ подъ 1164 годомъ и скончался въ 1182 году. Съ перваго взгляда кажется такъ ясно, что и говорить болѣе не объ чемъ, но, всматриваясь пристальнѣе въ это доказательство, легко убѣдиться, что оно также не можетъ служить надежною опорою для предположенія о существованіи другаго черноризца Поликарпа, писателя, какъ вышеизслѣдованное предположеніе Карамзина о несуществованіи другаго Епископа Симона.

Г. Казанскій, разсуждая вообще о несходствѣ показанія по этому предмету лѣтописи Нестора и Посланія Св. Симона, справедливо и доказательно замѣтилъ (Временникъ 1849 г., кн. 3, смѣсь, стр. 4), что подъ лѣтописью Нестора, составленіе которой ему приписываетъ Поликарпъ въ своемъ Посланіи къ Акиндину, надобно разумѣть не ту лѣтопись, которая извѣстна нынѣ подъ симъ именемъ (какъ несходная съ Патерикомъ въ сказаніи объ отц. Печерскихъ), а вѣроят-

но, отдѣльную записку о началѣ Печерскаго монастыря и знаменитыхъ его подвижникахъ, которая попадается въ рукописныхъ сборникахъ нашихъ отдѣльною статьей; а въ другой статьѣ: «Критическій разборъ свидѣтельствъ Печерскаго Патерика и лѣтописи Нестора,» тотъ же писатель (Временникъ 1850, кн. 7) ясно доказалъ, что вышеприведенное мѣсто изъ Посланія Поликарпа, на основаніи котораго высчитываютъ время существованія «иного Поликарпа» не Архимандрита, есть не что иное, какъ позднѣйшая, неудачная вставка.

И такъ, нѣтъ никакой основательной причины допускать существованіе другаго Поликарпа, списателя Патерика, черноризца, а не Архимандрита неизвѣстнаго, вмѣсто извѣстнаго и прославленнаго Церковію, для подтвержденія бездоказательно допущеннаго смѣшенія двухъ разновременно управлявшихъ Суздальскою епархіею Епископовъ одного имени. Какъ другъ и спостникъ Св. Симона, Преподобный Поликарпъ жилъ и дѣйствовалъ въ одно съ нимъ время. Св. Симонъ, какъ мы видѣли, скончался въ 1185 году, а Пр. Поликарпъ преставился, по лѣтописи (Кіевской Карамз. III, пр. 151), въ 1182 году, слѣдовательно, тремя годами ранѣе своего благодѣтеля, и погребенъ въ Кіевскихъ пещерахъ, гдѣ и донынѣ чествуется его память. Согласно съ симъ говоритъ о Пр. Поликарпѣ и авторъ «Исторіи Россійской Іерархіи,» въ описаніи Кіево-Печерской Лавры: «Пр. Поликарпъ произведенъ въ Архимандрита 1164 года. Онъ былъ сродственникъ Симону, Епископу Владимірскому и Суздальскому, и, живя при немъ во Владимірѣ, написалъ житія нѣкоторыхъ Преподобныхъ Печерскихъ, находящихся во 2-й книгѣ Патерика Печерскаго, и послалъ къ предмѣстнику своему, Архимандриту Акиндину (въ 1156 г. поставленъ игуменомъ, въ 1159 г. посвященъ первымъ Архимандритомъ Кіевской Лавры, скончался въ 1164 году). Послѣ того, съ общаго согласія всея братіи Кіево-печерской, избранъ, по кончинѣ Акиндина, въ Архимандрита. Преставился 1182 года, Іюля 24 дня. Св. мощи его почиваютъ въ ближнихъ пещерахъ нетлѣнны» (Ист. Рос. Іер., ч. II, стр. 44). * Но что же, однако, подало поводъ къ такому ошибочному заключенію

* Авторъ «Описанія Кіево-Печерской Лавры», для подтвержденія предположеній Карамзина, и вмѣстѣ желая устранить явныя недоумѣнія, отъ сего проистекающія, въ списокъ настоятелей Лавры вводитъ, подъ 1215 годомъ, другаго Архимандрита Поликарпа II, не представляя на то никакихъ фактическихъ доказательствъ (см. изд. второе, 1831 года, стр. 137).

о изслѣдываемомъ нами вопросѣ? Очевидно, отзывъ лѣтописца о Епископѣ Симонѣ 2-мъ, что онъ былъ учителенъ; а какъ о Св. Симонѣ молчитъ лѣтописецъ, то и заключили, что это долженъ быть тотъ самый Симонъ, который написалъ часть Печерскаго Патерика, хотя лѣтописецъ съ неменьшею похвалою отзывается и о другихъ, упоминаемыхъ имъ, Епископахъ; такъ, на примѣръ, о Ростовскомъ Епископѣ Пахомiѣ, современникѣ Симона 2-го Суздальскаго, говоритъ, что онъ былъ «исполненъ книжнаго ученiя» (Лавр. лѣт. по изд. А. К., т. I, стр. 185).

Слѣдовательно, отецъ Іоасафъ справедливо называетъ Св. Симона первымъ Епископомъ Владимирскимъ; но на чемъ именно онъ основываетъ извѣстiе о его поставленiи во Епископа въ 1160 году, этого не видно изъ рецензiи г. Полѣнова на описанiе отца Іоасафа, гдѣ, можетъ быть, и объяснено это. Нужно ли послѣ сего говорить о частныхъ чертахъ изъ жизни Св. Симона, упоминаемыхъ отцемъ Іоасафомъ, подвергшихся укору г. Полѣнова?

Таково, на примѣръ, мѣсто изъ Посланiя Св. Симона къ Поликарпу, гдѣ упоминается о Великомъ Князѣ Георгiѣ Владимировичѣ Суздальскомъ: «Аще бы ты (пишетъ Симонъ Поликарпу) былъ достоинъ таковаго сана (Епископскаго), не быхъ ти пустилъ отъ себе, но своими руками намѣстника тя поставилъ быхъ въ обѣ Епископьи, Володимерю и Суздалю, яко же Князь Георгiй хотѣлъ, но азъ ему възбранихъ, видя твое веледушiе.» Извѣстно, что Св. Симонъ скончался въ 1185 г., слѣдовательно, очевидно, что вышеупомянутое выраженiе относится не къ В. К. Георгiю Всеволодовичу (1212—1216), какъ поправляетъ отца Іоасафа г. Полѣновъ, но къ Георгiю (Юрiю) Владимировичу Долгорукому (ум. 1157): а выраженiе Св. Симона о Суздальской Богородицкой церкви, «юже самъ создалъ» (Кар. III, прим. 171), показываетъ, что онъ былъ дѣятельнымъ помощникомъ Великаго Князя Юрiя, при устроенiи церковныхъ дѣлъ его области, о чемъ упоминаетъ въ своемъ описанiи и отецъ Іоасафъ.

Предлагая сiи замѣчанiя о предметѣ, который давно обратилъ на себя мое вниманiе, по поводу разныхъ оговорокъ, въ которыя вводило многихъ изслѣдователей * невѣрное опредѣленiе времени жизни Св.

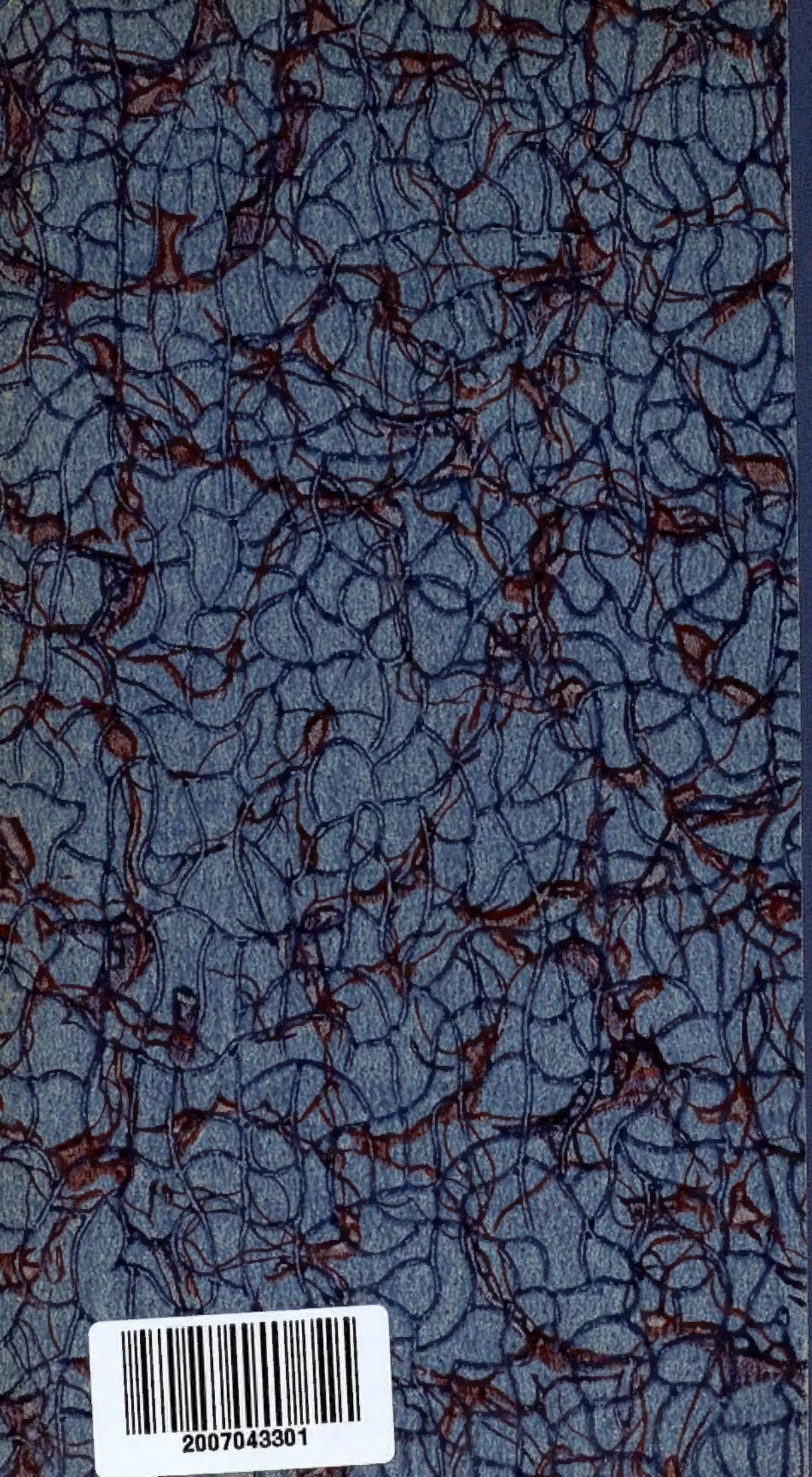
* Таково, напр., недоумѣнiе о времени крещенiя Св. Кукшею Вятичей, относимое, по поводу смѣшенiя двухъ Епископовъ Симоновъ, къ XII вѣку (см Ис. Р. Ц., томъ I, стр. 13).

Симона и Пр. Поликарпа, какъ списателей Печерскаго Патерика, буду весьма радъ, если эти бѣглыя замѣтки обратятъ на сей вопросъ вниманіе лучше меня знакомыхъ съ пріемами исторической критики.

Предвижу и возраженія, но не хочу предупреждать ихъ отвѣтами. Для меня довольно и того, что поднятъ вопросъ, заслуживающій вниманія, по его соприкосновенію съ другими историческими вопросами древняго періода нашей исторіи. Кто знаетъ, можетъ быть, при окончательномъ рѣшеніи его, пригодится къ дѣлу и голословно отвергнутое Карамзинымъ замѣчаніе Татищева, который называетъ Св. Симона «лѣтописцемъ.» Г. Казанскимъ же затронутъ другой любопытный вопросъ о лѣтописи Нестора, который тоже остается безъ отвѣта; ибо, по Писанію: «жатва многа, дѣлателей же мало!»

І. Л.

5 Іюля,
1860 года.


2007043301